

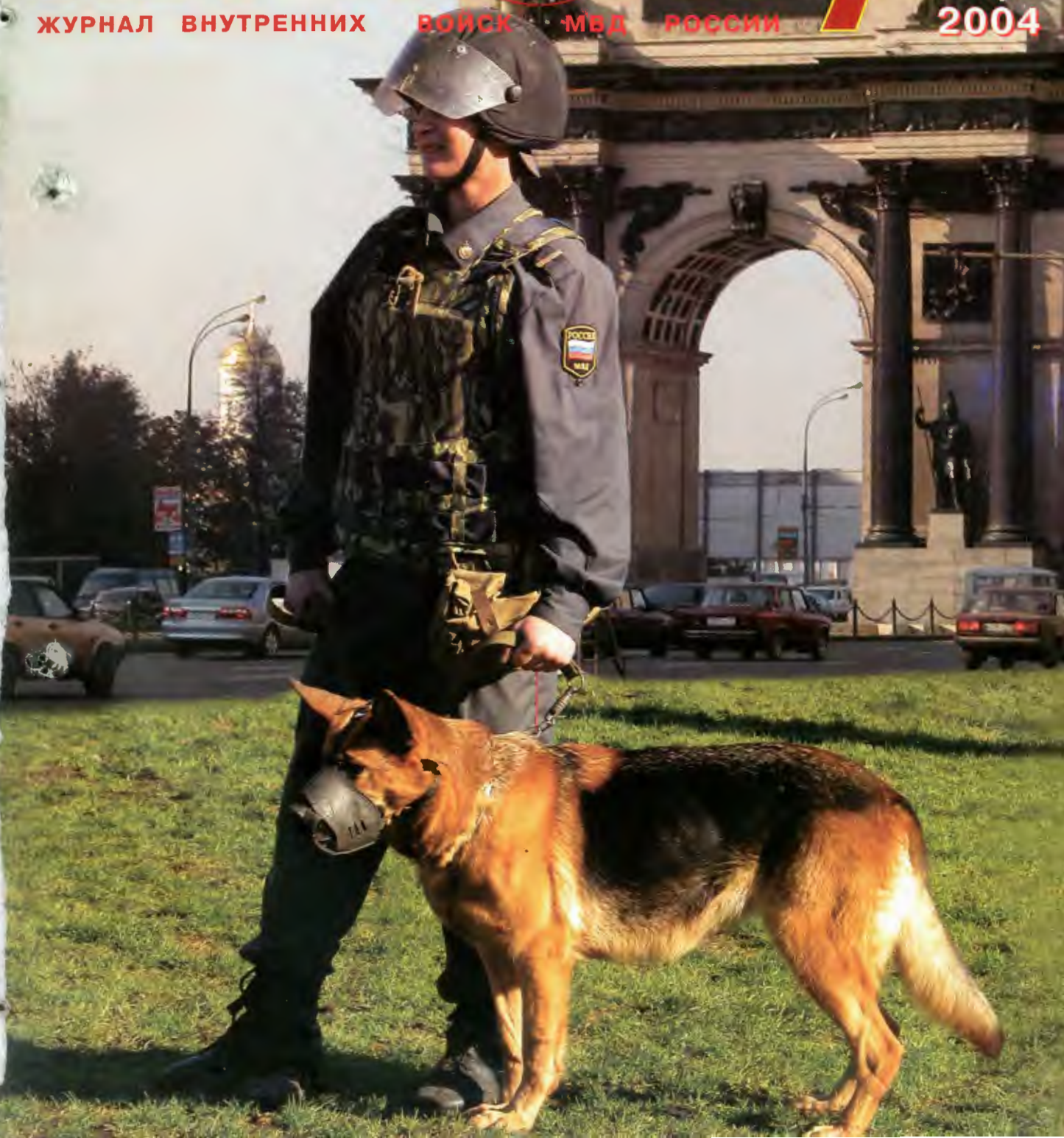
НА Б О ЕВОМ П О С ТУ

№ 11

Н О Я Б Р Ъ

2004

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

60 ЛЕТ. ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

9 октября Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск отметил свой юбилей. На празднование съехались выпускники разных лет из многих регионов нашей необъятной Родины.

Поздравить институт со столь знаменательной датой приехали председатель Счетной палаты Российской Федерации Сергей Степашин, полномочный представитель Президента России в Северо-Западном федеральном округе Илья Клебанов, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Николай Рогожкин, руководство Главного командования и Северо-Западного округа внутренних войск МВД России.

Открывая праздничный митинг, главком отметил, что Санкт-Петербургский военный институт имеет легендарное прошлое, которое напрямую связано с историей страны. Несмотря на то, что менялись названия, суть оставалась одна: подготовка высококлассных специалистов по охране правопорядка и безопасности граждан. И с этой задачей институт успешно справляется.

Капитан Роман ДУРКАЧ, фото автора

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11
ноябрь
2004

- 3 СОТРУДНИЧЕСТВО**
В. ПАНЧЕНКОВ
Внутренние войска
МВД России
принимали гостей из
Франции
- 4 ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА**
В. ВОЛЫНСКИЙ:
"Оперативную
обстановку
контролируем"
- 6 АНТИТЕРРОР**
М. ЛЕОНТЬЕВ:
"Спецназ — это
последний аргумент
власти"
- 7 С. ГОВОРУХИН:**
"Уверен, что спецназ
сработал
профессионально"
- 8 ГОРЯЧИЙ РЕГИОН**
Р. ДУРКАЧ
История одной
командировки
- 11 СЛУЖБА**
Р. АРИБЖАНОВ
На незримом фронте
- 14 И. БЫСЕНКОВ**
Огонь, батарея!..
- 15 И. БЫСТРОВ**
Моряк вразвалочку
сошел на берег
- 18 Р. ИЛЮЩЕНКО**
102-я, дагестанская:
ориентир верный!
- 22 К. АЛЕКСЕЕВ**
Мечта солдата
Кафтанова
- 26 ЛЮДИ И СУДЬБЫ**
И. БЕЛИКОВ
Главный маршал
авиации — ветеран
ОДОНа
- 28 ИСТОРИЯ**
В. ЖУРАВЛЕВ
На лыжах из Иркутска в
Мурманск
- 31 НЕЗАБЫВАЕМОЕ**
Н. СЫСОЕВ
Планы Гудериана
сорвал... полковник
НКВД?
- 36 КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС**
Р. ИЛЮЩЕНКО
"Квартира" в санчасти,
или Штормовое
предупреждение
- 39 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ**
Ю. КИСЛЫЙ
На святых холмах
победы
- 44 ЛИТЕРАТУРА**
Е. ПОПОВ
Небо Ханкалы
- 45 В. ОРЛОВ**
Мой далекий тихий
свет
- 46 И. ЧЕРНЫХ**
Тайна "золотого"
вертолета
- 63 Е. ГУСЕВ**
Сенс

© Журнал «На боевом посту», 2004
Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

ДАТЬ ПАМЯТИ И УВАЖЕНИЯ

3 сентября 2004 года, в преддверии подготовки к празднованию 60-летия Победы нашей страны в Великой Отечественной войне, в Саратовском военном Краснознаменном институте внутренних войск состоялось открытие памятника. Отныне боевая машина пехоты с бортовым номером Ю001 на броне будет стоять на высоком постаменте перед курсантскими казармами.

О важности мероприятия в жизни военного института и Саратова говорит хотя бы тот факт, что на открытии памятника присутствовали высокие гости — главный федеральный инспектор аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе Ринат Халиков, депутат Госдумы Зайнулла Багишаев, мэр города Саратова Юрий Аксененко, представители правительства области, ветераны института.

— Памятник — это наша дань памяти и уважения всем выпускникам института, погибшим при исполнении воинского долга, — сказал начальник военного института генерал-майор Михаил Воронов. — Тем, кто отдал свои жизни в боях с басмачеством и белофиннами, на фронтах Великой Отечественной, в войсковых операциях на Западной Украине и в Прибалтике, афганской войне,

международных конфликтах Кавказа... Это памятник тем, кто мужественно, с честью и достоинством выполнял долг, проявляя доблесть, героизм и взаимовыручку, следуя славным традициям дедов и отцов, демонстрируя качества, во все времена отличавшие лучших представителей российского воинства, в том числе и выпускников Саратовского Краснознаменного...

Впрочем, памятник — это не только своеобразная летопись доблести и славы, не только скорбная память о погибших, но и могучее средство воспитания любви к Отчизне. Именно поэтому, видя в глазах курсантов гордость за героическое прошлое войск правопорядка, за внимание, которое оказывает руководство института ветеранам старейшего в войсках вуза, можно смело утверждать, что будущее внутренних войск вполне предсказуемо.

**Полковник
Василий ШЕВЧЕНКО,
капитан
Вячеслав КАЛИНИН**

СЛУЖА ЗАКОНУ — СЛУЖУ НАРОДУ!

16 октября в Московском университете МВД России состоялась торжественная церемония приведения к присяге курсантов первого курса и присвоения первых офицерских званий пятикурсникам этого элитного учебного заведения в системе МВД.

В церемонии приняли участие министр внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник милиции Рашид Нургалиев, полномочный представитель президента в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин, заместители министра, главнокомандующий внутренними войсками МВД России, начальники Главных управлений МВД России, ГУВД г. Москвы и Московской области, представители Государственной Думы, Совета Федерации, ветераны органов внутренних дел.

В обращении к курсантам и слушателям министр внут-

ренних дел отметил, что сегодня каждый, кто связывает свою судьбу с обеспечением безопасности Отечества, с особой ответственностью должен сверить свои профессиональные, моральные и нравственные ориентиры с требованиями службы, а также с ожиданиями и надеждами людей на безусловную защиту своих конституционных прав и свобод. Министр также подчеркнул, что именно сотрудникам органов внутренних дел предстоит сделать так, чтобы граждане чувствовали себя защищенными.

Главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Николай Рогожкин в своем выступлении подчеркнул, что сотрудники органов внутренних дел, немалая часть которых выпускники этого милицейского вуза, бок о бок с военнослужащими внутренних войск стоят на страже правопорядка и безопасности, борются с преступниками и террористами.

После выступлений руководителей министерства и гостей состоялось приведение курсантов к присяге. Более тысячи первокурсников в присутствии своих товарищей, родных и близких сделали один из ответственных шагов в своей жизни — присягнули на верность народам Российской Федерации.

Торжественное мероприятие в Московском университете завершилось встречей генерал-полковника милиции Рашида Нургалиева с курсантами факультета по подготовке иностранных специалистов, где министр наградил знаками "За верность долгу" двоих курсантов, отличившихся при задержании опасных преступников в Москве.

**Капитан
Вадим ВИННИК**

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА МВД РОССИИ ПРИНИМАЛИ ГОСТЕЙ ИЗ ФРАНЦИИ

В октябре состоялся официальный визит Национальной жандармерии Французской Республики во главе с заместителем начальника управления военного сотрудничества МИД Франции Корин Брюнон-Менье в Россию.

В составе делегации были начальник группы специального назначения Национальной жандармерии Франции полковник Пьер-Ив Корнье, заместитель начальника Центра подготовки Национальной жандармерии Франции подполковник Филипп Шолуа, сотрудник управления военного сотрудничества МИД Франции майор Владимир Микулински и сотрудник подуправления международного сотрудничества Национальной жандармерии Франции майор Лоран Жерен.

Национальная жандармерия Франции является составной частью вооруженных сил и подчиняется министру обороны, решает задачи в интересах вооруженных сил, а также выполняет полицейские и административные функции в интересах всей страны. Деятельность Национальной жандармерии, таким образом, носит межминистерский характер и координируется с министерст-

вом внутренних дел и министерством юстиции.

Делегацию французских правоохранителей принял главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Николай Рогожкин. В ходе беседы он рассказал гостям о внутренних войсках МВД России, их назначении и возложенных на них задачах.

“Мы сегодня активно участвуем в борьбе с терроризмом в объеме тех правовых норм, которые определяют служебно-боевую деятельность внутренних войск. В решение этой задачи вовлечены военнослужащие 16 отрядов специального назначения внутренних войск, которые больше известны как “красные берет”, — сказал генерал-полковник Николай Рогожкин.

Корин Брюнон-Менье заверила главнокомандующего внутренних войск МВД России, что все члены делегации имеют широкие полномочия принимать различного рода предложения о сотрудничестве, которые они доведут до самых высоких руководителей. Она отметила, что постигшее Северную Осетию горе — это одна из причин, побудивших делегацию Национальной жандармерии Франции по-

сетить Россию. “Сегодняшняя встреча органично вписывается в рамки политического сотрудничества, которое установилось между Россией и Францией”, — подчеркнула Корин Брюнон-Менье.

Члены делегации Национальной жандармерии Франции побывали в Центральном музее ВВ МВД России, встретились с командующими войсками некоторых округов внутренних войск, посетили несколько воинских частей, в том числе бригаду оперативного назначения в подмосковном Софрино и старейшую во внутренних войсках Отдельную дивизию оперативного назначения в Балашихе. В Санкт-Петербурге гости побывали в НПО Специальных материалов — признанном лидере производства технических средств противодействия терроризму и средств индивидуальной защиты для сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России.

**Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ,
начальник пресс-бюро
ГКВВ МВД России**

Визитная карточка.

Волынский Владислав Александрович родился 5 ноября 1963 года в Москве. В 1985 году окончил с отличием Омскую высшую школу милиции. Прошел путь от оперуполномоченного уголовного розыска до заместителя начальника главка. Генерал-майор милиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Одним из самых известных праздников, почитаемых у нас в народе, но не отмеченных в календаре красным цветом, давно стал День милиции, который по масштабам торжественных мероприятий сродни Дню защитников Отечества. Военнослужащие внутренних войск справедливо считают его своим вторым профессиональным праздником: у нас одно министерство, милиционеров и солдат одинаково называют стражами правопорядка, воины оперативных и специальных моторизованных воинских частей совместно с сотрудниками органов внутренних дел патрулируют улицы мирных российских городов и решают боевые задачи в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе.

В канун Дня милиции нашему корреспонденту удалось поговорить с заместителем начальника Главного организационно-инспекторского управления МВД России генерал-майором милиции Владиславом Волынским о том, как обстоят дела на фронте борьбы с преступностью.

Генерал-майор милиции
Владислав ВОЛЫНСКИЙ:

"Оперативную обстановку контролируем"

— Владислав Александрович, если внимательно отследить состояние преступности в стране за последние три десятка лет, нельзя не заметить интересную картину. Кривая состояния преступности изменяется причудливым образом. В одни годы она резко ползет вверх, в другие почему-то снижается. Почему это происходит?

— Достаточно вспомнить, какие события происходили и определяли нашу жизнь в разные периоды истории страны, и такие скачки сразу становятся легкообъяснимыми.

Скажем, в 1980 году количество совершенных в Москве преступлений резко снизилось. Но это, к сожалению, не говорит о том, что люди по своей природе стали меньше воровать или убивать. Просто накануне и в ходе Олимпиады и страна, и столица в особенности подверглись серьезной чистке от криминального элемента, а на обеспечение правопорядка работало несравнимо больше сотрудников, чем в обычное время. Государство тогда выделило на эти цели дополнительные — и немалые — материальные и финансовые средства.

Очень чутко реагирует кривая преступности и на изменение законодательства, введение каких-либо новых правовых норм и актов. Так, в 1997 году вступил в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации, и некоторые составы преступлений стали иначе квалифицироваться. Естественно, изменились и показатели по итогам года, поскольку часть цифр перекочевала в другие графы отчетности.

— Выходит, по кривой преступности можно изучать историю страны?

— Так или иначе она отображает практически все важные события. С 1970 года до начала 90-х кривая росла более-менее поступательно. Небольшие скачки, связанные со сменой министров, амнистиями и еще многими другими факторами, кардинально ситуацию не меняют. Например, если в 70-е годы регистрировалось от 700 тысяч до миллиона преступлений ежегодно, в 80-е — около полутора миллионов, то всего лишь

за год — с 1991 по 1992-й — число зарегистрированных в России преступлений возросло более чем на полмиллиона. И это при том, что страна уменьшилась в размерах, Советский Союз перестал существовать. Очевидно, именно распад СССР резко ухудшил криминогенную обстановку.

Рассматривая динамику преступности и результативность борьбы с ней, необходимо учитывать целый ряд взаимосвязанных факторов. В данном смысле и этот, и предыдущий годы очень показательны. Несмотря на то, что зафиксирован рост преступности в 77 субъектах Российской Федерации, это отнюдь не означает реального ухудшения криминогенной обстановки в стране. Более того, наблюдается скорее положительная динамика.

— Товарищ генерал, а изменились ли за последние годы критерии оценки деятельности органов внутренних дел?

— Да, сегодня мы никого не ругаем за рост преступности, а за снижение числа зарегистрированных преступлений не хвалим. Рост или уменьшение числа злодеяний в стране — это не вина милиции и не заслуга, а всего лишь отображение состояния общества, в котором мы живем и работаем.

Когда во главу угла ставился показатель «общий процент раскрываемости преступлений», его высокий уровень поддерживался разными способами. Например, можно было не регистрировать часть преступлений, компенсировать нераскрытие тяжких преступлений раскрытием преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Только вот оперативная обстановка от такой игры с цифрами не улучшалась. Поэтому сегодня мы говорим прежде всего о раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений. Этот показатель — своеобразная лакмусовая бумажка, демонстрирующая эффективность нашей работы. За последние годы, кстати, раскрываемость преступлений такой категории увеличилась более чем на 8 процентов.

В текущем году выросло количество преступлений, выявленных подразделениями по борьбе с организованной, экономической преступностью. Не секрет, что в стране продолжают процессы активного проникновения преступности в экономику, особенно в наиболее доходные ее отрасли, усиления коррупционных связей в органах государственной власти и управления. И тот факт, что число выявленных и раскрытых злодеяний организованной преступности возросло, говорит о том, что мы начинаем на качественно новом уровне противодействовать этим явлениям.

Все это еще раз подтверждает тот факт, что контроль над оперативной обстановкой в сфере борьбы с преступностью нашим министерством сохраняется, несмотря на все коллизии в обществе и реформирование системы органов внутренних дел, что называется, на марше.

— Владислав Александрович, но ведь недостатки в работе милиции по-прежнему есть. Вот и дела о так называемых «оборотнях в погонах» тоже, по моему, тому свидетельство.

— К сожалению, нам пока не удалось достичь существенных сдвигов в борьбе с коррупцией как в своей среде, так и в обществе в целом. Вроде бы положительная динамика есть, но результаты не соответствуют ре-

альным масштабам этого негативного явления. К глубокому разочарованию, не обошло оно и наши ряды.

Соглашусь с вами: о какой полноценной борьбе с коррупцией можно говорить, если в 53 регионах не выявлено ни одного факта получения взятки в крупном размере? Что, все чиновники на местах в одночасье стали честными? Конечно же, нет. Скорее, снизилась эффективность работы правоохранительных органов, в том числе и милиции, по их выявлению.

Увеличивается количество криминальных структур, «стригущих купоны» с инвестиционных, благотворительных, страховых и пенсионных фондов, тех, кто специализируется на подделке различных ценных бумаг, компьютерном мошенничестве. Продолжаются процессы криминального передела сфер и территорий влияния, перехода значительной части организованных преступных структур в сферу легального бизнеса. Не ослабевает интерес представителей организованной преступности к установлению коррупционных связей с представителями органов власти и управления, непосредственному вхождению в выборные органы различных уровней.

— На расширенном заседании коллегии МВД России по итогам прошлого года и задачам текущего говорилось и о том, что достаточно острой остается ситуация в сфере оборота оружия.

— В стране сложился устойчивый рынок оружия. Вместе с тем продолжается контрабандный ввоз его из-за границы. Значительная часть оружия попадает в незаконный оборот с объектов Минобороны России. Растет число случаев незаконного использования огнестрельного оружия частными охранно-сыскными предприятиями, сохраняются проблемы контроля за деятельностью ведомственной охраны.

Подробный анализ имеющихся недостатков в нашей деятельности, определение путей их устранения, приоритетных направлений в работе сделаны, как вы заметили, еще в ходе расширенного заседания коллегии МВД России 13 февраля этого года. Позже данный важный вопрос неоднократно поднимался и на совещаниях в министерстве и на местах. Учитывались все проблемы, о которых мы с вами вели речь. В результате в текущем году за 9 месяцев количество преступлений в стране, совершенных с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, на сегодня несколько снизилось (на 14,1 процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года).

Нет сомнений в том, что эти решения позволят и впредь адекватно и эффективно влиять на все криминальные коллизии в обществе.

— Спасибо за беседу, товарищ генерал. Разрешите в канун Дня милиции от читателей журнала и всех военнослужащих внутренних войск поздравить вас и ваших коллег с профессиональным праздником! И, конечно, пожелать российским стражам правопорядка новых успехов на фронте борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка.

**Беседу вел
полковник милиции
Марат СЫРТЛАНОВ**

Фото Николая Нурин

Михаил ЛЕОНТЬЕВ:

“СПЕЦНАЗ — ЭТО ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ ВЛАСТИ”

Роль силовых структур в нашей стране традиционно велика. Если бы все изначально адекватно воспринимали ее, то нынешнее пристальное внимание к силовым структурам и спецподразделениям не понадобилось бы.

Силовые структуры — это структуры, которые выполняют приказ. Приказ есть руководство к действию, а не руководство к размышлению с коммерческим уклоном. Поэтому восстанавливать их надо, и начинать надо делать это сверху, с головы.

Сегодня существует целый ряд проблем. Первая — это политика. Вторая — политическая разведка, то есть работа спецслужб. Третья — силовой блок: армия, милиция, спецназ... А фактически на виду работа только последних.

Начнем с Беслана... Любому вменяемому человеку ясно, что колоссальные потери в подразделениях элитного спецназа ни к профессионализму, ни к офицерским или человеческим качествам не относятся. Спецназ выполнял не предназначенную для него задачу. Он не должен быть живым щитом. Спецназ — всегда самое последнее средство, последний аргумент власти.

В борьбе с терроризмом, причем управляемым из-за рубежа, мы не видим сегодня ответственности государства. В политике неясна политическая задача. Не были точно сформулированы задачи и спецслужбам. А это для них крах. Спецслужбы должны заниматься двумя вещами — агентурной деятельностью и тайными операциями, то есть работой за рамками так называемого публичного права. И без этих двух факторов говорить о войне с терроризмом вообще невозможно.

Глупо сейчас обвинять президента в том, что слова, сказанные им в обращении к стране после событий в Беслане,

не прозвучали раньше, конкретно определяя противника. Фамилии, впрочем, не названы, но их называть не надо — и так все ясно.

Если взять последнюю серию терактов, то можно увидеть все, кроме деятельности спецслужб. Может, это связано с их сверхпрофессионализмом? Я не хочу обвинять руководителей российских спецслужб — их ведомства находятся в такой же ситуации, как и другие государственные структуры. Они разрушены. Чего я ожидаю сегодня, так это определенных движений по восстановлению государственных структур с одновременным материальным и моральным подкреплением. Прошло 14 лет новой российской истории. Те профессионалы, которые работали еще в советское время, обладали колоссальным опытом. И их школа вряд ли сегодня заменима.

Я уверен, что практически заново будет отстроена структура силовых ведомств. Структура управления. Мне надоело слышать это устойчивое словосочетание — “налаживание взаимодействия”. Я не знаю ни одного случая, когда его удалось наладить.

Есть разные взгляды на создание единой системы безо-

пасности государства, но других средств, кроме как наладить оперативное взаимодействие, исключив возможность ведомственного размежевания, — нет.

Антикризисная система управления, предложенная Путиным, — очень правильный шаг по отношению к политике, экономике, обеспечению порядка в целом. Это правильное понимание задачи, но недостаточная мера для обеспечения оперативного взаимодействия. Как я представляю антикризисную систему управления? Да чтобы заранее было прописано, кто куда бежит, что делает и кто кому подчиняется. Лучше всего, чтобы все были в одном ведомстве и бегали по одной команде.

По сравнению с другими подразделениями именно подразделения спецназа в большей степени сохранили и кадровый, и профессиональный состав. Не все ушли в рынок. Во-первых, спецназ — это элита силовых структур. А сохранить костяк элиты проще, чем общую боеготовность Вооруженных сил. В спецназе всегда гораздо сильнее мотивация нематериального характера. Но нельзя использовать людей длительное время, паразитируя на их моральных убеждениях и держа их в нищете.

Задачи спецназа, к сожалению, все время множились, потому что именно спецназом компенсировали отсутствие всех других выпавших звеньев.

Нужно оставить бизнесу бизнесово, а государству государственное. Служба предполагает на фоне больших привилегий одну обязанность — в любой момент пойти умереть за государство.

Подготовил
Николай НУРИН

Трагедия в Беслане унесла жизни многих моих товарищей из "Альфы" и "Вымпела", в том числе и близкого друга подполковника Дмитрия Разумовского. Все они были высокопрофессиональными специалистами, истинными офицерами спецназа. Нет сомнений в том, что спецназовцы полностью выполнили свою работу, сделали все, что могли. Я побывал на похоронах друзей-офицеров. Проститься с погибшими спецназовцами на Лубянку пришли более 3 тысяч человек. К сожалению, не все могли попасть на траурную церемонию. Слишком все было заорганизовано. То ждали президента, то времени мало осталось.

Вообще, по Беслану возникает много вопросов. Например, кто несет ответственность за координацию действий спецназа во время штурма, за управление войсками, за контроль над ситуацией.

Доля ответственности за потери лежит именно на руководителях операции. Несомненно, в управлении подразделениями спецназа различных силовых ведомств должно быть единоначалие. Пока мы его не видим. Нет единого управления ни в Чечне, ни во время ликвидации терактов на территории других регионов страны. Напри-

Сергей ГОВОРУХИН:

"УВЕРЕН, ЧТО СПЕЦНАЗ СРАБОТАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНО"

мер, контртеррористической операцией руководит МВД России. А почти вся авиация у армейцев. И если командиру горной армейской группировкой генерал-лейтенанту Бахину нужна помощь авиации, он делает запрос в Ханкалу, и только после официального разрешения вертушки летят на задание. Но бывает уже слишком поздно.

Я не думаю, что наши спецподразделения не готовы к атакам террористов. В профессионализме спецназа никто не сомневается. Но нарушена методика работы всей системы спецслужб. Сейчас не ведется никакой агентурной работы. Ведь терроризм можно пресечь в его начальной стадии. Взрывы самолетов, захват заложников в ДК на Дубровке и в бесланской школе — тщательно разработанные, долго планируемые теракты. Работали бы агенты, трагедий можно было бы избежать. Но ведь этому агенту необходимо платить достаточно большие деньги. Он должен быть уверен в своей безопасности. Это очень сложная, кропотливая работа.

Недавно мне один знакомый оперативник рассказывал, что его друг увольнялся из органов целый месяц, потому что искал человека, которому мог бы сдать отлаженную агентурную сеть. Ее никто не хотел брать на себя, так как опера содержат агентов за свой счет.

Сегодня страна оказалась перед неожиданной опасностью — "бархатным" разрушением силовых структур и спецподразделений. И если ситуация не изменится, то могут возникнуть необратимые критические последствия.

И еще я хочу сказать, что наше общество должно быть сострадательным. Но для этого не обязательно ходить на митинги. Получается совсем неприглядная картина. Мно-

гим абсолютно все равно: "Ну погибли люди, меня же не коснулось". Что мы видели по телевидению в дни траура? Дегенеративную рекламу, бездарные ток-шоу и так далее. Особенно кощунственно звучали слова некоторых граждан, которые сетовали на отмену празднования Дня города в Москве из-за событий в Беслане. Не хочу даже комментировать. Такая позиция ничем не оправдана.

Подготовил лейтенант
Тимур СЫРТЛАНОВ

Фото: Руслан Думача

Для казанского отряда специального назначения это была вторая командировка в Чечню. Сменив на боевом посту своих товарищей из Саратова, спецназ приступил к работе.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

“Придворный эскорт”

Наглый и дерзкий террористический акт 9 мая 2004 года в считанные секунды унес жизнь первых лиц республики — Ахмата Кадырова и Хусейна Исаева. Тяжелое ранение получил командующий Объединенной группировкой Валерий Баранов. Бесспорно, боевики ликовали. Но все же их план сработал не полностью. Мишенью для террористов было и высшее военное руководство. И если бы не слаженные и молниеносные действия охраны командующего, все могло быть по-другому...

— С самого начала командировки на мою группу возложили ответственную задачу — охрану и сопровождение командующего группировкой, — вспоминает начальник группы охраны Юрий Семенов. — Генерал-полковник Баранов настоящий офицер, не привыкший отсиживаться за высоким забором. Он постоянно находился в гуще всех событий, происходящих в республике. Частые встречи, переговоры — словом, за этот период немало помочались мы по Чечне.

В тот роковой день стояла прекрасная, почти летняя погода. Получив боевое распоряжение на сопровождение командующего, который должен был с первыми лицами республики принимать парад в 46-й бригаде, я ра-

но утром с пятью бойцами прибыл на КП группировки. В 8 утра эскорт покинул центральный КПП. Наш путь лежал в 46-ю бригаду. О том, что по дороге в Северный командующий будет принимать участие в торжествах, посвященных Дню Победы, на грозненском стадионе, я узнал уже в пути.

Юрий Семенов понимал, что на таком мероприятии будет много людей. Уже на подъезде было заметно оживление. Скопление машин и жителей Грозного у входа на стадион — такая картина предстала перед глазами офицера, первым вышедшего из машины для проведения рекогносцировки. Сопроводив командующего до трибуны, охрана заняла свои позиции.

После взрыва вся VIP-трибуна оказалась окутана облаком дыма и пыли. Было трудно разобрать, кто где. Ситуацию усугубляла и хаотичная стрельба, открытая охраной президента Чечни. В тот момент о себе никто не думал, главная задача — срочно спасти командующего. Через минуту лейтенант Юрий Семенов уже вытаскивал его из-под обломков. Генерал был жив, но получил серьезное ранение. Счет шел на минуты, командующий мог скончаться от потери крови, поэтому действовать нужно было быстро.

Зрители, пришедшие на праздничный концерт, ста-

рались поскорей покинуть стадион. Казалось, пробиться через эту толпу невозможно, но только не для спецназовцев. Не обращая внимания на осколочные ранения, организовав коридор безопасности, они на руках доставили Валерия Баранова до служебной "Волги". Спустя тридцать минут машина стояла у ворот госпиталя 46-й бригады...

Боевое крещение

Очередной майский день близился к концу, на часах – семь. Солнце уже почти скрылось за ближайшим горным хребтом, все вокруг постепенно начало окутываться мглой. БТР головной походной заставы вот уже третьи сутки вел разведку пути. Еще накануне начальник разведки отряда капитан Евгений Якунин получил очередной приказ: силами разведгруппы обеспечить безопасность колонны, следующей для проведения специальных мероприятий в нескольких селах, что раскинулись в предгорьях Кавказского хребта.

Двигались на пониженной скорости. Такие уж здесь дороги. Казалось, все будет хорошо и, быть может, удастся избежать заминированных участков, фугасов, старательно врытых в землю вблизи трассы, и коварных растяжек...

25 мая бойцами казанского отряда специального назначения был отработан последний участок, определенный боевым распоряжением. За трое суток все изрядно устали. Остаться на ночлег не было никакого смысла, так как операция, спланированная штабом, завершена. Да и от аула до Ханкалы было рукой подать. Поэтому решение командира возвращаться домой было воспринято с радостью.

Вернуться планировали к вечеру, все с нетерпением ждали баню и сытный ужин. На трассе, по которой шла колонна, было тихо, лишь изредка мимо проскакивали машины. В районе племенной станции колонну на приличной скорости обошла белая "Волга".

– Не берегут машины, – заметил Якунин, сидевший на броне. – Такие дороги! А носятся как на "Формуле-1".

Обернувшись, он увидел, что колонна растянулась, его БТР метров на двести шел впереди. "Надо бы притормозить, чтоб техника подтянулась", – доставая из пачки очередную сигарету, подумал капитан...

Громкий хлопок, столб дыма и пыли. Все, кто находился на броне, в секунду были отброшены на несколько метров в разные стороны. Через мгновение на разведчиков буквально обрушился шквал смертельного свинца. Это все, что успели увидеть и услышать спецназовцы, следовавшие за разведчиками. На раздумья времени нет – надо спасать братишек...

Очнувшись, капитан осмотрелся. Он лежал в нескольких метрах от "коробочки". Повернув голову, увидел своих бойцов, ведущих огонь по лесополосе, проходившей метрах в пятидесяти от дороги. Ему что-то кричали, но он ничего не слышал. Сильно болела голова.

– Контузия, он ничего не слышит! – крикнул командир разведгруппы капитан Евгений Лисицин бойцам. – Надо его вытаскивать.

Понемногу приходя в себя, Якунин попытался подняться, но ноги не слушались, руки были в крови. Собравшись с силами, спецназовец потянулся за автоматом. Совсем рядышком "духовские" пули ковырнули

Фото: Романко Лурьева

Фото: Романко Лурьева

землю, обдав окровавленное лицо придорожной пылью. Прогонев сквозь зубы: "Хрен вам!" — капитан открыл ответный огонь.

Разведывательная группа залегла метрах в десяти от Якунина. Все попытки продвинуться вперед пресекались боевиками. "Духи" вели плотный прицельный огонь, командир разведгруппы понимал, что нужно как-то отвлечь внимание боевиков на себя, дать возможность капитану преодолеть несколько метров открытого пространства и достичь спасительного укрытия.

Между тем в боевой порядок разворачивались основные силы отряда. Через несколько минут по лесополосе заработали КПВТэшки. Пулемет "коробочки" разведчиков молчал, там осколками был перебит кабель электроспуска. На мгновение огонь боевиков прекратился, видимо, они перегруппировались. Используя драгоценные секунды, Лисицин перебрался на более удобную позицию, позволяющую прикрыть отход капитана Якунина.

В момент, когда огонь боевиков на некоторое время затих, начальник разведки попытался отползти в укрытие. Сантиметр за сантиметром, плотно прижавшись к земле, капитан полз назад. Но что-то было не так. На мгновение спецназовец замер. "Чего он ждет?" — недоумевал прикрывавший своего друга и командира капитан Лисицин.

Наметанный глаз разведчика буквально в 5 — 6 метрах разглядел какой-то предмет. "Фугас!" — молнией пронеслось в голове Якунина. А к разведчикам на помощь уже подтянулись основные силы отряда. Офицер, не раз бывавший в подобных заварушках, понимал: боевики на это и рассчитывают. Дождаться, пока к месту закладки фугаса подойдут как можно больше солдат, чтобы привести в действие адскую машину.

"Дорога каждая секунда!" — крутилось в голове капитана. "А вот и провода", — заметил он наспех замаскированный в траве черный шнур. Якунин прицелился. Ко-

роткая очередь — и злосчастные провода перебиты. План боевиков не сработал.

Не ожидая такого поворота событий, раздосадованные боевики всю свою ярость выплеснули на мужественного офицера. Но на помощь вовремя пришли сослуживцы. Метнув несколько гранат по огненным точкам, мелькающим в зарослях кустов и деревьев, командир разведгруппы спас от верной гибели своего начальника. Воспользовавшись моментом, капитан Якунин успел скрыться за спасительным колесом БТРа.

Под натиском спецназовцев боевики были вынуждены отступить. Но тот первый разорвавшийся в нескольких метрах от дороги фугас все же сделал свое дело. Досталось практически всем разведчикам. Смертоносный металл посеял многих бойцов, прошив обшивку БТРа насквозь, пятеро разведчиков получили смертельные ранения.

По итогам командировки за проявленное мужество, отвагу и героизм многие спецназовцы были награждены государственными наградами. Особо отличившимся были вручены святыни войскового спецназа — краповые береты.

Казанский спецназ не столь известен как другие. Но несмотря на то, что отряд был создан два года назад, его школу уже прошли сотни солдат и десятки офицеров, многие из которых продолжили карьеру на вышестоящих должностях в других частях округа. Немало в части и молодых офицеров, уже получивших боевой опыт.

Им предстоит еще не раз выезжать в тревожные командировки. И хотя постоянное место службы отряда в Казани, куда чаще ему приходится оказываться вдали от дома, там, где сегодня горячо, где нужны сила, отвага и мужество его бойцов.

**Капитан
Роман ДУРКАЧ**

Некоторые фамилии изменены

НА НЕЗРИМОМ ФРОНТЕ

Фото Р.Исаева. Архив «Жанна»

После трагедии в Беслане о милиции стали вспоминать чаще. А еще стали думать, что сделать, чтобы поднять эффективность ее службы. Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, например, говорила о том, что нужно увеличить милиционерам денежное содержание, тогда и работать они будут лучше, и взятки брать перестанут. Наверное, это и правильно. Как говорится, проживем — увидим.

А пока...

— Патрульно-постовая служба в управлении внутренних дел Волгограда, что называется, в загоне, — делился своим мнением о профилактике преступности примерно за полтора месяца до августовских терактов заместитель начальника управления охраны общественного порядка и конвоирования полковник милиции Валентин Ковальский. — Не хотя крепкие и здоровые мужики идти ра-

ботать постовыми в милицию за 4 — 5 тысяч рублей.

В этой ситуации нам на помощь приходят военнотруженики специального моторизованного батальона внутренних войск. Во-первых, благодаря им мы можем уплотнить наряды в наиболее неблагоприятных районах. Во-вторых, поскольку воины несут службу совместно с нашими сотрудниками, милиционер лишен возможности, так сказать, увильнуть с маршрута или поста. В-третьих, если наш сотрудник не всегда добросовестен, потому что у него в родном городе, образно говоря, проживают и сват, и брат, и кум, то солдату здесь детей крестить не с кем. Для него нет разницы, кого задерживать за правонарушение.

С этой оценки труда наших воинов и началось мое знакомство с волгоградским специальным моторизованным батальоном.

— Судите сами, — приводит циф-

ры командир части полковник Владимир Долгов, — только за 6 месяцев 2004 года нашими военнотружениками задержано более 12 тысяч нарушителей общественного порядка, 5 человек — по подозрению в совершении преступления. Красноречивых свидетельств бдительности солдат с лихвой хватит не на один рассказ.

К примеру, рядовые Геннадий Дейстер и Сергей Гераскин — патрульная пара, у которой, что ни выход на службу, так предотвращенное преступление. В январе они остановили на своем маршруте неприметного с виду гражданина. Любимой другой на их месте мимо бы прошел. Но не эти. Глаз у них наметан. Вот и здесь что-то не понравилось им в том мужчине: как-то беспокойно себя вел, оглядывался, суетился, увидел наряд, глаза опустил, шаг ускорил. Дейстер с Гераскиным к нему, он от них. Догнали. Стали проверять документы, он еще больше занервничал.

Досмотрели. Оказалось, несет незарегистрированный ствол — обрез охотничьего ружья.

В феврале они же задержали гражданина с анашой. Тот целый сверток этой отравы нес на рынок для продажи.

Сводки и аналитические справки, хранящиеся у начальника штаба батальона, пестрят фамилиями отличившихся солдат и обстоятельствами задержания правонарушителей. Рядовые Денис Песоцкий и Роман Бейчук доставили в отделение милиции гражданина, находящегося за совершенное преступление в федеральном розыске. Рядовые Павел Богатырев и Андрей Калачук — наркоторговца, к тому же вооруженного холодным оружием.

Не единожды отличались офице-

ры и прапорщики. Например, старший лейтенант Александр Набатов, будучи дежурным по войсковому наряду и объезжая их с проверкой, на одной из улиц обратил внимание на группу подозрительных, кипешных, как он сам выразился, ребят. Когда проверил у них документы и досмотрел вещи, выяснилось, что они как раз возвращались "с дела", только что вынеся из квартиры местного коллекционера ценные ордена и старинные иконы.

Начальник патрульной группы прапорщик Олег Попов, получив как-то сигнал от патрульных о драке возле кафе на их маршруте, немедленно выехал по указанному адресу. Предупредил дебоширов о том, что применит силу, если они не успокоятся и не прекратят осыпать друг друга ту-

маками. Не сказал только, что он чемпион России по рукопашному бою. Хулиганы не вняли просьбе прапорщика. За что и поплатились — пятерых он уложил, остальные разбежались кто куда.

Самоотверженность и мужество воинов — одна из характерных особенностей волгоградского батальона. Это — в традиции. В 1985 году в списки части навечно был зачислен красноармеец 10-й дивизии войск НКВД Алексей Ващенко, который в боях за Сталинград 5 сентября 1942 года закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, дав тем самым возможность своему подразделению атаковать противника. А в 1965 году, когда часть еще была конвойной, сержант сверхсрочной службы Иван Колпаков ценой своей жизни обеспечил задержание бежавшего из ИТК опасного преступника. За проявленный героизм он тоже навечно зачислен в списки части.

Бдительность на службе, которую волгоградцы проявляют, выходя на маршруты патрулирования, — тоже давняя традиция этой части. Вот лишь некоторые примеры, зафиксированные в историческом формуляре батальона, насчитывающего уже более 85 лет своей биографии. В марте 1928 года Ефсюковым, красноармейцем еще конвойного полка, правопреемником которого и стал нынешний батальон, был предотвращен побег четырех особо опасных преступников, содержащихся в ашхабадском центральном изоляторе. При выводе преступников в туалет он заметил на ботинках одного из них свежий песок, о чем доложил начальнику караула. При досмотре камеры в ней был обнаружен подкоп. Красноармеец Ефсюков за бдительность, проявленную на службе, был награжден грамотой.

После передислокации части из Ашхабада в Сталинград в 1944 году ее личный состав привлекался для конвоирования и охраны военнопленных, восстанавливающих разрушенный город. В том же году на строительстве кинотеатра "Победа" (причем так назван за год до капитуляции гитлеровской Германии) войсковым нарядом был раскрыт коварный замысел одного из военнопленных — бывшего командира дивизии СС, который пытался заложить под фундамент здания мину замедленного действия. Примерно такое же вредительство выявлено в строящемся драмтеатре, который по

расчетам злоумышленников должен был рухнуть, когда на второй этаж поднялись бы люди.

В послевоенные годы, несмотря на конвойную специализацию, воины-волгоградцы неоднократно привлекались к несению патрульно-постовой службы. В 1958-1959 гг. — ежедневно. За эти два года ими было предотвращено и пресечено 25 грабежей, 10 изнасилований, множество краж государственного имущества и хулиганских действий.

Высокой бдительностью не раз отличались военнослужащие части и в Чечне, где одно из подразделений охраняет и обеспечивает деятельность командного пункта группировки внутренних войск. Рядовой Роман Гюльяхмедов, сержант Анатолий Микаэлян, старший лейтенант Алексей Гончаров в разное время там на КП задерживали непрошенных гостей с "гостинцами" и "сюрпризами", приготовленными для офицеров управления ОГВ(с).

— Рота, что называется, безвылазно находится на Северном Кавказе уже в течение пяти лет, — говорит командир части полковник Владимир Долгов. — Ее отсутствие в городе для нас и Волгоградского УВД головная боль.

Объясняется все очень просто: не хватает людей для службы. В этом я убедился, когда увидел однажды на плацу не больше сотни военнослужащих, убывающих на обеспечение общественного порядка при проведении футбольных матчей аж на двух стадионах. Поначалу мне, привыкшему видеть на московских стадионах "Лужники" или "Локомотив" не одну тысячу стражей правопорядка, это показалось, по меньшей мере, странным. Но с поставленной задачей батальон справился.

— Жаль только, "Ротор" в этом году в аутсайдерах, — посетовал на неудачи волгоградской команды Владимир Юрьевич, — того и гляди вылетит в первую лигу. А там команд больше, значит, и служебная нагрузка на нас возрастет. Поэтому мы за наших футболистов каждый матч страстно болеем.

По словам полковника милиции Валентина Ковальского, нехватка солдат в специальном моторизованном батальоне ощущается остро.

— Нам бы полк в городе иметь, — делится он своими мыслями, — тогда можно было бы, как говорится, вздохнуть полной грудью.

Это прекрасно понимает и обла-

Фотом. Романовский Архив

стная администрация. Она как может поддерживает часть. Да, есть трудности с предоставлением жилья для семей офицеров и прапорщиков, но ведь и в других организациях положение не лучше. Это общая беда нашей рыночной экономики. Однако никогда еще (не в пример другим субъектам федерации. — Авт.) не забывали включить финансирование батальона в областной бюджет. В этом году помогают найти дополнительные средства на ремонт казарм и штаба. Градоначальникам нужен порядок, и они знают, что только силами милиции его не навести. Подразделения части, кроме охраны правопорядка в Волгограде, принимали участие и в спецоперации по поиску оружия, нелегально провезенного в город Городище, и в операции по

пресечению наркоторговли в Волжском.

Создание специального моторизованного полка, убежден Валентин Иванович, позволит на 50 процентов сократить число грабежей, разбоев и хулиганства.

Говорят, решение об их формировании в городах-миллионниках уже принято на самом высоком уровне. Представляется, что в сложившейся ситуации, когда терроризм объявил нам войну, они станут палочкой-выручалочкой не только в борьбе с уличной преступностью, но и с незримым врагом, пытающимся запугать наше общество.

**Подполковник
Ринад АРИБЖАНОВ**

Фотом. Романовский Архив

— Батарея, стой! Цель 101. Пехота. Осколочно-фугасным. Взрыватель осколочный. Заряд уменьшенный...

И у орудий закипела работа. Бойцы словно наперегонки открывали ящики с боеприпасами, устанавливали взрыватели, формировали заряды...

... Батарею потревожили разведчики. Они преследовали группу боевиков, которая старалась уйти в горы. Догнать их было трудно — расстояние большое. И спецназовцы запросили поддержку у артиллерии...

Наводчики орудий прильнули к своей оптике и быстро, насколько это удавалось, вращали рукоятки прицелов, поворотных и подъемных механизмов орудий. Над позицией разносились короткие команды старшего офицера батареи:

— Шкала тысячных. Прицел 272. Уровень 30-05. Основное направление — правее 1-35. Веер 0-03. Зарядить!

Лязгнули орудийные затворы. Вверх взметнулись красные флажки в руках командиров орудий, эхом раздалась их доклады о готовности к открытию огня.

— Батарея к стрельбе готова! — доложил старший офицер по телефону командованию.

— Залпом, огонь! — скомандовал он через несколько секунд.

Грохот орудийного залпа разорвал тишину. И вот командир уже отдает новые распоряжения, корректируя огонь по данным разведчиков. По этой схеме они работают давно и эффективно.

Так, в третьем квартале нынешнего года артиллеристы выполнили более шестисот огневых задач по данным разведподразделений. Кроме того, без артиллерийской поддержки и сопровождения не обходится ни одна спецоперация, не работает ни один инженерно-разведывательный дозор,

не проводят ни одну автомобильную колонну или железнодорожный эшелон. По оценке командования группировки внутренних войск, артиллеристы с поставленными задачами справляются успешно.

Причем свой высокий профессионализм они подтверждают не только в боевой обстановке. В нынешнем году командир минометной батареи 100-й

скую машину управления, уложившись при этом во временной норматив, практически безошибочно выполнил все поставленные огневые задачи.

По условиям состязаний он даже получил дополнительные баллы: за отсутствие ошибок в решении и за сокращение рабочего времени, отпущенного на выполнение огневой задачи.

Для командира минометной батареи Корнилова не стало препятствием и то, что огонь вели из гаубиц. Сказалась отличная учеба в Коломенском артиллерийском институте. К тому же в процессе подготовки к соревнованиям Корнилов приобрел опыт, участвуя в подобных состязаниях артиллеристов Московского военного округа и частей центрального подчинения Вооруженных сил.

На подведении итогов капитана Корнилова наградили часами от имени главнокомандующего сухопутными вой-

сками и цветным телевизором от спонсоров. Приказом главнокомандующего внутренними войсками офицера наградили денежной премией.

В следующем году в Вооруженных силах планируется провести очередной всеармейский конкурс полевой выучке командиров артиллерийских дивизионов и состязания командиров артиллерийских батарей. Обязательно примут в них участие и войсковые офицеры-артиллеристы. По мнению начальника артиллерии внутренних войск генерал-майора Анатолия Киреева, таким образом удается вырабатывать единые взгляды на боевое применение артиллерии в современных условиях, поддерживать взаимодействие и обмениваться передовым опытом с лучшими артиллеристами страны.

Подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ

ОГОНЬ, БАТАРЕЯ!..

дивизиона оперативного назначения капитан Александр Корнилов стал призером всероссийских состязаний командиров артиллерийских батарей. И, уж точно, дал настоящий бой своим коллегам из Вооруженных сил, признанным законодателям артиллерийской моды у нас в стране.

После экзаменов по тактике определилась тройка лидеров. Вторую позицию занимал капитан Александр Корнилов. Он лишь на три балла отстал от лидера. Третьим был офицер Михайловской военно-артиллерийской академии.

Судьба первого места решилась в четвертый и пятый дни состязаний, когда командиры батарей выполняли огневые задачи с боевой стрельбой из гаубиц. Александр не подкачал и здесь. Он не допустил ошибок в расчетах данных для стрельбы, умело подготовил к боевой работе командир-

Автобус, как назло, опаздывал.

“Зря только бежал”, — с досадой подумал Валерий Межгихов, закуривая очередную сигарету. Он только что сменился с дежурства и очень торопился домой.

В кармане запел мобильный телефон.

— Валера, с праздником! — послышался в трубке голос знакомого офицера.

— С каким? — удивился Межгихов.

— Морячок, да ты в своем спецназе совсем заработался. Сегодня ты друзей угощать должен, ведь День Военно-морского флота!..

К морской службе заместитель начальника отряда специального назначения майор Межгихов уже давно не имеет никакого отношения. Однако до сих пор близкие знакомые называют его “морячком” и обязательно поздравляют с этим днем, помня о военно-морском прошлом офицера-спецназовца внутренних войск...

Фото Игоря Билецкого

МОРЯК ВРАЗВАЛОЧКУ СОШЕЛ НА БЕРЕГ

“Как Лермонтова — на Кавказ”

Мама Валеры очень хотела, чтобы сын учился в архитектурном институте. Ведь он с детства очень хорошо рисовал. Она даже повела его в художественную школу. Никаких отказов и отговорок мальчишки даже слушать не хотела.

“Не бывать этому”, — решил Валерка и принялся обдумывать план предстоящих действий. А тут еще и напарник нашелся — товарищ по двору, которого родители тоже пытались определить в художники. Оба добросовестно и завалили решающую работу на вступительном экзамене. Требовалось изобразить что-то из окружающей действительности. Валера нарисовал... колюбка, а его товарищ — зайчика...

Когда родители узнали об этой выходке, то устроили своим чадам серьезную разборку. Но поздно. Цель была достигнута. О новом поступлении в художественную школу больше не говорили.

Отец, отставной офицер ВМФ с тридцатилетней выслугой, в отличие от мамы, видел в Валерке военного моряка. Ведь жили они в Севастополе. От дома до кромки моря семь минут ходьбы и пять минут — до КПП военно-морского училища.

Мальчику же больше хотелось стать капитаном дальнего плавания. Он мечтал побывать в других странах. Поэтому собирался поступать в одесскую мореходку.

Однако отец сумел-таки найти нужные слова и убедил сына пойти по его стопам. На вступительных экзаменах Валерий набрал 18 из 20 баллов и был зачислен курсантом

Высшего командного военно-морского ордена Красной Звезды училища имени Павла Степановича Нахимова на факультет вооружения надводных кораблей.

После второго курса, похоже, начала сбываться мечта о путешествиях. В учебном походе, на штурманской практике, они должны были выйти из Кронштадта, за месяц обогнуть Европу и прибыть в Севастополь.

Перед Гибралтарским проливом судно изменило курс и отправилось на юг к экватору. Командование ВМФ по традиции предоставило курсантам возможность пересечь нулевую параллель земного шара. Для моряков это особое событие. Согласно обычаю, по такому случаю проводят праздник Нептуна, всех, кто впервые оказался на экваторе, обливают забортной водой...

В 1991 году распался Советский Союз, а вместе с ним и Черноморский флот. Не прошло и года, как курсантов, их командиров и преподавателей заставили сделать выбор: остаться учиться, присягнув Украине, или переехать в Россию.

Уезжать куда-то из родного Севастополя Валера не хотел. Чтобы спокойно доучиться, пришлось принять украинскую присягу.

Однако после выпуска из училища офицерская служба в армии независимой Украины у лейтенанта Межгихова не сложилась. Он очень скоро уволился в запас.

— Поезжай, Валера, в Пятигорск, — посоветовали ему родители после двух лет гражданской жизни, — там и за сестрой присмотришь (она поступила в один из институтов Пятигорска), да и работу себе найдешь.

Валера до сих пор шутит, мол, сослал его, как Лермонтова, на Кавказ, а он там и завис.

Вскоре он познакомился с парнем, который служил командиром взвода специального назначения в местной дивизии внутренних войск. Он-то и предложил новому приятелю служить в его роте. Там как раз должность освободилась.

— Как я тогда так быстро согласился, до сих пор не пойму, — удивляется Межгихов. — Наверное, фильмов об армии посмотрелся.

Так же легко и командование соединения согласилось принять его на службу. Валерий вернулся в Севастополь, собрал необходимые документы, взял из военкомата личное дело. Через две недели он снова надел лейтенантские погоны и стал командиром взвода.

С корабля в разведку

Однажды уже старший лейтенант Межгихов задержался в расположении взвода после окончания рабочего дня.

— Смирно! — истошно закричал дневальный.

Пол в казарме задрожал — дежурный по роте буквально впечатывал в него каждый свой шаг. Все, кто оказался в помещении, выстроились в коридоре. У входа в расположение стояли командующий внутренними войсками генерал-полковник Шкирко, командующий войсками Северо-Кавказского округа, офицеры управления дивизи-

ии. Шкирко с сопровождающими обошел строй и остановился напротив Межгихова.

— Какое училище заканчивали, товарищ старший лейтенант?

— Высшее командное военноморское... — начал рапортовать Валерий.

Взгляд генерала с каждым словом Межгихова выражал все большее недоумение. Наконец он удивленно спросил:

— А здесь-то ты что делаешь?

— Родине служу, товарищ командующий.

Взводом, который в роте был нештатным разведывательным, Межгихов командовал три года. Осенью 1998 года в дивизии началась реорганизация. Стали создавать отряд специального назначения.

— Валера, в отряде вакансия командира разведвзвода. Подумай, — предложил знакомый кадровик.

— Наверное, романтика службы разведчиков привлекла, — шутит сейчас офицер, объясняя, почему сразу не отказался и согласился подумать.

— Ну, что решил? — спросил через несколько дней тот же кадровик.

— Согласен, — выпалил Валера.

— Ну и хорошо, мы тебя уже и приказ вписали.

Но одного согласия оказалось недостаточно. Всех кандидатов на службу в отряде ждали суровая аттестационная комиссия и экзамены. К примеру, зачет по военной топографии Межгихов сдавал минут сорок. Экзаменовал его заместитель начальника штаба дивизии полковник Карпишин. Офицер, исключительно грамотный во многих вопросах. Тестировал он в своем кабинете, где во всю стену висела огромная карта. Сначала "катались" по суше. Но когда Карпишин узнал, что перед ним бывший моряк, то плавно перебрались на воду. Полковник одинаково уверенно чувствовал себя и на суше, и на море.

Настораживало еще и то, что отсеивали даже тех, кто уже служил в спецназе и носил краповый берет. Однако, к Валериному удивлению, его в отряд приняли...

Берет за мужество

Разведывательный взвод оказался необычным подразделением.

Поначалу в нем служили только Межгихов — командир, трое солдат-срочников и почти десять прапорщиков и контрактников. Причем последние пришли из других штатных разведподразделений, в которых прослужили от 4 до 6 лет. Все воевали в Чечне. Несколько человек носили зеленые береты — символ высшей квалификации войскового разведчика. Словом, это были матерые профи.

В такой компании бывший моряк чувствовал себя крайне неудобно. Тем более что с первых дней службы эти самые профи стали "проверять" молодого командира, как говорят, на шивовость. Валерий не обижался, понимал, что опыта у него никакого, надо многому научиться. Однако и отступать не собирался. Для себя решил однозначно: "Раз уж оказался здесь, то надо быстрее все узнать и влиться в строй".

Перелопатил множество наставлений и специальной литературы. Но это оказалось ничто по сравнению с тем, чему он научился у своих опытных подчиненных. Одновременно ему пришлось доказывать своим подчиненным, что и он не робкого десятка и кое-что умеет.

В детстве Валера занимался велосипедным спортом. Четыре года колесил по крымским дорогам. Затем пошел в секцию дзюдо, в 10 классе в ДОСААФе несколько раз с парашютом успел прыгнуть. А уже в училище стал ходить в городскую секцию рукопашного боя. Даже умудрился стать призером открытого чемпионата Крыма по каратэ. В разведке спортивное прошлое здорово выручало.

Не прошло и года службы в отряде, как Валерия Межгихова настигла война. В июле 1999 года отряд перебросили в Дагестан на границу с Чечней.

Межгихов возглавлял поисковую группу разведчиков. Они должны были расположиться на дагестанском берегу пограничной речки и прикрывать дорогу у них за спиной, которую боевики периодически обстреливали с противоположной стороны.

... Наблюдали почти сутки. Но ничего подозрительного обнаружить так и не удалось. Бандиты никак себя не проявили. На следующий день разведчикам приказали отправиться к мосту через речку, перейти по нему на другую сторону

и разведать прилегающую местность.

Боевики знали, что, кроме как по узкому мосту, в этом районе речку перейти невозможно. Поэтому и охраняли его круглосуточно.

Разведчики поняли, что незамеченными пройти невозможно, когда с той стороны раздались автоматные очереди. Практически сразу пули зацепили прапорщика и солдата. Валерий огнем из автомата прикрывал эвакуацию раненых. Бое столкновение закончилось неожиданно быстро. Похоже, бандиты догадались, что военные больше ничего предпринимать не будут. Поэтому старались не раскрывать местоположение всех своих огневых точек.

По дороге на базу Валерий почувствовал, что саднит нога, и увидел, как на брюках расплывается кровавое пятно. Подумал: это когда кого-то из раненых вытаскивал. Но на поверку вышло, что в той перестрелке и ему досталось. Правда, пуля прошла навылет, не зацепив кость. Потому в азарте боя сразу и не заметил. Пришлось отправляться в госпиталь.

К началу сентября взводный вернулся в свое подразделение. Отряд готовился штурмовать село Чабан-Махи, которое боевики превратили в укрепленный район. Практически каждый дом в селе они сделали маленькой крепостью. В первой линии действовали группы специального назначения. Разведчики находились в резерве. Взвод разделили на две подгруппы. Первой, из 10 бойцов, командовал начальник разведки отряда, второй — из трех солдат — Межгихов. Разведчиков бросали по всему фронту, на котором действовал отряд, туда, где становилось труднее всего. После нескольких дней штурма из 14 человек разведвзвода в строю остались Межгихов и четыре бойца. Погиб Игорь Клевцов. О его гибели Валерий узнал в последний день штурма, когда его подгруппа заняла конечный рубеж наступления возле недостроенной мечети. До сих пор она напоминает офицеру о первой потере разведчиков отряда. Еще восемь человек в том бою были ранены. Причем в большинстве своем прапорщики и сверхсрочники.

Из госпиталей они вернулись к началу ноября. Отряд уже действовал на территории Чечни...

— Командир, выйди, дело есть, — откинув брезент у входа в палатку, обратился к Валерию накануне Дня разведчика один из прапорщиков.

Ничего не подозревая, Межгихов вышел наружу. У входа в строю стояли его подчиненные с загадочными улыбками на лицах. Те самые прапорщики, которые не так давно иной раз просто издевались над своим командиром, вручили ему зеленый берет разведчика. Для Межгихова это означало, что его признали своим, таким же профессионалом. Берет стал высшей оценкой его службы.

Отпустите в отряд

В апреле 2000 года после возвращения из очередной командировки в Чечню Межгихова назначили на должность помощника начальника разведки дивизии. Перевод оказался неожиданным и радости Валерию не принес. Он мечтал работать с людьми, а тут... Впрочем, за четыре месяца штабная работа ему изрядно надоела, и он стал проситься назад, в отряд. К тому же взвод, которым он командовал, расширили до разведывательной группы.

— Вообще-то у нас на тебя другие планы, — ответили в штабе дивизии, когда Валерий в очередной раз просил перевода, и вручили предписание убыть для учебы в Москву на трехмесячные курсы начальников разведки частей и соединений при общевойсковой академии.

Межгихов поначалу почувствовал себя не в своей тарелке. Он рвался в бой, а его посадили за парту. Но разочарование прошло, как только Валерий узнал, что его просьбу о назначении в отряд в дивизии удовлетворили. После такой новости учеба пошла веселее.

К моменту возвращения из Москвы приказ о его назначении командиром разведгруппы был подписан. Несколько дней понадобилось, чтобы сдать должность, а 16 января 2001 года Межгихов уже прибыл в Центорой. Там находилось его подразделение.

... В одном из горных сел района федеральные силы проводили специальную операцию. Разведчики участвовали в ней в составе взвода.

— Командир, за лесом две ма-

шины стоят, не наши. Съезди, проверь, — едва заметно шевеля губами, произнес мужчина из местных, проходя мимо Межгихова.

На дороге за селом действительно стояли УАЗ и КамАЗ. Машины были засыпаны снегом, вокруг никаких следов.

Осматривать автомобили отправился сапер группы прапорщик Сергиев. И не напрасно. Каждая из них была заминирована, хоть и неумело. Видимо, хозяева торопились убраться отсюда поскорее. Кстати, УАЗ оказался практически новым: по спидометру он отъездил всего 1300 километров.

— Обыскать округу до последнего камешка, — приказал командир группы подчиненным.

Вскоре они нашли схрон с оружием и боеприпасами. Судя по всему, именно этот груз боевики везли на машинах. Но бушевала снежная пурга, техника завязла в снегу и заглохла. А тут еще с противоположной окраины села началась специальная операция. Вот бандиты и решили разгрузить машины и спрятать все до поры до времени.

Найденное оружие и боеприпасы полностью заняли десантное отделение БТРа. Вскоре недалеко от схрона поймали и нескольких бандитов. Возможно, кого-то из тех, кто вез это оружие...

В 2001 году к ордену Мужества (им офицера наградили в начале 2000 года) прибавилась медаль Суворова.

В мае нынешнего года закончилась очередная командировка отряда в Чеченскую республику. По результатам выполнения служебно-боевых задач разведывательная группа признана лучшей в части.

Майор Межгихов уже не командует этим подразделением. Не так давно его назначили на должность заместителя начальника штаба отряда, но до сих пор успехи, равно как и неудачи разведчиков ему не безразличны. Он же был первым командиром и взвода, и группы. А это бесследно не проходит. Из разведки ведь никогда не уходят...

Игорь БЫСТРОВ

102-я, ДАГЕСТАНСКАЯ: ОРИЕНТИР ВЕРНЫЙ!

Восток — дело тонкое!

Восток, как известно, дело тонкое! Но если эту знаменитую фразу красноармейца товарища Сухова применить к вполне европейскому в географическом смысле Дагестану, то смысл практически не изменится. "Страна гор", как правильно переводится название республики, действительно находится на особом положении среди субъектов Российской Федерации. Дотационный, с фактически разоренной экономикой и высоким уровнем безработицы (лишь 37,4 процента населения имеют постоянную работу, при среднем по стране показателе — 69 процентов), густонаселенный и многонациональный по своему составу, да еще граничащий с Чечней регион не может не вызывать беспокойства в Кремле. Слишком памятны события ваххабитской агрессии пятилетней давности, серия громких терактов в Каспийске, Буй-

наске и Махачкале; уничтожение бандитских баз и лагерей в пригороде Махачкалы в июне и сентябре текущего года. Да что говорить, если на мэра Махачкалы Саида Амирова было совершено в общей сложности 16 покушений.

Поэтому люди в форме на улицах города — это ставшая привычной для махачкалинцев картина, прочно вписавшаяся в городской пейзаж наравне с уходящей за горизонт безбрежной синевой Каспийского моря, которое плещется в какой-то сотне метров от железнодорожного полотна, или возвышающейся над городом грядой хребта Тарки-Тау.

— И все же, несмотря ни на что, Махачкала вполне мирный город, — убежденно говорит командир дислоцирующейся здесь 102-й бригады оперативного назначения внутренних войск полковник Валерий Липинский. — Обидно, когда некоторые СМИ нагнетают излишние стра-

сти вокруг Дагестана. Стреляют сейчас, к сожалению, и в Москве, а сами дагестанцы — очень радушный, гостеприимный, вполне миролюбивый народ. Благодатный, уникальный климат позволяет выращивать практически все садовые, овощные и бахчевые культуры, необыкновенные сорта винограда. Замечательна и своеобразна здесь природа: море и горы, незаслуженно забытые и обойденные вниманием в туристических маршрутах за последние пятнадцать лет, остаются и сейчас не менее прекрасными и доступными практически круглый год. Славится Дагестан и своей историей, древними памятниками культуры и архитектуры. Чего стоит один город-памятник Дербент, которому недавно исполнилось 5 тысяч лет! Наконец, здесь достаточно низкие цены. Одним словом, есть все условия для службы, жизни и отдыха одновременно. А порядок мы гарантируем!

От себя добавлю, что знаменитые кадры любимого миллионами фильма "Белое солнце пустыни" с павлинами, барханами и черной икрой снимались тоже здесь, в Дагестане.

Проведя в служебной командировке в бригаде без малого неделю, я пришел к выводу, что полковник Липинский во многом прав.

Сто вторая бригада имеет славную боевую биографию. Образована она была в апреле 1996 года на базе махачкалинского полка ВВ. Формирование и боевое слаживание подразделений происходило по всему региону, в том числе и в Чечне, как раз на фоне известных событий, завершившихся хасавюртовским перемирием. Тяжелое было время, но уже тогда бригада проявила свой характер. Памятен случай, когда над палатками формируемой бригады в ханкалинском городке взвился вдруг наряду с российским триколором дагестанский флаг. Не всем в руководстве группировки это тогда понравилось, но флаг остался на месте, лишь приспущенный несколько ниже. Дагестан становился местом постоянной дислокации бригады, второй родиной, символику которой полагается уважать. Тогда же в состав бригады

вошли и некоторые другие части, дислоцирующиеся в регионе, например, милицейский батальон в Кизляре, военнослужащие которого приняли самое активное участие в отражении бандитского нападения на город в январе 1996 года.

Первым командиром бригады стал полковник Василий Макаренко. Под его командованием сто вторая и получила первое серьезное задание. Когда в результате теракта в Каспийске в ноябре 1998 года рухнул жилой дом, военнослужащие бригады оказались на месте трагедии в числе первых. Благодаря самоотверженным и слаженным действиям солдат и офицеров, возглавляемых командиром, нескольких человек удалось спасти. Наши воины получили высокую оценку министра по чрезвычайным ситуациям Сергея Шойгу.

Следующий этап в истории бригады — противодействие боевикам, напавшим на Дагестан в августе-сентябре 1999 года. Самым первым, еще за день до нападения, к месту предполагаемого прорыва было переброшено подразделение 102-й бригады, которой к тому времени командовал полковник Валерий Егоров. Интересно, динамично изложены эти события в воспоминаниях бывшего главкома внутренних войск генерал-полковника В. Овчинникова в книге военного журналиста и писателя полковника запаса Бориса Карпова "Кавказский крест — 2".

"Вызываю командира 102-й бригады, спрашиваю:

— У тебя рота спецназа есть?

— Нет, мы ее уже сократили.

— А что есть?

— Две группы спецназа — 32 человека.

Я их вертолетами, в ночь — туда... Предупредили, что ночью возможно нападение превосходящих сил противника, что надо все предусмотреть...". Бойцы бригады совершили самый настоящий подвиг, предотвратив вторжение крупных сил противника на данном направлении, уничтожив мастерски организованной засадой "три машины, несколько легковых джипов, УАЗов боевиков. Из ста нападавших около тридцати положили, остальные ретировались. У нас в группе погиб прапорщик Магомед Берцинаев. Геройский парень! Четко, классно сработал — один многих побил... После этого Цумадинский район для

них (боевиков. — Р.И.) фактически "пропал". Позже сюда был переброшен сводный батальон бригады, который возглавил сам командир. Участнику тех боев майору Зубаиру Ибрагимову запомнились замечательные слова, сказанные комбригом перед штурмом перевала Харамы, где на хорошо укрепленных позициях засели боевики:

— Друзья мои! Товарищи! Братцы! Нам предстоит взять штурмом этот перевал. Сделать это очень трудно, практически невозможно. Перевал труднодоступен и хорошо укреплен. Можно сказать, я зову вас на верную смерть. Но мы должны им овладеть, потому что таков приказ Родины! Я верю в вас, в ваши силы и оружие, потому что вы — мои боевые товарищи, а все вместе мы — сто вторая бригада. Прошу хорошо подумать и тех, кто готов со мной пойти на штурм, сделать через минуту шаг вперед. Обещаю, что все, кто останутся на месте, никаким образом не пострадают.

Уже через несколько секунд этот шаг сделали все стоявшие в строю, включая последнего солдата. И перевал был взят с минимальными потерями. Боевики, не ожидавшие такого, по-суворовски дерзкого, под мощное "Ура!" штурма, не смогли оказать достойного сопротивления и, бросая технику и снаряжение, с позором бежали, забыв даже про заветное "Аллах акбар!".

Отважно воевали "дагестанцы" и в самой Чечне, продолжая громить агрессора уже на его территории. Семьдесят восемь военнослужащих бригады отдали свою жизнь за свободу и целостность Родины. Их светлой памяти посвящен мемориал, открытый в этом году на территории военного городка. Деньги на строительство памятника выделили благотворители.

Продолжает выполнять боевые задачи личный состав бригады и сейчас: прикрывает границу с Чечней, патрулирует улицы столицы республики, благоустраивает территорию и надеется на лучшее. Умеют в бригаде и хорошо отдохнуть. В недавно открытом уютном, современном клубе часто проводятся концерты бригадной самодеятельности и известных в республике артистов.

Кстати, на проводившемся в текущем году смотре-конкурсе авторской песни военнослужащих ВВ лауреатом его стал представитель

бригады А.Абдурахманов с песней под названием "Сто вторая бригада". В ней есть хоть и незамысловатые, но верные слова, хорошо отражающие суть:

Вперед, сто вторая бригада!

*Хоть и будет порою трудно
всем нам,*

Долг солдатский

мы выполним свято,

Встанем грядью за наш Дагестан!

"Салям алейкум, товарищ главнокомандующий!"

Надо признаться, что комбриг, рассказывая журналиста о прелестях и красотах Дагестана, преследовал вполне конкретные цели, ведь одной из важнейших проблем для бригады является систематический отказ выпускников военных институтов ехать в Дагестан (сам по себе факт вообще-то вопиющий). Увы, бояться как огня новоиспеченные лейтенанты службы в этих благодатных краях, в прославленной бригаде. Кого-то пугает сложная политическая и криминогенная обстановка в регионе; кто-то смущается, вероятно, сложным национальным составом сто второй. Для некоторых немаловажно и отсутствие жилья. Вот и приходится назначать на офицерские должности доморощенных лейтенантов, окончивших краткосрочные офицерские курсы или призванных из запаса специалистов, имеющих звание офицеров запаса. Желających более чем достаточно, но весь вопрос в уровне профессионализма таких лейтенантов. В какой-то мере от этого страдает и качество службы, все-таки есть разница между пяти- и полугодовым курсом обучения премудростям военной науки при подготовке того же командира взвода. Зато выигрывает при этом комбриг в другом. "Свои" лейтенанты не станут качать права по поводу низкого денежного содержания, требовать жилье в установленном законом рекордных сроки и заваливать командование рапортами на увольнение в случае нарушения "конституционного права на отдых". Они более терпимы и приспособлены к местным условиям, имеют, как правило, многочисленных родственников и знакомых, обладают неистребимым оптимизмом, выработавшимся за годы жиз-

ни на Кавказе. Еще один плюс — “свои” лейтенанты, как правило, не склонны к злоупотреблению спиртными напитками — сильны все-таки традиции. У военных местного гарнизона, если хотите, своя особенная гордость: мы — “дагестанцы”, сто вторая! Не даете жилья? Построим сами. Мало платят? Займем у родственников. Ехать в Чечню? Хоть завтра. И еще есть какая-то простота, соседствующая удивительным образом с душевной щедростью в сердце этого народа. Здесь если любят командира, то готовы за него не раздумывая отдать жизнь, а если уж не зарекомендует он себя должным образом, то долго ему не слу- жить.

Рассказывают, что при посещении бригады главнокомандующим войсками генералом армии В.Тихомировым, к нему каким-то образом сумел протиснуться молодой прапорщик-дагестанец и, протянув руку для приветствия, сияя от счастья, произнес: “Салаям алейкум, товарищ главнокомандующий!”. Уже потом главному сумели объяснить, что на Кавказе это традиционная форма приветствия, дань уважения старшим, а прапорщик, мол, только вчера призвался и еще не сдал зачет по воинским уставам.

“Депортация” как способ воспитания

Замкомандира бригады по работе с личным составом полковник Николай Хорев в целом доволен своими подчиненными. Проблемы, пожалуй, начались лишь в последнее время, когда процесс распада крепких традиций семейного воспитания, которыми славился Кавказ, совпал с разрушением норм морали и нравственности в обществе. Теперь уже и в Дагестане для того, чтобы пользоваться авторитетом в обществе, совсем не обязательно отслужить в армии. К тому же многих будущих воинов начинают баловать с детства, и когда такие дитяти приходят в армию, то сладить с ними бывает очень тяжело даже опытным командирам. Свой отпечаток накладывают еще горячая кровь и непомерные амбиции местных призывников.

Стоит привести пример решения этой проблемы, которая остается типичной для многих частей. Существовал в свое время в составе брига-

ды целый полк, куда для прохождения службы, в качестве эксперимента, направлялись уроженцы Дагестана. Но, к сожалению, ничего хорошего из этого не получилось. Самые элементарные требования командиров и воинских уставов игнорировались, в полку процветало рукоприкладство, казарменный рэкет, регулярными были самовольные отлучки. Обычно сплоченные и дружные в других воинских коллективах, дагестанцы здесь разбились на группки и кланы. Каждый старался доказать всем, что он “сам себе командир”, а всех остальных “нюх топтал”. Ситуацию не смогли разрядить даже регулярно проводившиеся в полку родительские собрания, где командование пыталось через родителей повлиять на их чад. Толку от этого было немного. Авторитет родительского слова в некогда патриархальном Дагестане, похоже, ушел в далекое прошлое. Тогда комбриг принял мудрое и радикальное решение, подготовил необходимые документы и согласовал свои действия с командованием округа. Все наиболее “отличившиеся” солдаты были погружены в одночасье в машины и отправлены в аэропорт, откуда их в тот же день перебросили в Чечню, где им была предоставлена возможность реализовать свои амбиции в реальной боевой обстановке. Проблему таким образом удалось кардинально решить. Сейчас сто вторая на хорошем счету у командования округа, а по своему национальному составу близка к общероссийскому уровню. Среди солдат и сержантов по призыву более 90 процентов ныне составляют русские, до трети славян и среди офицеров. Как-либо серьезных обид в проведении такой национально-кадровой политики у военнослужащих бригады нет. Восток, как уже говорилось, дело тонкое, а Россия — страна большая, и для желающих послужить ей место всегда найдется. Вместе с тем все это не мешает воинам бригады именовать себя гордо “дагестанцами” и считать Дагестан своей второй родиной.

В батальоне только профи

Другой — удачный — эксперимент в бригаде длится уже шестой год. Проходит он в батальоне, которым командует подполковник Ка-

дыр Ашурбеков. Как утверждают ветераны части, это был первый специальный моторизованный батальон (СМВЧ) в войсках, на сто процентов укомплектованный контрактниками. Костяк батальона — крепкие, бывалые мужики, отслужившие в армии, повидавшие жизнь. Никто из них не скрывает, что тягот и лишений на их долю выпадает немало, но вот расставаться с батальоном они не спешат, несмотря на ряд соблазнительных предложений из других силовых структур, например от соседей-пограничников. Причиной тому — свойственная здоровому воинскому коллективу настоящая боевая спайка. Это напрямую отражается на результатах несения патрульно-постовой службы. В течение полугода на улицах Махачкалы военнослужащими батальона только за совершение особо тяжких преступлений было задержано более 40 граждан, в том числе с оружием. Все ветераны части, а таких в батальоне больше половины, принимали участие в событиях по разгрому басаевских банд, вторгшихся в Дагестан в августе 99-го, боевых действиях в Чечне. Причем практически никто из них не отмечен правительственными наградами, но не сетуют они и на это. Когда враг ломится в твой дом, прежде всего думается не о наградах. Денежного содержания, которое съедается инфляцией, конечно же, не хватает, и многие ждут своей войны, чтобы заработать денег. Этот ужасный факт нельзя ставить в укор им, честным трудягам в погонах. Так мыслить их заставили те, кто проводит двурушническую политику по отношению к собственной армии. При формировании комендатур в Чечне, кстати, сорок процентов дагестанских профи написали рапорта и убыли в соседнюю республику. Так какие же они все-таки, воины-контрактники сто второй? Псы войны? Контрабасы? Солдаты удачи? Или просто наемники, как обзывает их наша демпродвинутая пресса? Дадим слово им:

— Старшина Заур Рашидов, замкомзвода патрульной роты. Женат, двое детей. Срочную службу проходил в ВДВ. Служить в бригаду пошел, поскольку сидел без работы, надо было кормить семью. Неоднократно принимал участие в боевых действиях. Рисковать жизнью призывкой не назовешь. С начала года

Фото Романа Илющенко

в республике погибло более тридцати сотрудников милиции. Пока буду служить, в надежде, что нам скоро увеличат денежное содержание, что позволит жить более достойно.

— Сержант Абдулнасир Фарманов. Живу в Каспийске. Женат, двое детей. Отслужил срочную в Сибири, в инженерных войсках. Когда закрылся завод, где я работал, по совету друзей обратился в военкомат, собирался призваться в погранотряд, который расположен в нашем городе, но мне предложили службу в ВВ. Согласился. Но, если честно, сравнивая условия службы у нас и у пограничников, все больше жалею, поскольку “зеленые фуражки” больше получают. Например, им выплачивают компенсацию за несение службы в карауле в отличие от нас. Быстро строят у них и жилье, уже через два года могут предложить служебную квартиру. Удерживает на службе, пожалуй, то, что батальону отдано много сил и здоровья. Служба здесь подарила мне верных друзей!

— Старший сержант Руслан Зугумов. Женат, растут две дочери. Срочную службу служил в погранвойсках, на Амуре. Работал на заводе, который разорился и встал. Пошел на службу, поскольку работы в городе не было. Первый вопрос, который задали кадровики в бригаде, был насчет жилья, второй: “Сможешь ли сам себе купить форму?”. Ответил на оба утвердительно, призывали. Обиды ни на кого не держу, понимаю, что сейчас такое время,

хотя, как говорится, “за державу обидно”. Если отменяют льготы, то лично меня это не пугает. Я их и так не ощущаю. По курортам не езжу, транспорт в городе все равно платный, а так есть надежда получать реальные деньги.

— Рядовой Раджаб Гусейнов. По образованию я учитель истории, закончил Дагестанский университет. В 1994-1996 годах служил в армии в ракетных частях. Женат, имею ребенка. О службе, если честно, мечтал с детства, поэтому при формировании батальона призвался не задумываясь. Люблю форму и вообще служение Отечеству считаю благородным занятием, достойным мужчины. С тревогой слежу за развитием событий в стране и в республике, в частности. Дагестан — моя родина, и я буду ее защищать в любом случае, даже если мне прекратят платить денежное довольствие. Я уверен, что так думают все мои сослуживцы, но стесняются об этом открыто говорить.

— Прапорщик Леонид Борзик. Родился и живу в Махачкале. Женат, имею ребенка. Насчет службы скажу, что при всех отрицательных ее сторонах: большой загруженности, низкой оплате труда, отсутствии выходных, я бы ее не променял ни на что другое, потому что это моя судьба. Даже находясь в отпуске, скучаю и считаю дни до выхода на службу. Почему? Трудно объяснить. Может быть, для непосвященного человека это будет фанатизм. Я бы назвал это любовью к своей профессии.

Пусть не так скоро, но многие вопросы в бригаде решаются. Ближиться наконец-то к завершению строительства дома. Шестьдесят благоустроенных квартир ждут новоселов уже в этом году. Среди них командир бригады, его замы, которые до сих пор не имеют жилья, снимая квартиры.

— Иногда кажется, что где-то “наверху” возобладало ошибочное мнение, что сто вторая бригада здесь находится временно и поэтому строить жилье тут нецелесообразно, — сетует комбриг. — Однако события в Ингушетии, Беслане и вокруг Чечни как раз говорят об обратном: лишь основательно закрепившись на Кавказе, став здесь твердой пятой, мы сумеем влиять на политическую и военную ситуацию в этом регионе.

Согласился с ним и представитель управления расквартирования и строительства штаба тыла ГКВВ полковник Николай Сучихин, к которому пришлось обратиться за разъяснениями. Именно в Северо-Кавказский округ, по его словам, направляется львиная доля средств на строительство жилья для военнослужащих по контракту. В 2004 году эта сумма составила 64, 2 миллиона рублей. Планированием строительства и распределением этих средств на месте занимается тыл СКО ВВ.

Нет, проходя службу в Дагестане, солдаты и офицеры не чувствуют себя оторванными от Большой земли. Неразрывная связь с Россией, ее народом, историей, судьбой существует на всех уровнях. Они хорошо знают, для чего находятся здесь: охранять спокойствие нашей прекрасной Родины — России. Даже улица, на которой расположена бригада, не случайно носит имя Александра Невского! И это символично, ибо хорошо известны слова великого князя: “Кто с мечом к нам придет, тот от него и погибнет”.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

Махачкала-Кизляр-Москва

Фото Константина Алексеева

МЕЧТА СОЛДАТА КАФТАНОВА

Выставив перед собой блестящие штыри щупов и металлические "абажуры" миноискателей, на дороге ступили саперы. Следом за ними на разбитый асфальт, глухо зарокотав, выехал головной бэтээр, нацелив башенные пулеметы на ближние развалины. Тем временем бойцы из группы прикрытия, настроенные, зоркие, высматривали среди начинающей желтеть зеленки малейшие признаки опасности.

Кафтанов занял место впереди "коробочки", чувствуя себя то ли острием клинка, то ли лакомой добычей-мишенью для боевика-снайпера. Впрочем, не только для него. Летящие навстречу машины так и но-

ровили зацепить идущего в голове колонны Дениса.

Кафтанов вдруг поймал себя на мысли, что нервы уже так остро реагируют на местных лихачей, как несколько месяцев назад, когда он впервые вышел на маршрут Ханкала — Грозный. Да и тяжеленный бронешилет со "сферой" уже не давят к земле. Видимо, привык...

Очередной автомобиль — белая "девятка" с тонированными стеклами — пронесся буквально впритирку. Сквозь брызги грязи Денис разглядел набившихся в салон "Лады" вооруженных бородачей в камуфляже — охрана высокопоставленных чеченцев. Вдоль дороги стояли местные

подростки. Они одобрительно кивали, наблюдая за происходящим, и выкрикивали различные ругательства вслед солдатам.

"Надо же, прямо как в девяносто втором... — отметил про себя Денис. — И "гвардейцы" со стволами наперевес, и малолетки оборзевшие..."

***

Толпа чеченских подростков угрожающе сомкнулась, сверкая множеством пар воинственных глаз. Их было почти в полтора раза больше, стайки русских мальчишек с соседнего двора, однако что-то удерживало малолетних "ичкерийцев" первыми начать драку. Быть может, решительный настрой "неверных" или же воспоминания о недавней стычке, когда получили решительный отпор. Повторно зарабатывать тумачи не хотелось. Вскоре юные "борцы с неверными" вынуждены были ретироваться, кидая разочарованные взгляды на своего вожака — шестнадцатилетнего отпрыска бывшего уголовника. Ведь он внушал им накануне: "Русские — сплошь слизняки и трусы, один вайнах стоит десяти гяуров!" А вот на деле вышло обратное. Славяне оказались не робкого десятка, особенно вон тот чернявый. С виду заморыш, а дерется как лев...

"Чернявый" — десятилетний Денис Кафтанов — перевел дух: "Кажись, сегодня обошлось, почувствовали, шпана, что спуску им здесь не будет... Эх, кабы еще взрослые вот так вот друг за друга стояли! Хотя куда им против этих, с автоматами..."

Почти два года жизнь в Грозном напоминала кошмар, какой раньше можно было увидеть лишь в фильмах о фашистской оккупации. Захвативший власть в республике отставной генерал первым делом выпустил из местных тюрем отпетых уголовников, которые тут же начали наводить свои волчьи порядки. Бандитский беспредел в основном испытали на себе "некоренные" жители республики, и в первую очередь — русские. Вооруженные молодчики могли безнаказанно ворваться в любой дом, чтобы ограбить или попросту вышвырнуть на улицу его обитателей. А то и вовсе

— хладнокровно вырезать целую семью, вместе со стариками и детьми. Все это неоднократно видел десятилетний житель Грозного Денис Кафтанов.

Подобные зверства творились повсеместно, в каждом районе, квартале, дворе. Не отставали от взрослых и юные “моджахеды”. Их подучивали старшие “борцы с неверными”, и малышня ежедневно лупцевала “некоренных” сверстников на каждом углу. Воодушевляло шпану еще и то, что русские чаще всего были разобчены, руководствуясь принципом “моя хата с краю”. Однако так было не везде.

Во дворе, где жил Денис, хулиганы всегда получали сдачу. Горстка русских пацанов дралась насмерть, не давая обидчикам спуску. Поэтому большинство из них предпочитали обходить этот двор стороной. Однако вскоре ситуация изменилась: в руках ровесников-чеченцев стали появляться не только каскеты и цепи, но и кое-что посерьезней...

... Это случилось весной девяносто четвертого. Шестнадцатилетнему чеченцу, сыну одного из местных “гвардейцев”, приглянулась русская девочка-сверстница. Вначале юный Казанова решил взять ее силой, по примеру старших. Однако девушка жила в том самом непокорном русском дворе, и у нее был парень, который сильно навалил по шее несостоявшемуся насильнику. Тогда тот, обозлившись, вернулся домой и взял один из отцовских пистолетов...

... Девушку и ее парня обнаружили утром. Они лежали посреди двора с простреленными головами.

День ото дня жизнь становилась невыносимей. Однажды в квартиру Кафтановых ворвались вооруженные бородачи. Налетки были изрядно навеселе, и от расправы Дениса и его мать спасло лишь знание чеченского языка. Услышав родную речь, главарь бандитов сменил гнев на милость.

— Так и быть, живите, — бросил он женщине. — Но чтобы через месяц вашего духа здесь не было!..

В те годы считалось везением, если русской семье удавалось выбраться из Чечни хотя бы с парой чемоданов собственных вещей. Денису и его матери повезло многим больше: знакомый чеченец согласился дать немного денег за трехкомнатную квартиру Кафтановых в одном из центральных районов Грозного.

— Только молчите про то, что мы

заплатили вам, — напутствовал маму Дениса новый хозяин квартиры. — А то и у вас все до копейки отберут, и нам худо придется. Джохар велит всех “неверных” без копейки на улицу вышвыривать...

***

Денег, вырученных от продажи квартиры, с трудом хватило на комнату в коммуналке в маленьком городке под Ростовом. Однако, несмотря на неважные бытовые условия, жизнь здесь, по сравнению с Чечней, казалась раем. Вскоре после переезда мать Дениса нашла работу, а его без проблем приняли в четвертый класс здешней школы. Казалось, беды и испытания навсегда остались позади. Но... не прошло и года, как внезапно умерла мама, и Денис попал в детский дом.

Ни для кого не секрет, что жизнь там не сахар. По сути, большинство подобных учреждений напоминает нечто среднее между дисциплинарным батальоном и колонией для малолетних преступников. Да и контингент в приютах соответствующий — большинство из неблагополучных семей, чьи родители, как правило, беспробудно пьют горькую или сидят в тюрьме. Понятно, что и дети у таких отцов и матерей зачастую наследуют их пороки. Не были исключением и большинство однокашников Дениса. Почти каждый день разрозненные стайки воспитанников отправлялись “на дело”: обчистить приглянувшуюся квартирку, “подломить” уличный ларек, а то и взять на гоп-стоп кого-нибудь из “домашних”, обеспеченных сверстников.

Поначалу малолетние воришки пытались привлечь в свою компанию и Кафтанова, но безуспешно. Силой заставить строптивого новичка заняться “делом” тоже не получилось. С первых дней Денис показал окружающим, что умеет постоять за себя. Правда, время от времени он все же тайком исчезал из детдома на несколько часов — уж очень сильно хотелось немного погулять по городу, навестить двор, в котором прожил недолгое счастливое время, вспомнить былое...

В одной из таких вот “самоволок” Дениса задержала милиция. На соседней улице его однокашники “разули” припаркованную во дворе иномарку и успели благополучно удрать до приезда стражей

порядка. Те начали прочесывать окрестности, наткнулись на Кафтанова, приняли его за одного из воришек и доставили в отделение.

В милиции дежурный оперативник быстро во всем разобрался. Он сразу понял, что Денис не имеет отношения к краже. К тому же через полчаса задержали настоящих виновников происшествия. Однако милиционер не торопился отправлять “самовольщика” в детский дом. Он словно оттягивал неприятный для мальчишки момент. Капитан распрашивал его о жизни в Грозном, о детдоме, интересовался, остался ли у парня кто-нибудь из родных...

Спустя пару недель Денис и его новый знакомый встретились снова. Оперативник пришел в детдом хлопотать об установлении опеки над воспитанником Кафтановым.

Так Денис снова обрел семью. Старший оперуполномоченный уголовного розыска Андрей и его жена Наталия заменили ему родителей. Бесстрашный розыскник, чье имя навело страх даже на местных крутых братков и их влиятельных хозяев, стал для парнишки образцом настоящего мужчины. Этого ему особенно не хватало. Ведь прежде Денис рос без отца.

— Ты главное, Дениска, не шалопайствуй, — сказал ему капитан в первый же семейный вечер, — учись как следует, становись человеком. Уж будь другом, не подводи меня...

Мальчик не подвел. Уже через несколько лет экстерном сдал экзамены за среднюю школу и поступил на физико-математический факультет педагогического института. По количеству набранных баллов он спокойно проходил на дневное отделение, но Кафтанов решил, что не имеет больше морального права находиться на иждивении в своей новой семье. Поэтому, несмотря на уговоры Алексея и Наталии, он остался на вечернем отделении и устроился разнорабочим на стройку.

Расторопный и трудолюбивый Денис успевал везде. На работе его, самого молодого в бригаде, нередко ставили в пример остальным, а в институтской зачетке сплошным стояли “хорошо” и “отлично”.

Когда пришла пора идти в армию, Денис, в отличие от многих сверстников, не стал искать разнообразных “отмазок”, а в назначенный день пришел в военкомат. Оттуда его направили в учебный полк внутренних войск. Здесь уже попросился служить в Чечне.

***

... —Запомните, парни,— плечистый капитан обвел прибывших новичков пристальным испытующим взглядом, — самый страшный враг здесь даже не боевики, а собственная расслабуха, пофигизм и расхлябанность. Там, на Большой земле, любители покемарить на посту в худшем случае получают пяток нарядов от командира, а самовольщики — максимум неделю “губы”. Здесь же расплата за подобное — собственная жизнь. А в половине случаев — еще и жизнь товарищей.

Командир разведроты щелкнул пультом от видеоманитофона. На экране маленького корейского телевизора замелькали бородачи в камуфляже с зелеными повязками на бритых головах. Потом в кадре возник белообрый парнишка в изодранной военной форме, со связанными за спиной руками. Двое здоровенных боевиков, навалившись, удерживали его на земле, третий заученным рывком за волосы запрокинул пленнику голову и с размаху полоснул по горлу отточенным клинком. Парнишка судорожно дернулся, из распоротой шеи хлынула кровь, а палач все глубже погружал лезвие в

бьющуюся в агонии жертву, пока не отрезал голову и, ухмыляясь, показал ее прямо в камеру.

— Впоследствии этого солдата опознали, — нарушил гнетущую тишину капитан. — Накануне он решил сходить в “самоволку” в ближнее село... А этот блокпост вырезали два года назад по вине караульных, заснувших на посту, — комментировал он уже следующие кадры. — ... А это давнишние съемки, накануне первой чеченской. Эти трупы — русская семья, не успевшая вовремя бежать из Гудермеса... Так что, надеюсь, вы уяснили главное, — вновь повторил ротный, когда экран наконец погас. — Противник, с которым нам приходится иметь дело, хитер и беспощаден. Днем эти нелюди маскируются под мирных чеченцев, но, как только стемнеет, берут в руки оружие и стреляют нам в спину. Потому шансов выжить и победить у того, кто привык к разгильдяйству и наплевательскому отношению к службе, здесь практически нет. И тем, кто еще не изменился в корне, настоятельно рекомендую это сделать в самое ближайшее время. Иначе будет поздно.

Разведроты отдельного батальона 46-й ОБрОН, куда попал служить Кафтанов, жила особенной жизнью.

Боевой подготовке здесь уделялось почти девяносто процентов времени. Особенно нещадно гоняли молодое пополнение, в сжатые сроки доводя до автоматизма необходимые в бою навыки. Поначалу некоторые бойцы считали эти бесконечные изматывающие тренировки блажью командиров и старослужащих. Но все изменилось после первого боевого крещения.

В тот вечер разведчиков бросили в близлежащий лес, из которого по ночам в окрестные села наведывались боевики. На месте рота оказалась еще засветло, на пути противника выставили заслоны и секреты.

Несколько бойцов, в числе которых был и Кафтанов, блокировали участок неподалеку от опушки. Лежали в густой траве, напряженно вслушиваясь в шорохи ночного леса. Больше всего пугала неизвестность. Никто из них не знал, сколько боевиков сегодня пойдет “на дело”: мелкая диверсионная группа в три-четыре человека или большой отряд.

Время давно перевалило за полночь, когда вдалеке едва слышно захрустели ветки. Бойцы притаились. Но, похоже, и боевики были не новичками. Скорее всего они заметили разведчиков при помощи приборов

ночного видения, потому что спустя мгновение тишина взорвалась треском автоматных очередей. В сторону солдат потянулись светящиеся пунктиры трассеров, несколько выпущенных из подствольников гранат ахнули, не долетев считанные метры до позиций бойцов.

До боли уперев в плечо приклад автомата, Кафтанов выпустил короткую очередь в сторону противника. Перекатившись на несколько метров вправо, поймал в прорезь прицела одну из вражеских вспышек, еще раз вдавил спусковой крючок. Слева и справа дружно грохотали автоматы товарищей. Со стороны боевиков послышались гортанные крики "Аллах акбар!". Но в них Денис уловил больше отчаяния, нежели радости победы. Так и случилось: боевики быстро ретировались, унося с собой тела убитых и раненых "братьев по ремеслу".

***

— В укрытие!

Команда старшего инженерно-разведывательного дозора, подобно эху, разногласо прокатилась по колонне. Вмиг бойцы рассыпались по обочинам, присели за бортами "коробочек". Неподалеку от Кафтанова, укрывшись за бортом "Урала", взводный старший лейтенант Роман Шабан спешно связывался по радиисвязи с батальоном. По новому приказу саперы могли начать обезвреживать вражеские фугасы только в присутствии местной милиции.

Вот уже несколько месяцев Денис наматывал километры в группе прикрытия отдельного инженерно-саперного батальона Московского округа внутренних войск. Маршрут Ханкала — Грозный — Пригородное считался самым опасным. Он изобилует фугасами и прочими "подарками" боевиков. Не проходило и дня, чтобы они не закладывали на пути саперов очередной "сюрприз". Особенно достал бойцов один из этих "пиротехников", которого солдаты прозвали Уродом. Его "фирменным знаком" было начинать свои изделия обрезками гвоздей, арматуры и металлическими шариками от подшипников, которые могли продырявить броники и "сферы", как картон. Недавно на управляемом фугасе, заложенном Уродом, подорвался рядовой Пономаренко. За его жизнь во владикавказском

госпитале вот уже две недели билась врачи. А еще через день на таком же "сюрпризе" подорвалась минно-розыскная собака Берта...

...Чеченские милиционеры приехали спустя полчаса. Перебросившись парой слов со старшим дозором, стражи порядка перекрыли дорогу, и сержант-контрактник Глазов обстрелял прикопанную на обочине картонную коробку. находка оказалась пустышкой — очевидно, Урод решил в очередной раз проверить бдительность саперов, подбросив на их пути пустую тару, в которой ранее хранилась взрывчатка.

— Ну что, вроде на сегодня обошлось, — облегченно вдохнул кто-то из солдат-первогодков.

— Сплюнь! — цыкнул на него сержант-дембель. — Накаркаешь сейчас! Мы еще и полмаршрута не прошли!

И вновь головная "коробочка" мерно рокотала за спиной Кафтанова. Выглянувшее из-за туч солнце слепило глаза, и приходилось поминутно щуриться, дабы видеть дорогу. В очередной раз посмотрев по сторонам, Денис поправил давящий грудь бронезилет: "И чего он так жмет сегодня? Вроде в батальоне десять раз как положено подогнал его"... В этот миг он понял, что дышать мешает не тесный броник, а неясная тревога, сдавливающая сердце...

В следующую секунду по барабанным перепонкам ударил оглушительный грохот, перед глазами встал черный столб земли и дыма...

Братишки видели, как Кафтанова подбросило взрывной волной на несколько метров вверх, перевернуло в воздухе и с силой шмякнуло о землю.

— К бою! — Яростный рык старшего дозора, казалось, перекрыл грохот взрыва. Мгновение спустя два десятка стволов обрушили на ближние развалины шквал огня. Яростно стреляли автоматы, звонко ухали ВОГи, подобно паровому молоту, долбил башенный пулемет бэтээра.

— Обработать зеленку! — скомандовал старший и ринулся одним из первых к недвижно лежащему телу Кафтанова...

В тот же миг офицер на мгновение замер от изумления. Лежащий без движения Денис вдруг вскочил на ноги и, подхватив автомат, метнулся под прикрытие "коробочки", на ходу изготавливая к стрельбе. Зрелище было не для слабонервных. Боец, которого еще пару секунд назад считали погибшим, в изрешеченной

"сфере" и нашпигованном осколками бронике вслед за товарищами бросается в бой!

— Живой, слава тебе, Господи! — хрипло выдохнул командир.

Сказать, что Денису повезло — значит не сказать ничего. Металлические шарики и обрубки арматуры, коими был начинен тот злосчастный фугас, буквально изрешетили и защитный шлем, и бронезилет. Камуфляж также был весь в дырах от осколков, а сам рядовой Кафтанов отделался контузией и ... царапиной на ноге.

Когда после обследования в батальонном лазарете Дениса собирались отправлять в госпиталь, солдат вдруг наотрез отказался ехать туда.

— Я великолепно чувствую себя, честное слово! — упрямо повторял он медикам и отцам-командирам.

Через день Кафтанов добился-таки, чтобы его выписали из санчасти. На следующее утро он, как ни в чем не бывало, отмерял дорожные километры в головном дозоре инженерной разведки.

***

Хорошо, придя с маршрута, плотно поужинав и вымывшись в душе, покурить на лавочке у ротной палатки и, глядя на пурпурный закат, помечтать о будущем. А мечты у солдата на войне просты, и главная из них — дожидаться заветного дембеля, вернуться домой живым и невредимым.

А дальше... Насчет этого Кафтанов еще не решил, но скорее всего, отдохнув пару месяцев дома, он вновь вернется сюда уже в качестве контрактника, вместе со своими боевыми товарищами, чтобы известить под корень всю нечисть в его родном городе Грозном и всей остальной республике. Дабы слова "война", "беженцы" навсегда стерлись из памяти тех, кто познал на себе их страшный смысл.

Хочется верить, что мечта этого простого русского солдата когда-нибудь сбудется.

**Лейтенант
Константин АЛЕКСЕЕВ**

Фамилии изменены

Главный маршал авиации — ветеран ОДОНа

В начале 70-х годов прошлого уже века на одном из торжественных собраний в гарнизонном Доме офицеров дивизии имени Ф. Дзержинского мне выпала честь находиться в президиуме вместе с Главным маршалом авиации Александром Евгеньевичем Головановым — ветераном дивизии. Многие считали этого высокого, красивого и очень обаятельного мужчину человеком-легендой. Правда, вряд ли кто-то всерьез интересовался службой знаменитого военного летчика в соединении. Как правило, его фамилию просто называли среди других, когда перечисляли ветеранов. Наверное, поэтому нет о нем подробной информации ни в Центральном музее внутренних войск, ни в музее ОДОНа. Даже адресов его родных не удалось найти. Одно из немногих упоминаний о главном маршале — это запись в книге почетных посетителей дивизии, которую он сделал в феврале 1967 года. В 1975 году Александра Евгеньевича не стало.

Кое-что о нем мне рассказал писатель Юрий Идашкин. Он познакомился с Главным маршалом авиации, когда работал в журнале "Октябрь" и редактировал его воспоминания "Дальняя бомбардировочная".

Пожалуй, во всем Голованов был человеком своего поколения — бойцом и романтиком революции. 14-летним подростком он прибавил себе на всякий случай пару годков и ушел на фронт. В составе частей молодой Красной Армии участвовал в боях против денкинцев, был контужен. Поздней осенью 1920 года юношу Голованова, которому едва исполнилось 16 лет, после двух лет боев и походов демобилизовали из рядов РККА, как не достигшего призывного возраста.

Предстояло решить, что делать дальше. Алексей отправился на родину, в Нижний Новгород. Там вступил в ЧОН, обучал подростков азам военного дела, принимал участие в ликвида-

Фото из архива НВП

Главный маршал авиации А.Е. Голованов

ции вылазок бандитов. Вскоре юного, не по возрасту серьезного, умудренного жизненным и военным опытом юношу зачисляли в органы ОГПУ. Голованов приехал в Москву, где познакомился с мужем сестры, Валентины Евгеньевны, Львом Николаевичем Захаровым. Он был одним из руководителей советской контрразведки, а впоследствии — военной разведки. Захаров больше известен под псевдонимом Мейер. Лев Николаевич оказал огромное влияние на формирование личности своего молодого родственника, его идейное развитие и профессиональное становление как чекиста. Он учил его быть внимательным к людям, не спешить с их оценкой, не принимать поспешных решений. Оставаться настойчивым и твердым в принципиальных вопросах, но сочетать это с уступчивостью в мелочах. Обязательно заботиться о подчиненных, больше им доверять. Следить,

чтобы ни одна заслуга не осталась неотмеченной и по каждому упущению или проступку были приняты соответствующие меры.

Эти качества Голованов проявил, когда служил в дивизии ОСНАЗ при коллегии ОГПУ. 22-летний чекист в 20-е годы получил назначение сюда на должность оперативного уполномоченного кавалерийского полка. Изучая биографию летчика, мне удалось выяснить, что, служа в дивизии, он был близко знаком с другим знаменитым ветераном-дзержинцем Виктором Николаевичем Ильиным. Одногодок Голованова, он служил в этой же части политруком эскадрона. Правда, через несколько лет их пути разошлись. Политрук продолжит заниматься вопросами государственной безопасности, станет генерал-лейтенантом КГБ. Бывший оперативный уполномоченный начнет создавать и укреплять авиацию дальнего действия, достигнет зенита военной славы. К сожалению, побеседовать с Виктором Николаевичем о его знаменитом сослуживце так и не удалось. Незадолго до назначенной встречи Ильин трагически погиб. Его сбила машина.

Остались лишь небольшие наброски, которые сделал Ильин о службе с Головановым. Приведу один эпизод из этих воспоминаний:

"В середине двадцатых годов я служил политруком 1-го отдельного эскадрона кавалерийского полка Отдельной механизированной дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ. В 1926 году в наш полк пришел новый уполномоченный особого отдела, высокий, худощавый, сдержанный, очень немногословный. Поначалу он казался даже несколько инертным. Однако очень скоро это впечатление рассеялось. Его предшественник внешне держался значительно активнее, но совсем не стремился стать полноценным кавалеристом.

Новый особист не только сразу же стал заниматься в манеже, но и, к нашему общему удивлению, быстро преуспел в искусстве преодоления препятствий и весьма отличился на полковых соревнованиях. Хотя коня ему подобрали с большим трудом, так как он был очень высок и длинноног. Лишь много лет спустя я узнал, что вовсе не в нашем полку Голованов впервые сел в седло. Оказывається, ему пришлось немало поездить верхом еще в Гражданскую войну, когда он совсем мальчишкой участвовал в боях против Деникина. Голованов держался в полку тактично, с людьми был неизменно корректен. Хотя занимал высокую для своего возраста должность, но вел себя подчеркнуто скромно. Нам, политработникам, очень нравилось, что он в своей работе ориентировался на политсостав, стремился всегда действовать через нас.

Как-то вечером Голованов пригласил меня к себе, и у нас состоялся весьма характерный для его манеры работы разговор.

— У вас в эскадроне, товарищ Ильин, комсостав выпивает, — негромко начал он.

— Мне это неизвестно, — заявил я с вызовом, так как никаких сигналов о случаях выпивки никогда не было.

— Я знаю, что вам об этом неизвестно, — спокойно сказал он.

— Но ведь я сам не пью, — снова с некоторым вызовом ответил я.

— И об этом я знаю, — так же спокойно продолжал Голованов.

— Но, видимо, они выпивают все-таки не так уж сильно. Ведь никакие ЧП в эскадроне не было, и службу все несут нормально.

— А стоит ли ждать ЧП, не лучше ли

принять меры для их предупреждения? — не столько спросил, сколько порекомендовал Голованов”.

Далее Ильин вспоминал, как он реагировал на замечания и советы особиста и как благотворно это отражалось на всех делах в подразделении.

Ничего другого, связанного со службой Александра Евгеньевича в дивизии, найти пока не удалось. Не помогло и обращение в Центральный архив ФСБ.

Чекистскую службу Александр Евгеньевич оставил. Его неудержимо манило небо, он жил мечтой о покорении высот и дальних расстояний. Еще во время службы в ОГПУ он занимался мотогонками в спортклубе общества “Динамо”. Одновременно усиленно изучал летное дело на специальных курсах для оперативного состава. В 1932 году успешно окончил летную школу при ЦАГИ. А вскоре его назначили командиром летного отряда Московского управления Гражданского воздушного флота.

Тогда в Советском Союзе бурно развивалась авиация, и летчики осваивали новые воздушные маршруты в недоступные районы. Уже в 1934 году Голованов командует особым отрядом в Средней Азии. Затем его перебрасывают в Восточную Сибирь для организации воздушного движения в Якутию. Вскоре после этого он возвращается в Московское управление ГВФ.

Здесь ему представилась возможность познакомиться с применением военной авиации в боях на Халхин-Голе и в небе Финляндии, изучить опыт использования и развития боевой авиации в других государствах. Гражданский пилот Голованов осознает нависшую над страной угрозу тяжелей-

шей войны. Как человек дальновидный и решительный, он в начале 1941 года обращается с письмом лично к Сталину. В нем Голованов предлагает незамедлительно заняться созданием дальней бомбардировочной авиации и заявляет о своей готовности взять на себя ответственность за первые эксперименты.

Через несколько дней его, скромно подписавшего свое письмо “летчик Голованов, Аэрофлот, эскадрилья особого назначения”, во время выполнения очередного рейса в Алма-Ату срочно вызвали в Кремль. Там в присутствии членов Политбюро состоялся его разговор со Сталиным о предстоящем деле. Решили сформировать 212-й кадрированный дальнебомбардировочный полк. Командиром части назначили Александра Голованова и присвоили ему первое воинское звание... подполковника. На этой должности Александр Евгеньевич встретил утро 22 июня 1941 года.

Вскоре он уже командовал дивизией, планировал налеты нашей молодой дальней авиации на крупные центры и военные объекты, расположенные в глубоком тылу гитлеровских войск, и руководил ими.

В начале 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования была сформирована авиация дальнего действия. Возглавил ее Голованов. Его деятельность на посту командующего АДД является одной из самых ярких страниц в его биографии и в истории советских Военно-воздушных сил.

Поистине стремительным оказалось восхождение недавно еще гражданского летчика к высотам армейской службы. Талантливый самородок без специального военного образования, ставший накануне войны подполковником, а в 1944 году Главным маршалом авиации. Среди многих государственных наград, которыми отмечали его полководческое искусство, были три ордена Суворова первой степени.

Что же касается образования, то Александр Евгеньевич и здесь решил наверстать то, что не удалось сделать в молодости. После войны он окончил офицерские курсы “Выстрел”, а затем — с отличием и золотой медалью Академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

**Илья БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке**

Фото из фондов Центрального ВВ МВД России

НА ЛЫЖАХ ИЗ ИРКУТСКА В МУРМАНСК

В тридцатые годы минувшего столетия бойцы и командиры Красной Армии довольно часто совершали лыжные и конные переходы. К примеру, Ленинград — Москва, Иркутск — Москва, Нерчинск — Москва, поселок Дебин — Магадан. Но до сих пор поражает и вызывает восхищение сенсационный рейд пяти младших командиров-лыжников войск НКВД по маршруту Иркутск — Мурманск. Переход начался 70 лет назад, 30 ноября 1934 года. Его протяженность составила более девяти тысяч километров. О подробностях и участниках необычного лыжного рейда через три тайги и четыре тундры наш сегодняшний рассказ.

Иван Попов, Андрей Куликов, Константин Бражников, Александр Шевченко и Евгений Егоров. Имена этих младших командиров 67-го полка НКВД узнала вся страна. Они прошли на лыжах от седого Байкала до Белого моря. Причем не по населенным пунктам и вблизи дорог, как в большинстве предыдущих переходов, а по горным хребтам, тайге, безмолвной тундре. Значительная часть маршрута пролегла за Полярным кругом. Пятёрка отважных продемонстрировала, что бойцы и командиры войск НКВД способны преодолевать любые трудности и даже суровый климат тундры.

К рейду смельчаки готовились около года. Тренировались преодолевать на лыжах крутые подъемы и спуски, ночевали в условиях, схожих с теми, в которых они неизбежно окажутся. С особой тщательностью подбирали одежду. Ведь она должна быть удобной, легкой и теплой.

Они в подробностях, насколько это возможно, изучили выбранный маршрут, проконсультировались со знатоками таежного и заполярного

края, с учеными. Кстати, многие из них идти просто не советовали. А профессор Петри вообще доказывал несостоятельность их затеи. Все оказалось напрасным. Закаленные военной службой лыжники решили во что бы то ни стало преодолеть намеченный путь.

Но, учитывая опыт лыжников (Андрей Куликов, например, за два года службы пробежал на лыжах свыше восьмисот километров, у инструктора физподготовки полка Ивана Попова этот показатель был еще выше), командование и Центральный совет "Динамо" утвердили лыжный переход. Смельчаков экипировали и обеспечили всем необходимым. По маршруту движения создали четыре базы снабжения — в Кежме, Подкаменной Тунгуске, Туруханске и Архангельске. Здесь бойцы могли заменить лыжи, обмундирование, пополнить запас продовольствия, пройти врачебный осмотр, получить медицинскую помощь.

30 ноября 1934 года пятёрка отважных покинула селение Нижнеан-

гарск и взяла курс на с. Тарасово — Кежму, расположенное у северного берега озера Байкал.

На седьмые сутки проводник-тунгус наотрез отказался идти с командой дальше, предсказывая гибель всем. До них байкальские скалы, покрытые льдом (гольцы), напрямик не проходил ни один охотник. Старожилы не верили, что это возможно. Ведь приходилось лезть по неизведанным, заваленным снегом гольцам, порой превышавшим в высоту деревянный дом. Крутизна гор местами достигала шестидесяти градусов. Преодолевая ледяные торосы, лыжники превращались в акробатов и скалолазов.

Им приходилось двигаться там, где позволяла местность. До сотни километров шли по таежной реке Нирундукан. Удивительно, но в 30-градусный мороз на ее льду проступала вода. Пришлось шлепать лыжами по мокрому снежному месиву. Остановившись через каждые 100-200 метров, чтобы отскоблить с них и подошв обуви намерзшую ледяную корку.

После Нирундукана группа вышла на речку Тья. Лед на ней оказался непрочным. Вскорости он затрещал, и Костя Бражников мгновенно рухнул в воду. Товарищи помогли ему выбраться из полыньи, сменить одежду и обувь. После этого группа вновь отправилась в путь. К счастью, все обошлось без осложнений. Костя даже на сморка не получил.

Ночлег, как правило, устраивали на берегах рек, в "куропаточьем чуме". Разгребали до мха снег, насыпали его в бугор со стороны ветра, на землю клали кедровый или еловый лапник, ложились все на один бок, плотно прижимаясь друг к другу, натягивали на лицо фетровую маску и укрывались палаткой. За ночь ветер заносил их снегом, а под ним теплее. Так спали по 5-6 часов. Просыпались, вылезали из-под снега, вставали на лыжи и шли, ориентируясь по карте и компасу.

8 декабря, когда лыжники только расположились для ночевки под открытым небом, разбушевался ураган со снегопадом. Было опасно пошевелиться, ветер проникал сквозь одежду и, казалось, ледяными пальцами прощупывал каждую косточку... Люди превращались в сосульки. Они перестали чувствовать пальцы на руках и ногах.

Наутро пурга немного стихла. Бойцы смогли разгрести снег, под которым были погребены нарты, и отправиться дальше. Но продвигались они очень медленно, иногда по километру

в сутки. В результате путь, рассчитанный на семь дней, одолели лишь за две недели. Когда закончились продукты, перешли на голодную норму: за сутки съедали по три галеты, потом по две и по одной. В один из дней увидели кусты шиповника. Его алые плоды словно горели на фоне белого снега. Остановились, вдоволь наелись, да еще с собой прихватили. Ягоды спасли лыжников от голода.

Через несколько дней увидели следы человека на снегу. Это означало, что где-то близко живут люди. Налегли на лыжи — откуда только силы взялись. Через четверть часа вышли к селению Тарасово. Зимой эта деревня оказывалась отрезанной от мира заснеженными горными кряжами и бездорожьем.

В просторной избе собрались почти все жители деревни. Иван Попов рассказал о переходе. Евгений Егоров записывал местные легенды, частушки, пословицы. Андрей Куликов пополнял продукты питания. Гости-лыжники рассказали о службе в Красной Армии, ответили на многочисленные вопросы. Утром их всей деревней проводили в дальний путь.

Добравшись до Казачинска, бойцы сообщили в полк, что самый тяжелый отрезок пути — Байкальский хребет — пройден. Потом был Осиновый кряж, который они преодолели с ходу. После Байкальского его холмы и возвышенности не являлись серьезным препятствием. Шли по заснеженному льду Лены, затем вышли на Ангару. Очень мешали торосы, громоздившиеся почти вплотную друг к другу. Видели

знаменитые Падунские пороги, слышали шум их водопадов.

Менее чем за месяц участники перехода прошли от места старта 739 километров. Новый 1935 год они встречали в Кежме — первой базе перехода. Здесь их осмотрел полковой врач. Все были здоровы и могли продолжать снежный путь. На этот раз на Туруханск.

Три дня продвигались по дебрям енисейской тайги и льду Подкаменной Тунгуски. Здесь лыжники наблюдали изумительное природное явление. Неожиданно и быстро вокруг посветлело. Серебро, в которое был окутан лес, заиграло яркими бегущими красками. Казалось, что неподвижная, мертвая от холода, вся в белом земля в одно мгновение пробудилась, засверкала бегущими огоньками с вершин кедров. Никогда в жизни они не видели подобного волшебства.

Но тогда же природа преподнесла и менее приятный сюрприз. Ударил лютой мороз. Чтобы увеличить скорость, бойцы шли в легкой одежде. Таким образом, за день удавалось преодолевать по 70 километров. Но однажды утром они почувствовали необычные ожоги по всему телу. Мерзли руки и ноги, как-то по-особенному стягивало грудь. Остановиться даже на короткое время, чтобы достать теплую одежду, было опасно. Спасение было только в движении.

По Енисею группа дошла до Туруханска, вышла за Полярный круг в снежное царство Тазовской тундры и сразу же попала в сильнейшую пургу. Снег шел сплошной стеной.

Встреча в Онежске

Через шестнадцать суток, 17 марта, отважных бойцов встречали жители заполярного Салехарда. Такой суровой зимой на лыжах до этих мест еще никто не добирался. Короткий отдых — и снова в путь. После отвесных скал Байкальского хребта переход через спокойные Уральские горы не казался спортсменам уже таким страшным. Правда, и здесь они столкнулись с неожиданностями.

На одном из перевалов их застала очередная пурга. Она буйствовала шесть часов подряд. Люди шли, как во тьме, на ощупь. Шевченко споткнулся и упал. На него налетел Егоров. Пока они поднимались, прошло секунд пятнадцать. Этого оказалось достаточно, чтобы пелена снега отрезала их от товарищей. Командир приказал искать Александра и Евгения. Стараясь пересилить вой пурги, все кричали: «Шевченко, Егоров!» Но крика не было слышно. Попробовали стрелять из нагана. Однако звуки выстрелов оказались не громче детской хлопушки. Потрясенные исчезновением товарищей, трое оставшихся лыжников осторожно продвигались вперед. Егоров и Шевченко в это время шли в двадцати шагах и не слышали ни криков, ни выстрелов — ветер относил звуки в сторону. К счастью, через полчаса они все же наткнулись на нарты. Отряд вновь был в сборе.

За Уралом стояли погожие дни. По равнинам тундры снегопроходцы за день преодолевали по 120-130 километров.

Прошли Воркуту, пересекли Большеземельскую и Малоземельскую тундру, реки Усу и Печору. Они торо-

пились к Белому морю, чтобы через еще замерзшую его горловину перейти на Кольский полуостров.

Однако при подходе к Мезени путники узнали, что в Белом море уже дрейфуют льды. Стало быть, по его горловине на полуостров не перейдешь. Пришлось идти в обход через лесотундру. 28 марта 1935 года пятеро мужественных людей вошли в селение Усть-Кыма.

Оттуда направились в Пинегу. Однако началось потепление, дороги ухудшились, лыжи плохо скользили, да еще приходилось идти по болотистой местности. 8 апреля по мокрому снегу бойцы подошли к Архангельску. В городе покорителей таежных и тундровых просторов ждала новая теплая встреча с почетным караулом и духовым оркестром. Утром лыжники двинулись на Онегу. За день проходили по 90-100 километров.

Когда до Мурманска оставалось 8 километров, лыжники сделали большой привал, чтобы хорошенько отдохнуть и привести себя в порядок. 30 апреля ровно 18 часов они вошли на главную площадь Мурманска. Город торжественно встречал отважных спортсменов — первопроходцев по северным просторам Отечества.

Так закончился небывалый в истории лыжного спорта сенсационный переход. За 126 дней младшие командиры внутренних войск прошли свыше девяти тысяч километров.

За мужество и отвагу, проявленные в лыжном переходе, Центральный Исполнительный Комитет СССР наградил военнослужащих грамотами и ценны-

ми подарками. От народного комиссариата внутренних дел страны им вручили знаки «Почетный работник ВЧК-ОГПУ-НКВД», золотые часы и именное оружие системы «Зауэр». Всесоюзный совет физической культуры наградил грамотами, значками ГТО второй степени, присвоил звания лучшего физкультурника страны.

Французская газета «Трибюн де насьон» в те дни отмечала, что «сенсационный рейд должен быть записан в историю наиболее красивых мировых спортивных испытаний 1935 года».

Через шесть лет после этого на долю лыжников выпало новое испытание — Великая Отечественная война. Они в ней участвовали с первых дней и до победы. Александр Шевченко и Евгений Егоров находились в рядах защитников Сталинграда. Оба имели высокие государственные награды.

По-разному сложились их судьбы после войны. Руководитель снежной эпопеи Иван Григорьевич Попов окончил институт физической культуры, работал в обществе «Динамо». Уйдя на пенсию, отдавал свои опыт и знания делу спортивного воспитания молодежи. Старший отважной пятерки, Андрей Павлович Куликов, окончил высшее военное учебное заведение НКВД. Работал в органах МВД. Последние годы жизни проживал в Тирасполе. Александр Евменович Шевченко окончил военную академию. После войны работал старшим преподавателем, а затем начальником волгоградской школы МВД. Константин Николаевич Бражников, который ведал во время рейда хозяйством и заготовкой продуктов, после окончания военной академии был военным советником в Болгарии и Китае, старшим преподавателем в военном вузе. После ухода в отставку работал в Академии наук СССР. Евгений Федорович Егоров много лет проработал инженером на Южной орден Ленина железной дороге. Награжден знаком «Почетный железнодорожник» и именными часами.

Их уже давно нет в живых. Но снежный рейд, который они совершили от седого Байкала до Белого моря, и сегодня является примером дерзания, мужества, самоотверженности и остается своеобразным рекордом и мировым лыжным достижением.

Владимир ЖУРАВЛЕВ,
полковник в отставке,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

Фото из фонда Центрального музея ВВ МВД России

Участники лыжного перехода

ПЛАНЫ ГУДЕРИАНА СОРВАЛ... ПОЛКОВНИК НКВД?

В книге "История внутренних войск: хроника событий (1811 – 1991 гг.)", изданной Главкоматом ВВ МВД РФ в 1995 году, даты – "4 октября – 6 декабря 1941 года" обозначены как "Героическая оборона г. Тулы, в которой приняла участие 69-я бригада войск НКВД".

Однако мало кому известно, что, когда танки Гудериана в конце октября 1941-го вышли к окраинам Тулы, планы гитлеровцев – взять город русских оружейников с ходу фактически сорвали именно воины-чекисты 69-й бригады под командованием полковника А. Мельникова...

69-я бригада войск НКВД по охране особо важных промышленных предприятий (таково было полное наименование упомянутого в исторической хронике соединения внутренних войск), согласно мобплану

была сформирована в Туле на третий день войны – 24 июня 1941 года. В ее состав вошли один полк и три отдельных батальона, которые обеспечивали охрану оборонных заводов, размещавшихся в Тульской и Тамбовской областях: 180-й полк дислоцировался в Сталиногорске (ныне Новомосковск); 114-й отдельный батальон, уже в августе развернутый в 156-й полк, размещался непосредственно в Туле и охранял знаменитый Тульский оружейный завод; 76-й и 115-й отдельные батальоны, соответственно, дислоцировались в небольших городках – Котовске Тамбовской области и Алексине Тульской области.

Формированием бригады занимался подполковник Г. Сафиулин. Но его вскоре откомандировали в действующую армию. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом и Ге-

роем Советского Союза. А в командование бригадой со 2 июля 41-го вступил полковник А. Мельников, человек удивительной и неординарной судьбы – бывший царский офицер, затем красный командир, участник Первой мировой и Гражданской войн.

Из послужного списка поручика А. Мельникова: "Участвовал в австро-германской войне с мая 1915 г. по август 1917 г. Награды: 2.06.1916 г. – орден Св. Станислава 3-й ст.; 22.08.1916 г. – орден Св. Анны 3-й ст.; 3.09.1916 г. – орден Св. Станислава 2-й ст.; 16.11.1916 г. – орден Св. Анны 2-й ст."

О чем свидетельствуют эти повоенному сухие, лаконичные строки? Прежде всего о том, что человек, отмеченный в течение всего лишь полугода четырьмя боевыми орденами, был храбрым и способным

офицером, умевшим воевать и руководить подчиненными. Еще эта запись говорит о том, что в старой русской армии щедро отмечали не тех, кто, сидя в штабах поближе к оформлению наградных документов, искусно плел интриги в собственных корыстных интересах, а тех, кто, рискуя собственной жизнью, добывал боевые ордена на поле брани.

...Сын мелкого питерского чиновника — бывшего военного писаря — выходца из крестьян, Александр Константинович Мельников сразу после объявления войны с "германским супостатом", добровольно записался на военную службу. Оказавшись в запасном полку вольноопределяющимся 2-го разряда, он добился направления в школу по ускоренной подготовке прапорщиков. Благо это позволяло образование, считавшееся по тем временам средним, — Александр успешно окончил четырехклассное городское училище.

Хоть и учили будущих окопных офицеров ускоренными темпами, однако знания им давали всесторонние и основательные. Потому что школы прапорщиков создавались на базе военных училищ, имевших богатые традиции и прекрасный преподавательский состав. Благодаря этому, офицеры военного времени, так называли выпускников ускоренных школ, мало чем отлича-

лись от кадрового командного состава.

В мае 1915-го Александр Мельников в погонах прапорщика прибыл в 185-й Башкадыкларский пехотный полк на должность младшего офицера. Часть была с богатым ратным прошлым: она участвовала в боевых действиях против горцев на Кавказе, в войнах с Турцией и Японией. В полку традиционно проходили службу выходцы с Кавказа. К примеру, вместе с "простолюдином" Мельниковым ротными командирами здесь были кавказские князья: один — штабс-капитан К. Русев-Корчибашев, другой — прапорщик С. Вачнадзе. Полком же командовал храбрый прибалтийский барон полковник П. Тилло, которого за боевые отличия назначили в 1916 году командиром лейб-гвардии Семеновского полка — элиты русской армии.

Однако среди офицеров полка было не в чести родовитое чванство и высокомерие. Здесь ценились прежде всего храбрость, ум и честь. Прапорщик из простонародья быстро нашел общий язык с "их сиятельствами" и вскоре был назначен командиром роты. Воевал храбро, умело руководил подчиненными, был на хорошем счету у командования, которое доверяло ему сложные и ответственные задания...

Как гром среди ясного неба было воспринято фронтовиками известие о Февральской революции в Пите-

ре. Полк, в котором служил Мельников, в это время находился на боевых позициях в Румынии. Царя нет, но за Отечество солдаты и офицеры по-прежнему сражались достойно. В мае 17-го за храбрость и самоотверженность, проявленные в изнурительных боях под Фокшанами, где некогда русские чудо-богатыри генерал-аншефа А. Суворова покрыли себя неуязвимой славой в битвах с турецкими янычарами, Мельников был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени и чину штабс-капитана. Но в армии к тому времени уже царили развал и неразбериха в управлении. Наградные документы и представление к следующему чину, оформленные командованием на геройского ротного, затерялись где-то в промежуточных военно-бюрократических инстанциях. А тут подоспела и большевистская октябрьская революция, отменившая в армии все прежние чины, звания и награды...

В конце 1917-го Мельникова отправляют "на смену кадров" в 155-й запасной пехотный полк, а в начале 1918-го — демобилизуют "по расформировании старой армии"...

1917 год поделил жизнь поколения, к которому относился Мельников, на две части — до и после революции. Одни уехали в эмиграцию или ушли к белым. Другие, среди которых оказался бывший поручик, пошли воевать за власть Советов. "В боевом восемнадцатом", который согласно популярной песне 30-х годов, "по военной дороге шел в борьбе и тревоге", Александру Мельникову вновь довелось сразиться с германскими интервентами. На сей раз под Питером. Бывший офицер, вынужденный снять золотые погоны и подальше спрятать боевые ордена, добровольно вступает в Красную Армию и, став краскомом, идет сражаться за новые идеалы. Защищая на дальних подступах город своего детства и юности, громко титулованный теперь "колыбелью революции", красный командир Мельников, как и прежде, храбро дерется с интервентами в районе Луги и Пскова.

В конце того же года Мельников становится пограничником. Клятвенное обещание первых стражей советских границ звучало пафосно и напыщенно: "Принимая на себя свою долю тяжелой и святой борьбы угнетенного и обездоленного народа, даю обещание перед революци-

В окопах Первой мировой... Поручик А. Мельников — в центре. 1916 год

онной совестью своей достойно, без измены, без страха и колебаний бороться за великое дело, которому отдали свою жизнь лучшие дети рабочих и крестьянской семьи, за дело победы Советской власти и торжества социализма". Как бывший офицер в душе относился к этой пропагандистской риторике, неизвестно. Но за Отечество он сражался так же достойно, как и прежде...

С учетом боевого опыта, Мельникова назначают начальником пограничной дистанции. В составе делегации он участвует в мирных переговорах с Эстонией, устанавливает новую границу в районе Ямбурга, затем во главе кавалерийской сотни укрепляет участок финской границы в районе Белоострова.

К 1919 году из разрозненных погранподразделений формируется 471-й пограничный полк. Но вместо охраны порубежья пограничникам пришлось вести тяжелые бои с регулярными частями противника — белогвардейцами, белоэстонцами, белополяками.

Однажды, когда полк находился на боевых позициях в районе города Рославль, вражеский отряд под покровом ночи ворвался в деревню, в которой разместился штаб красных. Здесь же расположился второй батальон под командованием Мельникова. Пограничники обнаружили врага. Завязался отчаянный бой...

Из наградных документов комбата А. Мельникова: *"Командир 2-го батальона т. Мельников... во время ночного нападения прорвавшегося в тыл расположения наших войск противника, будучи схвачен неприятелем, не растерялся, вырвался из вражеских рук, выскочил из хаты и, собрав часть стрелков, отбил противника... Находясь в дер. Белохвостово-Наречье с остатками своего батальона около 40 штук и заметив прорвавшегося противника, ударил во фланг и отбросил его".*

Изучая документы, можно увидеть, что вражеское нападение с минимальными потерями для пограничников было отбито, а штаб полка и вся оперативная документация были сохранены и в руки противника не попали. Что касается самоотверженного поступка комбата Мельникова, то он был оценен пореволюционному высоко и отмечен по достоинству. Приказом командующего 15-й армией от 5 мая 1920 года его наградили высшим знаком

отличия Советской Республики — орденом Красного Знамени.

После окончания Гражданской войны Александр Константинович продолжал служить в войсках ОГПУ-НКВД. Его фронтовой опыт, приобретенный в двух войнах — Первой мировой и Гражданской, в трансформированном виде оказался востребованным в мирное время. Возглавляя различные формирования чекистских войск, ему довелось организовывать охрану Соловецкого лагеря особого назначения (была в биографии Мельникова и такая страница), бороться с бандитизмом и устанавливать революционный порядок в Нижневолжском крае, брать под охрану строившиеся "гиганты социндурии" — предприятия оборонной промышленности. После окончания в 1935 году Высшей школы войск НКВД командовал рядом полков по охране железных дорог на Украине. За отличия в службе имел награды: в ознаменование 10-летия ВЧК-ОГПУ — именной браунинг с надписью "За беспощадную борьбу с контрреволюцией" и золотые часы — в честь 10-летия РККА. Каким-то чудом его обошли стороны чистки РККА и массовые репрессии комсостава конца 30-х годов. Осенью 1938-го ему было присвоено воинское звание "полковник".

Начало Великой Отечественной войны застало полковника Мельникова в Кишиневе, где он возглавлял курсы по переподготовке начсостава войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. Личный состав курсов сразу же был поднят по тревоге и под командованием Александра Константиновича выброшен к границе для борьбы с вражеским десантом и охраны дорог от диверсантов. А в начале июля последовало назначение Мельникова командиром сформированной по мобилу 69-й бригады войск НКВД по охране особо важных промышленных предприятий. Входившие в ее состав части, как уже упоминалось выше, обеспечивали охрану оборонных заводов в Тульской и Тамбовской областях, в том числе знаменитый Тульский оружейный завод.

Но из-за последующих тревожных событий, развивавшихся столь стремительно (уже к середине октября гитлеровцы подошли к границам Тульской области), воинам-чекистам, наряду с оказанием помощи в эвакуации оборудования военных

заводов и обеспечением бесперебойной работы оставшихся оборонных предприятий, пришлось грудью встать на пути танковых клиньев Гудериана.

Из исторического формуляра 69-й бригады войск НКВД: *"С включением бригады в состав действующей армии с 16 октября 1941 г. по 1 января 1942 г. частями бригады выполнялись следующие задачи: непосредственная оборона гг. Тулы, Алексина, Сталиногорска, где приняты активное участие в боевых действиях с противником; охрана и оборона промышленных объектов; охрана тыла 10-й, 26-й, 49-й, и 50-й армий..."*

Еще 3 октября 1941 года полковник Мельников получил решение военного совета 50-й армии о создании Тульского боевого участка. В документе говорилось, что "бригада войск НКВД, рабочий полк и отряд милиции составляют второй эшелон ТБУ". Однако случилось так, что именно эти формирования фактически приняли на себя основной удар врага. Произошло это потому, что предназначавшиеся непосредственно для обороны Тулы красноармейские части или, будучи на подходе, еще не успели занять намеченные рубежи или вступили в бой, еще неходясь на марше.

Далее предоставим слово военной хронике тревожной осени 41-го: 14 октября был издан приказ штаба обороны Тулы о создании оборонительных районов, одним из пунктов которого предписывалось "начальнику местных войск НКВД полковнику Мельникову иметь заградительные посты на выходах из города... оградив особенно оборонительные районы...". 23 октября Тульский городской комитет обороны постановил "руководство оборонными работами вокруг города возложить на т. Мельникова". В тот же день последовало еще одно решение — "поручить т. Мельникову усилить уличное патрулирование и установить строжайшую проверку документов с 20.00". Через два дня, 25 октября, новое постановление — "охрану революционного порядка в городе и пригородах возложить на члена комитета обороны коменданта города т. Мельникова...". 26 октября приказом по гарнизону в полное распоряжение Мельникова, кроме частей и подразделений войск НКВД, были переданы вся городская милиция и добровольческие рабо-

чие отряды. 10 ноября Мельников без освобождения от должности комбрига возглавил весь военный гарнизон города оружейников.

С утра 30 октября начались ожесточенные бои за Тулу. Комендант города полковник Мельников за несколько дней сумел организовать возведение оборонительных сооружений и выставить заслоны на самых танкоопасных направлениях. Предыдущий боевой опыт, сочетаемый с точными расчетами, и на этот раз не подвел Мельникова...

Из фронтовой корреспонденции, опубликованной 2 ноября 1941 года в газете "Красная звезда": *"В двенадцатом часу ночи передовые посты т. Мельникова услышали гул моторов... На бугор вышло 48 немецких танков. Шли они медленно, с ярко горящими фарами... Яркие лучи разрезали тьму, дрожала земля... Командир Мельников решил на психическую атаку танков ответить психической обороной... Началось состязание нервов... Танки подошли совсем близко. Мельников дал сигнал артиллеристам. Поле сейчас же осветилось вспышками орудийных залпов... Уцелевшие фашистские машины поспешили в укрытия... На поле боя осталось большое количество сгоревших танков, убитых солдат и офицеров..."*

Из состава соединения полковника Мельникова непосредственно в обороне Тулы участвовали 156-й полк войск НКВД, часть личного состава которого продолжала охранять оружейный завод, и оперативная рота штаба бригады. На подступах к Алексину отражал атаки врага 115-й отдельный батальон, а в окрестностях у Сталиногорска находились подразделения 180-го полка войск НКВД по охране особо важных промышленных предприятий.

О том, в какой сложной и напряженной обстановке приходилось Мельникову организовывать оборону Тулы и руководить действиями подчиненных и приданных частей и подразделений, свидетельствует один любопытный документ — сообщение по ВЧ из штаба обороны Тулы в Главное управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности: "Полковник Мельников просит подкрепления... За 17 истекших дней противник несет огромные потери на рубежах обороны, не продвигаясь ни на метр вперед. Мобилизовано на оборону города все население... В каби-

нет Мельникова попал снаряд, но его в это время в кабинете не было".

Вражеский снаряд никак не мог застать комбрига и военного коменданта города в штабе. Потому что там он практически не появлялся, а лично руководил обороной Тулы непосредственно с боевых позиций, которых в буквальном смысле слова не покидал сутками. Благодаря стойкости и мужеству воинов-чекистов, добровольцев рабочих отрядов и бойцов приданных подразделений РККА, враг был остановлен и в город не допущен. Время, выигранное жесткими и решительными действиями защитников города, дало возможность войскам 50-й армии подтянуть резервы и занять круговую оборону вокруг Тулы, а затем и отбросить гитлеровцев на запад.

7 ноября 1941 года в войсках НКВД по охране тыла Западного фронта, в состав которых входила бригада Мельникова, зачитывали праздничный приказ. Поздравляя личный состав с 24-й годовщиной Великого Октября, командование особо подчеркивало: "Обладая крепкими нервами русского человека, мужеством, отвагой и сталинской закалкой, личный состав части, где командиром полковник Мельников и военным комиссаром батальонный комиссар Власенко, не только стойко выдержал ночную психическую атаку противника, но и ответил на удар врага решительной активной обороной, уничтожением живой силы и техники фашистов".

За мужество и героизм, проявленные бойцами и командирами 69-й бригады войск НКВД, более пятидесяти человек было награждено орденами и медалями. А полковник А. Мельников Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 года за умелую организацию героической обороны Тулы был удостоен ордена Красного Знамени. Особый акцент в его наградном листе делался на следующем: "В первые дни обороны, 29 октября — 2 ноября, когда танки противника почти непрерывно атаквали нашу оборону и для захвата города были брошены группа Гудериана и части СС — полк "Великая Германия", город обороняли только части полковника Мельникова... 69-я бригада войск НКВД под командованием полковника Мельникова своими боевыми делами заслужила славу геройской защитницы г. Тулы, под стенами которой начался разгром вра-

га". Позже за подобные подвиги давали Золотую Звезду Героя, но в 41-м, когда Красной Армии приходилось обороняться, были другие критерии оценок боевых заслуг — ограничивались более скромными наградами...

В конце 1941 года неожиданно для Мельникова состоялось его назначение в глубокий тыл — в Куйбышев. Это теперь известно, что из Москвы в город на Волге должно было эвакуироваться все партийное и советское руководство страны. А тогда планировавшееся перемещение государственных управленческих структур в глубокий тыл являлось огромной государственной тайной.

В Куйбышев к тому времени уже перебрались многие важные государственные учреждения и некоторые наркоматы. Для Сталина и его ближайшего окружения в центре города с соблюдением строжайшей секретности спешно строился подземный бункер. Город переводился на особое положение: с целью сохранения тайны государственной важности сюда перебрасывались дополнительные силы оперативных служб НКВД. Также особое значение придавалось охране железнодорожной магистрали Москва — Куйбышев, по которой по напряженному графику курсировали литерные пассажирские и грузовые составы. С этой целью была сформирована 33-я дивизия войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. Командиром этого соединения с личного согласия наркома внутренних дел Л. Берии, а также с учетом прежнего служебного и боевого опыта и был назначен полковник А. Мельников.

Из передовой статьи, опубликованной в многотиражной газете 33-й дивизии войск НКВД от 21 августа 1944 г., посвященной 50-летию комдива А. Мельникова: *"Охраняя народнохозяйственные грузы и железнодорожные сооружения, мы гордимся ветераном трех войн, генералом, который не раз встречался лицом к лицу со смертью, отдавшим 30 лет своей жизни служению интересам Родины на посту воина-чекиста"*.

Части дивизии брали под усиленную охрану все важные железнодорожные сооружения, находившиеся на магистрали от Москвы до Куйбышева, — мосты, депо, водоканалы, круги для разворота парово-

В штабе особого соловецкого полка войск ОГПУ. Помкомполка А. Мельников — стоит крайний справа. 20-е годы

Многотиражная газета 33-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог "За любимую Родину" от 21 августа 1944 г. со статьей А. Мельникова "Героическая оборона Тулы"

зов, а также важные объекты областного центра. Караулы и войсковые наряды постоянно сопровождали пассажирские и грузовые составы. Перед воинами-чекистами ставилась задача не только не допустить несанкционированного проникновения на охраняемые объекты, но, образно говоря, чтобы мышь не могла проскочить незамеченной в город.

Кроме того, в самом Куйбышеве Мельникову пришлось выполнять функции не совсем обычные. В городе образовался значительный гарнизон войск НКВД, в связи с чем возникли проблемы с соблюдением должного воинского порядка военнослужащими в васильковых чеккистских фуражках, которые нередко игнорировали требования общевойскового гарнизонного командования. Необходимо было призвать нарушителей воинской дисциплины к порядку. Мельникова приказом НКВД за подписью самого Берии назначили заместителем начальника Куйбышевского гарнизона по войскам НКВД. Нарушителей воинской дисциплины сразу поубавилось.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой отменил переезд Сталина и советского правительства в Куйбышев. Однако статуса города особой важности он не потерял. Здесь продолжали функционировать некоторые правительственные структуры, а также на полную мощь работали оборонные предприятия города. Воины соединения

Мельникова до конца войны несли охрану железных дорог, не допустив при этом ни одной диверсии, ни одного сбоя в движении поездов.

В марте 1943 года чеккистскому командиру было присвоено звание генерал-майора, а окончание войны для него ознаменовалось награждением еще тремя орденами — Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени, а также медалями — "За оборону Москвы" и "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг."

***

В июне 1947 года генерал-майор А. Мельников, прослужив непрерывно 32 года, ушел в отставку по состоянию здоровья. Поселился в Куйбышеве. Уже будучи на заслуженном отдыхе, Мельникову пришлось выдержать еще одну войну. Вернее, не войну, а глухую чиновничье-бюрократическую оборону функционеров от печати. Александр Константинович еще в годы войны начал собирать документы, вырезки из газет об обороне Тулы. Собираясь рассказать об истинной роли войск НКВД в Великой Отечественной войне и, главное, их немалом вкладе в героическую оборону Тулы и в целом битву за Москву.

Подготовив несколько статей, повествующих о подвигах воинов-чеккистов в боях за город русских

оружейников, Мельников опубликовал их в многотиражной газете 33-й дивизии войск НКВД. Намеревался через газеты и журналы поведать более широкому кругу читателей, как на самом деле рабочая Тула отражала атаки врага осенью 41-го.

Но разоблачение культа личности Сталина, расстрел Берии, последующие хрущевские гонения на НКВД в целом не давали возможности через печать правдиво рассказать о подвигах воинов-чеккистов. Чиновники от печати, особенно на местах, стараясь перестраховаться и не отстать от новых веяний, не допускали к опубликованию все, где упоминалась аббревиатура "НКВД". Для них были все равны: и бериевские палачи, и разведчики, ежедневно рисковавшие жизнью в тылу врага, и бойцы войск НКВД, закрывавшие собой прорванные врагом фронты.

Подготовленные материалы ложились в стол, что очень расстраивало Мельникова. Так и не добившись возможности рассказать правду о войне, участник трех войн генерал-майор А.К. Мельников умер в 1968 году от тяжелой болезни — следствие боевых ранений и нелегких лет военной службы Отечеству...

Николай Сысоев,
полковник запаса,
военный историк

“КВАРТИРА” В САНЧАСТИ, или ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Из справки замкомандира по тылу расквартированного в столице Республики Коми учебного инженерно-саперного полка видно, что на жилищном учете в части состоит 120 человек. Четверть из них — на улучшение. Остальные — бесквартирные.

Какое это неблагозвучное, тяжелое для слуха, отдающее какой-то ущербностью слово. И если бы не одиннадцать субсидий, которые впервые за всю историю части получили в прошлом году военнослужащие, несколько жилищных сертификатов да инициатива командира, использующего все внутренние резервы, чтобы хоть как-то разместить военнослужащих, ситуацию с жильем можно было бы назвать полным штилем. Ее как-то пытаются решать и сами военнослужащие полка: лейтенанты, капитаны, майоры...

“Кто-то теряет, а кто-то находит...”

Лейтенант Александр Соколов закончил в прошлом году военно-инженерную академию, где получил хорошие знания, которые горел желанием реализовать на практике. Попал служить во внутренние войска, на север. Не струхнул офицер, преподаватели так и советовали: начинать службу лучше издалека. Там и выслугу можно набрать быстрее, и льготы существенные. Дома, в Москве, остались жена с ребенком, но Александр рассчитывал, что государство, которое он защищает, предоставит ему в течение трех месяцев служебное жилье, как того требует закон, а законам Саша верил. Однако жилье ему не предоставили ни через три месяца, ни через шесть. Пришлось лейтенанту снимать комнату в городе, за которую отдавать едва не треть своей зарплаты. Куда уж тут везти семью?

Обещания государства на местах часто приходится претворять в жизнь конкретным людям. Для военнослужащих это командир части. Ему, как говорится, и карты в руки. Ну и что же, что он лично ничего лейтенанту не обещал? За него это сделало государство!

Что же мог командир в данной ситуации предложить лейтенанту? Войсковое семейное общежитие было переполнено. В арендованном в городе общежитии, куда селили холостяков-лейтенантов, мест также уже давно не было. Периодические же обращения за помощью к городским властям результата не давали. Командир и сам давно уже думал над этой проблемой, ведь таких офицеров, как лейтенант Соколов, у него наберется не один десяток. Он бы и рад поселить лейтенанта, да вот только куда? Все резервы, считай, исчерпаны. Но на то ты и командир. Думай! Изобретай! Ломай голову!

А что, если потеснить медиков полка, разместив се-

Сегодня занятия проводят лейтенанты. А завтра?

мейных офицеров в нескольких помещениях сокращенной медицинской роты? Против выступили начмед и начальник штаба. Но последнее слово всегда остается за командиром: “Освобождайте помещения. Офицеры мне дороже!”

Жаль только, что праздновать в новом общежитии новоселье лейтенанту Соколову вряд ли придется, потому что, съездив в законный лейтенантский отпуск и посоветовавшись с супругой, привез он в часть отношение о переводе его в Москву, в органы ФСБ.

Капитан В. Макласов (в центре) с сослуживцами

“Что же тут поделаешь, — недоуменно пожмет плечами искушенный читатель, — повезло парню, да и вопрос с жильем сам собою разрешился!”.

Трагедии вроде и в самом деле не произошло. В конце концов, толковый офицер продолжает службу Родине, хотя и в других структурах. Все почти как в известной песенке: “Так уж бывает, так уж выходит, кто-то теряет, а кто-то находит”. Контрразведчикам тоже нужны молодые и грамотные специалисты.

Но ведь нужен этот лейтенант и войскам. Нужен позарез. И именно здесь, в учебной части, которая готовит саперов — специалистов одной из ключевых на войне профессий. Ему, саперу, натасканному инструктором-профессионалом, когда-нибудь все-таки придется поставить в этой войне точку.

Командир полка в такие высокие материи, как говорится, и не лезет. Ему бы решить вопрос: “Куда селить молодых офицеров, выпускников 2004 года?” — ведь три-четыре помещения в санчасти не решат проблему.

“Уверен в своих офицерах”

Конечно, командиру полка самому не под силу обеспечить жильем всех прибывших лейтенантов, но если сами командиры подразделений заинтересованы в молодых офицерах, то это во многом способствует разрешению стоящего вопроса.

Капитан Владимир Макласов — командир 4-й учебной роты, которая готовит механиков-водителей инженерной техники. В 1999 году окончил Военно-технический университет Спецстроя России. Был направлен во внутренние войска. Желание служить не остыло на тридцатиградусных морозах северных широт. Служба увлекла. Через три года пошли законные северные надбавки, существенно увеличившие доход молодого офицера. Побывал Владимир и в Чечне. А вскоре по возвращении оттуда женился. Жили у тещи. Ольга, дочь

погибшего при исполнении служебного долга в 1989 году офицера конвойного полка капитана Ивана Волкова, родила вскоре дочку, и перед молодой семьей встал вопрос о поиске другого жилья. Жить вдвоем стало тесно, к тому же у мамы проблемы со здоровьем. Обратился Владимир к командованию части с рапортом о предоставлении ему жилья. Через пару лет испытания Макласовых закончились. Им дали двухкомнатную квартиру в семейном общежитии за выселением получившего наконец-то сертификат офицера-отставника.

Своим личным опытом Владимир Николаевич, будучи уже командиром роты, воспользовался, когда стало известно, что в его роту планируют назначить троих выпускников родного университета. Он со своим заместителем, тоже выпускником ВТУ, старшим лейтенантом Константином Деминим предпринял ряд активных действий, чтобы принять офицеров достойным образом. Договорились заранее о поднайма жилья за умеренную плату, лично встретили молодых лейтенантов на вокзале. Помогли с размещением и обустройством. Но самое главное — дали почувствовать молодым офицерам, что они здесь нужны и их не оставят в беде. Это и называется заботой о подчиненных. Лейтенанты Валерий Слезов, Сергей Каштанов, Михаил Украинцев оценили это по достоинству.

— Когда мы поняли, что наш командир на деле, а не на словах искренне нам рад и желает помочь, но при этом надеется на отдачу, то, посоветовавшись, решили не подводить ротного и добросовестно отслужить пять лет до окончания контракта. Ну а дальше уже по обстановке, — рассказывает командир 4-го взвода, ныне уже старший лейтенант Михаил Украинцев.

— Теперь, по крайней мере, на ближайшие четыре года я чувствую себя спокойно. Уверен, что мои офицеры слово сдержат и не подведут, — резюмирует Макласов.

4-я учебная рота — одна из лучших не только в батальоне, но и в полку. Наверное, понятно почему?

Воздушный замок с видом на реку времени

Лейтенанту будущего государство рисует радужные перспективы в виде ипотечной квартиры всего через три года после его вступления в офицерскую жизнь. И хочется поверить, что так оно и будет, и сомнения берут — сколько уже раз обещано с самых высоких трибун навсегда покончить со злосчастным бесквартирьем военных? Да только как ни крути, а воздушные замки, пардон, квартиры обещают лишь лейтенантам образца 2005 года. А куда податься, например, майорам? Для них одним из наиболее верных, хотя и не самых удобных способов решить квартирный вопрос является получение государственного жилищного сертификата.

Майору Олегу Борецкому, офицеру того же полка, например, только для того, чтобы получить право стать обладателем заветного сертификата, пришлось... уволиться. По его мнению, это самый оптимальный вариант для получения заветного документа. Выходит, что, честно служа Родине, получить сертификат невозможно. Цена, по-моему, разрушительная для войск, а соответственно, и всей государственной политики. Однако Олег Борисович не смог прижиться на гражданке, сняв погону. Полтора года разлуки с войсками и оскорби-

тельная для него, майора ВВ, приставка “запаса” закончилась возвращением в строй. К тому же знакомый юрист объяснил, что, уволившись из войск один раз, он все равно получает право на сертификат. Олег Борисович продолжает службу, несмотря на множество болячек, заработанных им в обеих чеченских кампаниях, хотя сертификат он так и не получил. Что-то нахимичили окружные тыловики. Надеется офицер на справедливое решение суда, с трудом сдерживает обиду. Войскам отданы лучшие годы. Война прочно вошла в сознание офицера. Нет-нет, да и просыпается он в холодном поту, когда снятся ему тяжелейшие мартовские бои в Комсомольском, где он с товарищами попал в окружение в одном из брошенных домов...

А правительство Республики Коми и городские, то есть ближайшие к части, представители власти между тем словно в упор не видят расквартированного в городе воинского формирования. И это несмотря на то, что именно в этом полку проходил в начале 70-х срочную службу нынешний глава республики, а тогда просто рядовой Владимир Торлопов. Его фотография в военной форме в кругу сослуживцев хранится в комнате истории полка на почетном месте. Но Владимир Александрович нечастый гость в родной части.

Между тем вопросов к бывшему сослуживцу у однополчан достаточно.

Например, у лейтенанта Руслана Руснака. Тяжело ему приходится служить: немеет натертая протезом левая нога, дает о себе знать и изуродованная взрывом рука. Беда случилась в марте 2001 года, когда был он еще сержантом, при проведении инженерной разведки под Курчалоем. Не уберется он тогда, и если бы не боевые товарищи, вытащившие его из-под начавшегося ураганного обстрела, то вряд ли остался бы жив. Ну а второй раз ранили его уже здесь, дома. Ранили, образно говоря, в сердце. Бывший глава республики Юрий Стридонов, обещавший выделить ставшему инвалидом офицеру квартиру, обнадежил его. Но когда в ходе новых выборов главой стал Владимир Торлопов, про обещание, как водится, не вспомнили. Офицеры группы по работе с личным составом полка проследили судьбу этой квартиры: она ушла молодому работнику аппарата нового главы.

Наверное, действительно слишком много воды утекло, чтобы что-то помнить.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

Для кого-то это уже реальность. А для кого-то пока мечта...

*То звон щитов, то шум знамен,
То мысли взлет, то славы бремя...
Листая летопись времен,
Мы постигаем наше время.*

Александр БОБРОВ

Фото: Владимир Николаевич

НА СВЯТЫХ ХОЛМАХ ПОБЕДЫ

Против всемирной силы...

Прощаясь с Куликовым полем по завершении Крестного хода, мы видели внутренним духовным взором поредевшие полки, выстроенные после похорон павших воинов. Впереди, под знаменем с ликом Спаса, стоял смертельно уставший Дмитрий Иванович. Давшие себя узреть нашему мысленному оку, великий князь и его герои словно молвили сквозь века крестоходцам: "Ведомо ли русским потомкам, какую беду с Божьей помощью отвели мы от родной земли жертвенным подвигом, какие враги хотели со свету нас сжить? Не сокрыли лета правду об этом? Вам та правда в подмогу будет, не бегите ее. Ибо всё так же супостаты зарятся на Русь. Исподволь берут ее своим коварством. Дерзайте же, други, когда присплет ваш час!"

Спасибо, княже, за узелок на па-

мять. И впрямь, правды ради о причинах и целях Мамаева нашествия надобно сказать особо.

С конца 1350-х годов Золотая Орда, под властью которой находились русские земли, была поражена тяжким династическим кризисом. За двадцать лет здесь сменили друг друга более двадцати правителей. Летописцы называют этот период "великой замаятней". Ханской междоусобицей воспользовался темник Мамай, командовавший золотоордынскими войсками в Крыму. Выдающийся полководец и опытный, искусный политик, он несколько раз захватывал Сарай и фактически управлял страной, ловко манипулируя своими ставленниками — ханамарионетками. Однако прочно закрепиться в столице Орды бывшему темнику, по сегодняшним меркам командиру дивизии, не удалось, несмотря на то, что он самому себе присвоил ханский титул. Значительная часть ордынской знати в улусах отказывалась подчиняться Мамаю,

поскольку он не принадлежал к роду чингизидов и по законам Монгольской империи не имел права на престол. И тогда самозванец обратил свой взор на Москву. Однако в этом решении он не был самостоятельным. К агрессивному походу хана подтолкнули его друзья и кредиторы — генуэзские купцы, имевшие мощную колонию в Крыму. Но и они служили "передаточным звеном" в масштабной геополитической игре: за спиной итальянских негодантов стоял идеологический центр западной цивилизации — Ватикан.

У каждой из этих сторон были свои виды на Русь. Генуэзцы стремились получить у великого князя концессию для добычи пушнины и торговли. Однако под давлением церкви Москва отвергала предложения "фрягов". Игумен Троицкого монастыря Преподобный Сергей Радонежский, пользовавшийся на Руси непререкаемым авторитетом, заявил, что никаких дел с латинянами быть не может, на Святую Русь допускать

Окончание. Нач. в №10

иноземных купцов нельзя, ибо это грех. Великий подвижник православной веры в первую очередь пекся о том, чтобы оградить народ от духовной экспансии Запада. Вместе с тем он прекрасно понимал: сделка с генуэзскими толстосумами превратит Русь в торговую колонию католиков, а там и с военной колонизацией Запад не задержится.

Римское папство вынашивало планы захвата Руси с целью насильственного обращения русского народа в католическую веру. Из Ватикана неоднократно звучали призывы к крестовому походу на Восток. Стремясь создать единый фронт антирусской агрессии, Римские Папы на протяжении многих десятилетий тайно направляли и координировали захватнические действия Немецкого ордена, Швеции, Польши и Литвы против русских княжеств. В 1380 году католический Запад, сделав ставку на тумены ордынского хана-самозванца и капитал "фрягов", решил открыть второй, восточный, фронт борьбы с православной Русью.

Властолюбивому же Мамаю "Русский улус" был нужен для удовлетворения собственных амбиций. Агрессивные замыслы неудачливого узурпатора подпитывала и его ненависть к великому князю Московскому, которого Мамай презрительно имено-

вал "данник наш Митя". Во-первых, Дмитрий Иванович не пошел на сделку с генуэзцами, обещавшими Мамаю финансовую помощь в обмен на его договор с Москвой о предоставлении им, крымским негодьям, торговых концессий. Во-вторых, "данник Митя", проявив твердость и решительность, показал бывшему темнику, кто на Руси хозяин: в августе 1378 года русская рать наголову разгромила на берегу реки Вожи сильное татарское войско, посланное Мамаем для наказания строптивой Москвы. В-третьих, Дмитрий всеми своими действиями продемонстрировал верность законному наследнику ханов Золотой Орды чингизиду Тохтамышу, объявившему войну самозванцу Мамаю.

Таким образом, совпадение военно-политических, религиозно-идеологических и финансово-экономических интересов врагов Руси на Западе и на Востоке стало главной движущей силой беспрецедентного завоевательного похода с целями, которых никогда не ставили перед собой ордынские правители в отношении подвластных территорий. При всем незавидном, унижительном положении вассала Золотой Орды, при всех жестокостях и зверствах карательных набегов татар Русь под игом-протекторатом Монгольской империи сохранила свое имя и тра-

диционное жизнеустройство, свой национальный облик и духовный мир, свою экономику и культуру. Это было обусловлено веротерпимостью и политической лояльностью ордынских ханов. Даже принявшие мусульманство степные власти не посягали на православную веру и государственную автономию Руси. На покоренных русских землях не было ни военных гарнизонов завоевателей, ни ханских наместников. Более того, взимая дань, кстати, весьма необременительную (от общей суммы налога для монгольской власти на душу населения в XIV веке приходилась всего одна десятая тогдашней копейки в год — цена 1,6 кг хлеба), татары обеспечивали военную защиту "Русского улуса" от внешних врагов, угрожавших самому существованию Руси. Как свидетельствуют исторические документы, под влиянием православного духовенства ордынские правители в союзе с русскими князьями неоднократно принимали акции против наступавшего католицизма. Наряду с этим оберегались духовные ценности православия. Так, начиная с 1267 года ханы Орды предоставляли русской церкви специальные ярлыки, согласно которым, в частности, за оскорбление церковей, хуление веры, уничтожение церковного имущества полагалась смертная казнь.

Ю. Рахца. Благословение на битву

Н. Присекин. Куликовская битва

В этих условиях великие князья и церковные иерархи сумели укрепить русскую государственность, объединить и сплотить русские земли под властью Москвы. Северо-Восточная Русь возвысилась настолько, что на службу к московскому князю стали массово "отъезжать" знатные ордынцы, спасаясь от беспредела в период "замятни". Их, лучших боевых профессионалов того времени, специалистов по конному строю и маневренной войне, принимали в Московии с распростертыми объятиями, жаловали высоким титулом, женили на боярынях и давали назначения в войска. К слову, крещенные татары — меткие лучники и непревзойденные мастера сабельной рубки — составляли костяк княжеской конницы. Они внесли весомый вклад в победу на Куликовом поле.

Оценивая двойственную — насильственную и охранительную — роль Орды в русской истории, характер политики ханов, которые, надев узду на Русь, в то же время не препятствовали ее самостоятельному развитию, философ и историк евразийской школы П.Н. Савицкий писал: "Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам. Татары пали на Русь как наказание Божие, но не замутили чистоты национального

творчества. Если бы Русь взял Запад, он вынул бы из нее душу".

Вот по русскую-то душу и послали Мамай вдохновители и спонсоры его похода — колонисты-генуэзцы, выполнявшие волю римско-католического центра. Они же, крымские "фряги", надо полагать, поставили перед самозванцем и другую задачу: истребить русских князей и "сесть на царство" в Москве. Дабы удушить набиравшее силы государство, лишить его исторических перспектив. Именно этим, то есть действиями Запада, решившего взять Русь руками ордынского полководца, объясняется намерение узурпатора положить конец традиционной внутренней политике Золотой Орды и подрубить русское древо под корень.

О том, что Мамай имел целью сокрушение православия и уничтожение русской государственности, с полной определенностью говорится в повестях и сказаниях того времени. Ведали московские летописцы также о закулисных силах, управлявших ханом-самозванцем. Подтверждение тому — красноречивые строки "Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского": "Мамай же, подстрелемый лукавым и советником и (разрядка моя. — Авт.), которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых, ска-

зал... вельможам своим: "Захвачу землю русскую и церкви христианские разорю".

На деньги итальянских негодяев бывший темник укомплектовал несметное войско. Точных данных о его численности нет, но летописец сообщает, что Мамай располагал "всею силою татарскою и половецкою, а еще к тому рати понаимовал бесермен и армены, фрязы, черкесы, ясы, буртасы". Это было поистине нашествие "двенадцати языков". И сумей тогда творившие "дела нечестивых" супостаты реализовать свои замыслы, русский народ подвергся бы роковым, может быть, смертельным для него испытаниям...

"Русь в 1380 году выступила против всемирной в полном смысле этого слова силы, в которой объединилась воля авангарда тогдашнего Запада и мощь азиатского воинства, — отмечал выдающийся историк и мыслитель В.В. Кожин. — И Куликовская битва явилась непосредственным выходом Московской Руси на мировую арену и победоносным ее утверждением во всемирной истории".

На наш взгляд, в этой цитате наиболее глубоко отражены характер страшной угрозы, нависшей в то время над Русью, и значение победы русских полков на поле Куликовом.

Фото Владимира Николаевича

Помним...

К Западу — с мечом, к Востоку — с миром и союзом

А как же быть с общепринятой трактовкой тех судьбоносных событий? — призадумавшись, наверняка спросит любознательный читатель. В советских и российских учебниках и статьях нет ни слова о направляющей роли западных врагов Руси в организации мамаева похода на Москву. А разгром агрессора видится в них как первый успешный результат борьбы русских князей с ненавистным игом, начало освобождения от власти ордынских ханов.

В том-то и беда, ответим мы, что до сих пор многие периоды нашей истории, включая эпоху Куликовской битвы, рассматриваются с точки зрения европоцентризма, крайне далекого от понимания природы Руси-России как страны, государства и самобытной цивилизации. Где стремление славянских, тюркских и других народов к взаимодействию и сотрудничеству всегда брало верх над желанием противодействовать друг другу в угоду корыстным интересам. Где победитель не добивал, не сжигал со свету побежденного, а тот, взяв реванш над обидчиком, не прибегал к тотальному отмщению поверженному противнику. Где международные отношения в ходе совместного государственного, хозяйственного и военного строительства из вынужденно соседских перерастали в дружеские и братские. Где начала складываться уникальная, невиданная в мире общность людей. Где лишь вмешательство извне, со стороны Запада, нарушало споконфликтный этим землям и духовному складу их насельников ход вещей. Как это случилось совсем недавно, на наших глазах. Впрочем, не будем забегать вперед в сопоставлении дел давно минувших дней и нынешних. Бросим еще один ретроспективный взгляд для ответов на вопросы, проливающих свет на источники побед и бед России.

Интереснейшие факты. Сразу же после Куликовской битвы Дмитрий Донской поспешил известить о победе над узурпатором законного правителя Тохтамыша, отправив в Орду своих послов с дарами и податями. А хан Тохтамыш, разгромивший, точнее, добивший войско Мамая в конце 1380 года, в свою очередь, "послы свои отпусти... ко князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем кня-

зем русским, поведавая им... како с у противника своего и их врага Мамая (разрядка моя. — Авт.) победы". В ответ русские князья "отпустиша" уже второе посольство с дарами к Тохтамышу. Из этих летописных сообщений следует, что в трудный час Русь и Орда были заодно. Дмитрий Иванович, направляясь против Мамая, вовсе не помышлял о свержении власти ордынцев. И в последующем на протяжении целого столетия крепнущая Москва мирилась с вассальной зависимостью от монголо-татар. Не было ни одной попытки собрать мощное войско и освободиться военным путем. Лишь после полного распада Золотой Орды Русь практически бескровно сбросила иго.

Чем можно объяснить такую покорность князей, почему никто из них не вдохновился героическим примером Дмитрия Донского, не поднял народ на решающую битву? Ответ напрашивается сам собой. Сложившаяся система взаимоотношений между Ордой в пору ее могущества и покоренной Русью компенсировала тяжесть ханского владычества политическими гарантиями, необходимыми московским правителям для укрепления централизованной власти и защиты русских земель от врага, в сравнении с которым жестокая, но веротерпимая Орда была "меньшим злом".

Основу этих взаимоотношений заложил Александр Невский, сделавший в неимоверно трудной ситуации спасительный для Руси выбор. Оказавшись между двух огней, великий князь обратился к Западу с мечом, а к хану с миром и союзом. В 1242 году он получил от Батыея вспомогательные татарские войска, при поддержке которых разгромил крестоносцев в сражении на Чудском озере (до недавнего времени факт о помощи, оказанной ордынцами русским в борьбе с псами-рыцарями, находился вне поля зрения исследователей, сообщение об этом обнаружил В.В. Кожин в одной из немецких хроник). А когда спустя шесть лет Папа Римский Иннокентий IV в послании к великому князю предложил объединить силы Европы и Руси против Золотой Орды, Александр ответил решительным отказом. Ибо знал, что дорогой ценой придется оплачивать уступки Западу. Как там в пословице? "Мягко стелет, да жестко спать"!

По словам историка Г.В. Вернад-

ского, два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели одну цель: сохранение православия как духовной и нравственно-политической силы русского народа. И цель была достигнута. Склонив голову перед завоевателями с Востока и отказавшись от услуг Запада, Александр Невский и его наследники обеспечили стратегический выигрыш на будущее: власть ханов дала возможность раздробленной на княжества Руси сосредоточиться. При этом Москва не считала ордынское господство напастью на все времена. В "духовной грамоте" Дмитрия Донского, составленной весной 1389 года, накануне его смерти, содержится пророческое предвидение: "А перемит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода (дани. — Авт.) в Орду". Иными словами, только Бог, попустивший нашествие агарян в наказание за грехи народа и его князей, может освободить Русь от власти ордынцев, лишив их могущества. В этом видится глубокое и смиренное осознание Божьего Промысла, трезвая оценка соотношения сил и геополитической ситуации в целом с вытекающим из нее оптимистическим прогнозом.

Дмитрий Донской, продолжавший в отношении Орды и Западной Европы политическую линию своего гениального прапрадеда Александра Невского, понимал: преждевременное вооруженное выступление Руси против татаро-монгольского владычества привело бы к трагическим последствиям для русского народа. Ответные репрессии ханов, располагавших мощным боевым потенциалом Великой степи, повлекли бы за собой неисчислимые людские и материальные потери. С другой стороны, лишавшись поддержки татарских "царей", еще недостаточно окрепшая Русь не устояла бы перед военной и религиозной экспансией объединенных сил католического Запада.

Понимал Дмитрий Иванович и то, что попытка заключить союз с Европой против Орды, к чему стремились некоторые князья, закончилась бы для русских исторической катастрофой. Окажись Москва в сфере влияния римского папства, мало бы на Руси никому не показалось. Достаточно вспомнить о страшной участи многих западнославянских племен, стертых германскими завоевателями с лица земли.

Так логика исторических фактов убедительно доказывает: Дмитрий

Донской, сокрушив Мамая на Куликовом поле, не по господству Орды нанес удар. Он одержал победу в политическом противоборстве с Западом, что в ту эпоху было неизмеримо важнее задачи освобождения русских от ига монголо-татар, даже если бы такую задачу удалось реализовать. В этом выводе, опровергающем мнение об изначальном антагонизме Руси и Орды, нет ничего позорного для великого народа. По воле самой истории языческая, а затем мусульманская Орда была русским "роднее" католического Запада. Сохранение этого евразийского родства отвечало коренным, жизненно важным национальным и государственным интересам великороссов, поскольку способствовало созреванию объективных условий для выхода на мировую арену самостоятельного Московского царства. И слава Богу, что правителям Руси достало терпения и мудрости не препятствовать неумолимому естественному ходу событий. В конечном итоге именно такая политика позволила великим князьям собрать и возвысить Русь, а их последователям создать на обломках Орды великое государство — Российскую империю.

"Нам нет спасения без истории" (Вместо эпилога)

Предвидим и возражения читателя нелюбопытного. Зачем, мол, копаться в прошлом, пытаться разгадать загадки истории? Не все ли равно, каким приоритетам в политике следовали когда-то руководители Московского государства, какие скрытые силы стояли за спиной их врагов? И какое значение имели победы наших далеких предков? Живем-то "при сейчас"! Своих проблем и бед по самые ноздри.

Зачем? Да затем, чтобы, "листая летопись", сравнивая события прошлого и настоящего, находя связь между ними, постичь наше время. Осознать, что, благодаря великим победам русских воинов, мы носим свое национальное имя, сохраняем духовные ценности и по примеру предков наших проявляем стойкость в годину тяжких испытаний.

"Нам нет спасения без истории", — писал в конце XIX века В.О. Ключевский. Сегодня эти слова особенно актуальны. Потому как только с помощью истории можно дать ответы

на извечные русские вопросы: "Что с нами происходит? Кто виноват? Что делать?"

Сравним же! В эпоху Куликовской битвы Русь — под игом завоевателей! — росла и крепла. А мы, будучи независимой супердержавой, без войны умалились территориально, развалили мощную экономику, ослабили армию, спецслужбы и силы правопорядка, лишились союзников, допустили вчерашнего противника, в одночасье ставшего "партнером", до самых границ.

Незадолго до столкновения с Мамаяем Русь, пострадавшая, как и вся Европа, от страшной эпидемии, быстро восстановила численность населения. Вышла на брань здоровой и бодрой. А мы без массовых эпидемий вымираем по миллиону в год. И с жалостью глядим на недокормленное молодое пополнение, призванное в войска из обнищавших русских уделов.

В суровую годину русичи — от элиты до самых низов — дружно сплотились под знаменем великого князя Московского. А мы, невзирая на то, что враг нагло вломился в наш дом, разобщены, как никогда, и в ответ на призыв президента к сплочению общества перед лицом террористической угрозы устами масс-медиа вопрошаем: о каком единстве может идти речь, коли сказочно разбогатевшая элита отвернулась от ограбленного народа? Глядит на Запад, как при феодальном раздразе глядели некоторые князья-сепаратисты.

И судя по всему, это только цветочки, ягодки будут впереди. Вот уже

и священники предупреждают: неизбежно новое Куликово поле, слишком далеко зашло зло...

"Слабых бьют", — напомнил согражданам президент. Но отчего мы допустили непростительную для великой державы слабость и теперь ютясь на задворках Запада, как какая-нибудь банановая республика, позволяем себя бить? Не оттого ли, что послушались "лукавых советников", убедивших нас отказаться от традиционного мироустройства, переделав жизнь по чужим чертежам? А ведь не зря говорили встарь: "Что немцу здорово, то русскому карачун"! Вот и взяли нас те "советники" голыми руками. И высасывают все соки из одураченного народа, отравляют его душу, лишают будущего.

Но "летопись времен" свидетельствует: после опустошительных войн и смут Русь всегда восставала из пепла. Переможем мы и нынешнее лихо, поднимемся. Если заживем своим умом, укрепимся в вере, духовно сплотимся, озаботимся нуждами трудяг и ратников. И возьмем на вооружение опыт ушедших поколений, умевших с Божьей помощью держать удар и побеждать в борьбе с враждебной силой.

**Полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

От автора. При подготовке статьи использованы труды историков Д.И. Иловайского, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилева, В.В. Кожинова, Е.А. Разина, Н.А. Клепина.

С нами Бог!

Евгений Попов родился в 1963 году в Сибири. Окончил Новосибирское высшее военное командное училище внутренних войск и Военно-инженерную академию им. В. Куйбышева. Подполковник, кандидат технических наук. Неоднократно выезжал в горячие точки — в зону осетино-ингушского конфликта, в Чечню. Увиденное и пережитое легло в основу лирических песен, которые Евгений пишет и сам исполняет под гитару. Недавно он принят в Союз писателей России.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

НЕБО ХАНКАЛЫ

ПИСЬМО

Лежит на полке
вот уже давно
Письмо простого
русского солдата.
Случилось так,
что не дошло оно
До дорогого сердцу адресата.

Оно ходило месяц или два,
Вернулось в роту
и легло на полку.
И вот теперь,
надорвано слегка,
Пылится здесь
без цели и без толку.

Писал он торопливо
при свече
далекий адрес
на простом конверте,
По-детски поправляя на плече
Свой автомат заботливо.
Поверьте.

Потом ушел солдат за рубикон —
За линию зелени и тревоги.
Их четверо пошло
(и с ними он)
В разведку
по нехоженой дороге.

Простая фраза:
"без вести пропал"
Несет еще в себе
надежды вешки.
Письмо успел он дописать
и передал.

Вот только адресок попутал
в спешке.

Лежит письмо теперь
настойчивым листком
И верно ждет ушедшего солдата,
Уверенное абсолютно в том,
Что возвратится он
за ним когда-то.

НЕБО ХАНКАЛЫ

Который день стоит
над Ханкалою
Свинцовая сырая пелена.
И нам, братишка,
выпала с тобою
Нелегкая чеченская война.

Ломали мы ее через колено
Без мысли о превратностях
судьбы.

Привычны нам
геройства и измены,
Привычны нам
награды и гробы.

В небесный свод
железные стрекозы,
Как призраки, ныряли
без огней.

О павших скорбь
и горестные слезы
Оставим в круговерти
этих дней.

Нам не забыть орудий канонаду,
Живой огонь растопленной печи,

Сырых окопов стойкую прохладу,
Пунктирный сон
в израненной ночи.

Сюда еще вернемся,
будет воля.
Ребят помянем,
сядем за столы
У края колосающегося поля,
Под мирным небом
спящей Ханкалы.

ТЕРЕК

Бежит вперед без остановки
берег,
Минувя перелески и луга.
Да это ж ты, мой черноокий
Терек,
Пронзая скалы,
мчишься сквозь века.

А твой поток берет свое начало
С великого Кавказского хребта.
Твоя вода в долинах величава
И, как молитва, просится в уста.

Твоя волна свежа и плодотворна,
Она сады питает и поля.
И потому все краше ежегодно
Цветет твоя горячая земля.

А если тучи, обнимая дали,
Займут грозой владения твои,
Ты пересилишь беды и печали.
В тебе так много страсти
и любви.

Валентин Сергеевич Орлов родился в селе Кадышево Карсунского района Ульяновской области в крестьянской семье. После школы отслужил три года срочной, затем окончил Ульяновский сельскохозяйственный институт и Высшую партшколу. Затем судьба его была тесно связана с органами государственной безопасности страны. Он с отличием окончил Академию КГБ СССР им. Ф. Дзержинского и был направлен на службу в центральный аппарат. Уволился в 1993 году начальником одного из управлений в звании генерал-майора. Кавалер орденов Мужества, Красной Звезды и многих медалей.

Примечательно, что все эти годы Валентин Сергеевич писал стихи. Надеюсь, войсковым читателям будут они интересны. Ну а тем, кому захочется полнее познакомиться с его творчеством, посоветую обратиться к недавно вышедшей в столице книге "У раскрытого окна".

Владимир КУДРЯШОВ, полковник запаса

ВАЛЕНТИН ОРЛОВ

МОЙ ДАЛЁКИЙ ТИХИЙ СВЕТ

НОСТАЛЬГИЯ

Пробежаться бы по полю,
Насладиться бегом всласть,
Сердце выпустить на волю
И ничком в траву упасть.

Надышаться утром сладким
За околицей села,
Где пчелой с медовым взятком
Жизнь полет свой начала.

Широко раскинуть руки,
Устремившись взглядом вдаль,
Вспомнить встречи и разлуки,
Вспомнить радость и печаль,

О своем солдатском долге
И, конечно же, о том,
Как когда-то здесь, на Волге,
Ты привел невесту в дом.

***

Привет тебе от осени,
От скошенного луга,
От птиц, что гнезда бросили
И устремились к югу.

Привет от звезд встревоженных,
Ковша Большой Медведицы,
Привет от глаз восторженных,
Что близким светом светятся.

Привет от утра раннего,
Живой росой омытого.
От тайного желанья,
Что взгляда ждет открытого.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот оно, село большое —
Мой далекий тихий свет,
Неприкаянно-родное,
Где я не был столько лет!

Ах, Карсунка, чудо-речка,
Где черемуха цветет.
В потаенном том местечке,
Помнишь, жаркое сердечко
Я ласкал под шепот вод...

Вот и дом. Венцы прогнили,
Время сделало свое.
К той далекой светлой были
Возвращение мое...

Непростое было детство,
Шла суровая война,
Что оставила в наследство —
Лишь кресты да имена.

Мама, с ранних лет седея,
На плечах своих худых,
Хлеб насущный добывая,
Подняла сынов троих...

НОЧЬ

Ночь незаметно подступила,
Умолкли птичьи голоса,
Лишь перепелка торопила:
"Всем спать! Осталось три часа".

Теченье жизни укротилось.
До недалекого утра
Всё стихло, снигло, затаилось.
Природа силы берегла.

И только кони за рекою
Тихонько ржали на лугах,
Да над тревожною водою
Клубился, вызревая, страх.

Луна за тучами юлила
И всё боялась рассказать,
Кому той ночью подфартило,
Кому рассвет уж не встречать...

ПРОЩАНИЕ

Сбились в кучку старики,
К небу лиц не поднимая.
У кладбищенской реки
Ни начала нет, ни края.

Вот еще один годок —
Друг сердечный и надежный —
Сделал шаг за тот порог,
Где свиданья невозможны.

Залп короткий и сухой...
Только память возвращала
К той године огневой,
Где судьба их повенчала.

К тем дорогам фронтовым,
Что вне русского предела.
К тем приказам боевым —
Как им Родина велела.

Боль солдатских давних ран
Душу мучает и тело.
То Вьетнам, а то Афган...
Не срослось, не отболело.

Иван
ЧЕРНЫХ

ТАЙНА "ЗОЛОТОГО" ВЕРТОЛЕТА

Роман

С момента вынужденной посадки прошло больше месяца. По радио давно уже не передавали о пролаже вертолета с золотом; бдительность поисковых групп притупилась (что они рыщут по стране, Валентин не сомневался), пора отправляться в путь. Все ли он сделал?.. Вертолет в первый же день после ухода Кукушкина и прокурора он с большим трудом перебазировал под кроны разлапистых елей. Зря, правда, снял аккумулятор и радиоприемник — сразу станет ясно, что посадка не аварийная, но теперь вряд ли вертолет найдут скоро. А без радиоприемника тут с ума сойти можно. Правда, Иванкин находил себе занятия: рыбачил, охотился, рубил дрова, топил печку. Иногда день пролетал незаметно. А вот когда хандрил, погружался в воспоминания, на душе становилось мутрно и день тянулся нескончаемо.

Особенно ему нравилась здесь рыбалка. В предчувствии скорого ледостава начали скатываться с верховья таймени, ленки, сиг, щуки, хариус. На личинки жука-дровосека, которых полно под прелой еловой корой, рыба шла здорово, только успевай подсекать.

С охотой обстояло похуже: глухари и рябчики попадались редко, а на сохатого рука не поднималась. Да и куда ему столько мяса? А за дикими кабанами надо побегать.

Позавтракав и попив чаю, Валентин взял ружье, набил карманы патронами и вышел из землянки. Яркий солнечный свет и белизна снега ослепили его. Когда резь в глазах прекратилась, надел лыжи и, как бывало в юности, с задором помчался по рыхлому скользкому насту, не чувствуя ни малейшей тяжести, словно лыжи сами несли его.

Свернув на неширокую прогалину, Валентин увидел кабаньи следы и другие — здоровенные, похожие на отпечатки лаптей. Не иначе как за стаей увязался медведь. Неурожайный год не позволил косолапым нагулять жир и залечь на зимнюю спячку, вот и шатаются они по тайге в поисках пищи.

Преследовать голодного хищника небезопасно. Но любопытство взяло верх, и Иванкин, перезарядив ружье карточкой, ускорил бег.

Боровой лес вскоре кончился, на сопку пришлось подниматься по редкому невысокому кустарнику, который, впрочем, хорошо маскировал охотника.

Валентин повесил ружье на шею, сбавил шаг и прислушался. Вскоре донесся медвежий рев, а ветерок, дувший в лицо, донес запах пота и крови.

Медведя он увидел метрах в пятидесяти за трапезой: растерзанный кабан лежал у его задних лап, а вокруг истоптанный, изрытый снег — место схватки. Зверь стоял левым боком к охотнику (как раз удобно, чтобы поразить в сердце), но летчик раздумывал. Почему-то было жаль его.

Валентин хотел уже повернуть назад и, видимо, скрипнул лыжей. Косолапый услышал, угрожающе зарычал и, оскалив зубы, двинулся навстречу. Валентин выстрелил. Раздирающий душу рев прокатился окрест. Раненый зверь поднялся на задние лапы, но Иванкин нажал на второй курок. Медведя отбросило назад, и он, хрипя и перебирая лапами, повалился на бок. Добил его Валентин из пистолета выстрелом в ухо...

Окончание. Нач. в №10

Вечером он варил шурпу из медвежатины. А большой кусок кабанины, который отрезал от добычи медведя, густо засолил.

Теперь можно уходить. Оставалось только понадежнее спрятать золото. С собой он решил взять килограммов пять. В Уссурийске, куда намеревался податься, остались друзья по службе на Воздвиженском аэродроме; у них непременно найдутся знакомые стоматологи, которые охотно купят золотишко.

12.

Русанов и двое оперативников, приданных ему в помощь, тщательно обследовали улицу за улицей тихого и уютного Уссурийска — частные дома, сдаваемые квартирантам, бывших знакомых Валентина, одиноких женщин, у которых мог приютиться беглец. Но летчик пока нигде не появлялся.

“А должен появиться, — уверенно твердил себе Анатолий, — другого пути у него нет. И я, прежний его коллега и друг, подожду. Терпения у меня хватит”.

В том, что Иванкин не погиб и операция с похищением золота была хорошо заранее спланирована, следователь не сомневался. Оставалось установить, в какой мере причастен к похищению Валентин, что его заставило пойти на сделку с уголовниками. Если, конечно, он не стал их жертвой.

Почти каждый день Русанов связывался по телефону с Щербаковым, но и тот пока ничего утешительного сказать не мог, советовал ждать.

Вдруг в самый канун Нового года Щербаков сам разыскал его.

— Ждите гостей, — сказал коротко. И пояснил: — Кувалдина и Кукушкина. Билеты взяли до Владивостока. Но могут сойти раньше и скорее всего у вас. В поисках прокурора и Иванкина. Похоже, те надули своих поделщиков...

Наконец-то! Группу Русанова усилили, и через три дня Анатолий со своим напарником капитаном милиции Постниковым увидели, как из поезда Хабаровск — Владивосток вышли двое прилично одетых мужчин с “дипломатами” в руках. Высокий, с черными гусарскими усами — Кувалдин; рыжебородый крепыш — Кукушкин. Их встретила молодая, лет двадцати пяти, женщина на черной “Волге”, принадлежащей мебельному комбинату, и отвезла в гостиницу “Уссури”. Там их поселили в разных номерах и под другими фамилиями: Кувалдин превратился в Сиволапова, Кукушкин — в Королькова.

Анатолия удивила неосторожность преступников, граничащая с наглостью: разве они не понимают, что их ищут по всей стране и портреты разосланы во все отделения милиции? Правда, сейчас столько совершается преступлений и столько развелось преступников, что за всеми не уследишь. И все же Уссурийск — городок тихий, тут разбойному люду ловить нечего. Другое дело — Владивосток, там есть где разгуляться...

Первые же наблюдения за прибывшими подтвердили догадку Щербакова: Кувалдин и Кукушкин ищут Иванкина — навестили его знакомых летчиков и девиц, рыщут по городу, встречают проходящие поезда. Перекосовым, видимо, занимаются другие люди и в других местах.

Как бы там ни было, дело прояснит лишь встреча с Валентином.

Иванкин погрузил на санки рюкзак с продовольствием и золотом. Взял он вместо предполагаемых ранее пяти килограммов — семь (уж очень далеко возвращаться за ним), накиннул постромки на плечи и, встав на лыжи, тронулся в путь. По его расчетам до ближайшей железнодорожной станции придется идти не менее недели. Правда, можно было кое-где срезать, но ему хотелось пройти тем маршрутом, по которому он направил прокурора.

Кукушкин сразу двинулся на восток, тайгой. Без оружия и при таком холоде вряд ли он достигнет какого-либо стойбища или поселка. Даже если повезет, этот к властям или начальству прииска не побежит — и те и другие его по головке не погладят. У прокурора спастись еще меньше шансов, хотя Валентин и дал ему пистолет: к трудностям он не приспособлен, труслив и эгоистичен, а это в тайге тоже имеет значение. Если спасется, претензий к летчику у него быть не может: любой в их ситуации поступил бы точно так же.

Когда Кукушкин ушел, вода еще не замерзла, и дорога у Перекосова была одна — вдоль речки. А когда та уткнется в Амгунь, тут-то и возникнут проблемы...

Вот и шел этой дорогой Валентин, кое-где обнаруживая следы пребывания своего недруга: консервные банки, головешки костра, а иногда и не занесенные снегом отпечатки его унтов. И то расстояние, которое Перекосов преодолел за трое суток, Валентин прошел за двое.

Последняя стоянка прокурора изменила о нем мнение — не такой уж он белоручка и трус, коль взялся за строительство плота: повсюду виднелись щепки, обрубленные ветки, кругляши для спуска плота на воду. И похоже, ему удалось продолжить путешествие водным путем. Далеко ли он уплыл, вот вопрос. Если спасся, значит, не все еще грехи искупил.

Валентин пересек речку и пошел по льду вдоль правого берега Амгуни. До первого залама, потом повернет на юг, к железной дороге.

Вскоре из-под льда показались бревна. На одном из них Валентин увидел свежий трапециевидный сруб со сколотой окраиной — плот не выдержал удара, скрепляющие поперечины вылетели. Не трудно представить, что произошло дальше. Однако Иванкин решил убедиться, выбрался Перекосов из воды или нет, хотя был почти уверен — не выбрался. И каково же было его удивление, когда невдалеке за кустом тальника увидел сидящего на бревне человека. Судя по меховому костюму, это был не кто иной, как прокурор.

С неприятным осадком в груди и отяжелевшими вдруг ногами Валентин подошел поближе и увидел перед собой оконечный труп.

Да, это был Перекосов, прокурор Генпрокуратуры. Жестокий, мстительный человек. И все-таки его было жаль. С ним Иванкин поступил не менее жестоко, чем тот привык поступать сам. А что от этого изменилось? Лучше стал мир? Черта с два! На место Перекосова придет другой; в охрану прииска наймутся новые жулики. А он, Валентин Иванкин, что, такой уж стерильно честный? Завладел шестьюдесятью килограммами чужого золота и решил присвоить. Зачем? Разве он не может прокормить себя собственными руками?.. Теперь не может. А хлебать тюремную баланду ни за что ни про что... Нет, уж лучше умереть!

Да и к кому попадет это золото, если он вернет его? К другому ворью. Растаскивают, разбазаривают страну кто как может, и чем выше чин, тем больше хапает. Нет, пусть не мучает его совесть и за золото, и за этого подонка Перекосова, и за Чукчу с Кукушкиным, если и этого постигла та же участь.

Прокурор сидел заледенелый, словно живой — уснул да и только, — если бы не восковое с नेताющими снежинками лицо. У ног лежали давно остывшие угли — значит, ему удалось даже развести костер. Видимо, настолько выбился из сил, что идти дальше не мог. А у костра обсохнуть не сумел, уснул и замерз.

Валентин сунул руку прокурору за пазуху и извлек оттуда пистолет. Из кармана пиджака достал служебное удостоверение, деньги, записную книжку. Все было в целлофановом пакете и хорошо сохранилось...

Как же до сих пор не добрались до трупа звери, хищные птицы и мелкие грызуны? Видно, отпугивал их еще не выветрившийся окончательно запах костра.

Оставлять так труп было не по-христиански, да и властям лучше не знать всей правды, тем более что на первое время удостоверение Перекосова может пригодиться самому Иванкину.

Земля уже достаточно промерзла, и Валентину потребовался не один час, чтобы саперной лопаткой вырыть могилу. Так, в сидячем положении, он и похоронил труп. Разровнял могилку, присыпал снегом. Здесь же невдалеке и заночевал.

Несмотря на усталость, спальный мешок в эту ночь казался ему тесным, он ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. И хотя чувство вины тревожило сознание, он противопоставлял ему прочитанное еще в детстве и навсегда застрявшее в памяти высказывание: "Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к их жертвам".

14.

Анатолий установил надежную слежку за Кувалдиным и Кукушкиным. Сообщников у них оказалось не менее, чем у Русанова помощников из уголовного розыска. Правда, там было немало мелкой шушеры, которой Кувалдин пользовался временно, но в данной ситуации и она представляла определенный интерес.

Установившийся ритм работы неожиданно нарушился срочным вызовом к Щербакову. Прилетев в Златоустовск и добравшись оттуда до прииска, Анатолий застал своего непосредственного начальника обескураженным и расстроенным: сумел уйти из-под наблюдения Семен Семенович Фридин и как в воду канул. А на днях, можно сказать, на глазах у следователя по особо важным делам застрелили председателя приисковой артели. Щербаков беседовал с ним в его рабочем кабинете — если считать деревянную выгородку в бревенчатом доме кабинетом, — вышел по малой нужде, а вернулся — председатель лежал с простреленной головой, залитый кровью. И на прииске-то оставалось всего двадцать человек (остальные сорок разъехались по домам ввиду окончания рабочего сезона). Правда, кто-то мог и вернуться.

По версии Щербакова, председатель артели в деле с похищением золота не замешан. И вдруг — убийство!

Значит, либо Щербаков чего-то не учел — председатель знал больше, чем рассказал, — либо похитители стремятся туже завязать узел.

Выслушав подробный доклад Русанова о проделанной его группой работе и планах на дальнейшее, полковник попросил его заехать еще раз на аэродром в Комсомольск-на-Амуре и более тщательно проверить маршруты поиска вертолета.

— Вертолет не мог исчезнуть бесследно, — сказал в раздумье Щербаков. — Либо его преднамеренно плохо искали, либо кто-то рассчитывает им воспользоваться. И главное, постарайся узнать, не встречался ли последнее время командир авиаотряда с Фридниным. Установи наблюдение за Звягинцевым, связь его с Фридниным несомненна.

В авиаотряде Анатолию обнаружить что-нибудь стоящее не удалось: маршруты полетов, будь он командиром отряда, выбирал бы именно такие, и летчики, судя по их донесениям, действовали старательно и добросовестно: искали не просто человека, а своего коллегу, друга. Что же касается взаимоотношений Звягинцева и Фриднина, да, они были ближе, чем деловые, но усмотреть в этом что-то предосудительное не представлялось возможным: Фриднину нужны были вертолеты для доставки грузов на прииски, а летчикам — деньги (государство не выплачивало им денежное довольствие по несколько месяцев). А Фриднин находил не только деньги, но и продукты.

В общем, Русанов улетал из Комсомольска-на-Амуре еще более озадаченным: да, летчики частенько нарушали не только наставление по производству полетов, но и закон. Точнее, были поставлены в такие условия, что вынуждены были его нарушать.

А Иванкин? Анатолий был уверен, что по собственной инициативе он никогда бы не стал на преступный путь. Где он? что с ним? почему Кувалдин с Кукушкиным ждут его в Уссурийске? только ли по интуиции или к тому есть более весомые основания?

За время отсутствия Русанова в Уссурийске оперативным работникам удалось установить еще одну очень важную деталь: Кувалдин и Кукушкин интересуются ювелирными изделиями из золота местного производства. Не покупают, просто интересуются. Значит, ищут золото со своего прииска. Что ж, метод верный.

15.

Иванкин добрался до станции Семеновка в шестом часу вечера. Поезд на Комсомольск-на-Амуре проходил здесь в семь двадцать. Проблем с билетом не возникло. Оставалось немного времени, и Валентин зашел в парикмахерскую.

— Вы, похоже, прямо из тайги, — приветливой улыбкой встретил его парикмахер, кивнув на рюкзак.

— Угадали, — ответил Валентин. — Осень — самая чудная пора в тайге. Жаль, заблудился малость.

— Ай-яй-яй, — сочувственно замотал головой мастер. — Тайга — не город. Столько зверья. У меня от одного страха ушло бы сердце в пятки.

— Страшнее человека зверя нет. В тайге все его боятся. Да и не только в тайге, ныне и в городе его боятся.

— Верно подметили, верно подметили. Что творится

в мире! Я уже радио боюсь включать — там убивают, тут берут в заложники. Слава Богу, у нас пока все спокойно. Хотите голову помыть? Хотя у меня и не салон, горячую воду я всегда держу: клиент должен уйти не только красивым, но и посвежевшим, с хорошим настроением. Пятый десяток я стригу и брею, и поверьте: на этого еврея, — ткнул он большим пальцем себя в грудь, — никогда никто не обижался.

Получив согласие, парикмахер засуетился, принес кувшин с горячей водой и, наклонив голову Валентина, стал мыть шампунем, при этом ни на минуту не умолкая. А когда начал выспрашивать, много ли еще в тайге соболя и куницы, какого зверья промышлял посетитель, Иванкин подумал: “Не иначе по совместительству работает осведомителем”.

— Я охотник за женьшенем, — ответил он. — Но в этом году поход мой оказался неудачным, а вот подледная рыбалка — что надо: ловил сколько душе угодно. На всю зиму заготовил. Теперь проблема — увезти.

— Сиг, таймень? — поинтересовался парикмахер.

— И сиг, и таймень, и ленок.

— Может, и для продажи найдется? Очень люблю с морозца. Это не то что в магазине.

— Найдется.

Мастер оказался отменный: он и волосы привел в порядок, и бородку подстриг так аккуратно, что летчик даже сам себе понравился.

— А вы знаете на кого похожи? — удовлетворенно осматривал его со всех сторон парикмахер. — На нашего последнего царя-батюшку. И лицом, и выправкой. Только погон не хватает.

“Уж не намек ли это на прежнюю службу?” — мелькнула новая мысль, и Валентин пожалел, что зашел в парикмахерскую. Хотя в его положении разве догадаешься, где подстерегает опасность. Войди он в вагон нечесаным, немывтым, тоже наверняка обратил бы на себя внимание. А возможно, все это игра напряженного воображения: у страха, как говорят, глаза велики.

Расплатившись, Валентин достал из рюкзака двух сивов килограмма по полтора и протянул мастеру.

— Вот спасибо, вот спасибо, — отвесил парикмахер благодарные поклоны. — Сколько я вам должен?

— Это презент за хорошую работу.

До прихода поезда оставалось полчаса. В здание вокзала Валентин решил не заходить, прошелся по ведущей в поселок улочке и увидел слева продовольственный магазин. В этот день ему явно везло. Он купил буханку черного и батон белого. Попросил взвесить килограмма два яблок и поинтересовался, не найдется ли бутылочки хорошего вина:

— Еду в гости, а какой Новый год без выпивки?

Продавщица подумала, мило улыбнулась и сказала снисходительно:

— Коли в гости, так и быть, найду вам бутылочку шампанского...

На перрон Валентин пришел за пять минут до отправления. В канун Нового года путешествуют только по крайней необходимости да вот такие бродяги, как он. И это обнадеживало — похоже, никто за ним не следил. Он прошелся назад-вперед, внимательно всматриваясь в темноту, но никого подозрительного не заметил и окончательно успокоился.

— Проходите в первое купе, — сказала проводница, проверив его билет. — Сегодня у нас просторно.

В купе сидела девушка лет двадцати, одетая в спор-

тивный костюм темно-синего цвета, плотно облегающий ее стройную фигуру. Лицом она была далеко не красавица: курносый нос, невыразительные серые глаза, таившие то ли усталость, то ли печаль, короткие упрямые темно-русые волосы.

Валентин поздоровался. Девушка ответила вяло, видно разочарованная тем, что к ней подсадили попутчика.

— Простите, проводница сказала: “в первое купе”, — пояснил летчик. — Если хотите, я попрошусь в другое.

— Да нет, пожалуйста, располагайтесь. Вы мне не помешаете.

— Спасибо. Мне, наоборот, будет приятно ваше общество. Не люблю одиночества: я геолог и много времени приходится проводить вдали от людей, потому скупаю по общению.

— Вы и теперь из тайги? — поддержала она разговор.

— И теперь.

— Что же вы ищете? Золото, серебро?

— Не только. Дальневосточная земля-матушка богата. Слыхали о касситерите?

— Оловянная руда? — Девушка чему-то грустно усмехнулась. — Слыхала. И видела, как ее добывают. Адский труд.

— А разве есть легкий труд? — с улыбкой спросил Валентин.

— Наверное, есть. Только не каждому выпадает удача заниматься им.

— Ясно. — Валентин уловил грусть в ее ответе: — Значит, вам не повезло с профессией. Если не секрет, скажите, чем вы занимаетесь?

— Да какая разница?.. Самым обыкновенным крестьянским трудом. В земле вожусь.

Валентин глянул на ее руки. Действительно, трудовые — обветренные, с потрескавшейся кожей. А вот одежда, висевшая на вешалке, вызвала сомнение: мутоновая шубка, такая же шапка, меховые сапожки... Хотя в деревне нынче одеваются не хуже, чем в городе. И все же что-то отличало ее от сельской жительницы. Но он не стал выяснять, кто она. Сказал с улыбкой:

— Значит, коллеги. Мы, геологи, тоже в земле возимся. Давайте знакомиться. Меня зовут Эдуардом. Если учитывать отгуленную для солидности бороду, можете величать Эдуардом Петровичем. — Он решил воспользоваться перекозовскими данными: ведь его вряд ли будут искать, как остальную троицу из пропавшего вертолета.

— А меня — просто Лена, — протянула ему руку девушка.

— Вот и отлично. Теперь можно приступать к трапезе. У меня с утра маковой росинки во рту не было. — Он достал из рюкзака хлеб, бутылку шампанского, жаренную еще в землянке медвежатину, сало, яблоки.

У девушки, кроме колбасы и консервов, ничего не было.

— Извините, я приезжала в Березовое по делам, и там у меня ни родных, ни знакомых.

— Да что вы. Хватит нам еды до самого Владивостока. Кстати, вам далеко ехать?

— До Хабаровска. Я оттуда. Бывали там?

— Приходилось. Пожалуй, один из лучших городов Дальнего Востока...

Иванкин нарезал закуски, открыл бутылку шампанского. Лена принесла от проводницы стаканы.

Выпили за знакомство, за приближающийся Новый

год. Лена захмелела, ее лицо раскраснелось и стало симпатичнее; настроение поднялось, и она разоткровенничалась:

— Вы простите меня: о своей профессии я сказала неправду. Как-то сорвалось. Я торговый работник. Нашего брата здесь не особенно уважают...

Валентин невольно усмехнулся — везет же ему на торговых работников: Антонина была директором магазина, и эта пигалица...

— Вот видите, и вы ухмыляетесь.

— Да нет, я по другому поводу. Просто вспомнил один человек, кстати, тоже торговый работник. — Мелькнувший в воображении образ Антонины больно отозвался в глубине души, и он тоже разоткровенничался: — Мое отношение к торговым работникам, наоборот, совсем другое: женщина, которую я любил, была директором магазина.

— Где же она теперь?

Он помолчал: стоит ли рассказывать? Хотя какая это тайна.

— К сожалению, недалеко отсюда и, к сожалению, в недоступном для меня месте.

— Вот даже как. — Лицо девушки вдруг погрустнело. — В исправительно-трудовой колонии?

— Как вы догадались? — поразился Валентин.

— Удел многих моих коллег. Я тоже еду из заключения. Почти два года отсидела. Вернее, отработала. Освободили досрочно за хорошее поведение и отличную работу.

— За что же вас?

— За то, за что нынче поощряют: приняла левый товар от частного лица, чтобы продать через магазин. Между прочим, отличное ювелирное изделие и недорогое: старый еврей поставлял нам украшения, и мы, можно сказать, жили за счет них. Директрисе дали пять лет, мне два.

— А еврею?

— Его мы не выдали, сказали, что товар привезен из Чечни.

— Лихие девочки. Что ж вы, откупиться не могли?

— Если б могли... Я всего второй год товароведом работала после техникума. Да и у директрисы ничего не было: нас грабили кому не лень — и руководство, и рэкетеры, и милиция. Кому-то недодали, вот нас и заложили.

— Чем же вы в колонии занимались?

— О-о, — рассмеялась девушка. — Там у нас была отменная работа: на овощных полях из нас, городских дур, целомудренных крестьянок делали.

— И получилось?

— Не у всех. Но теперь я знаю, когда и как сажают картошку, когда полют, окучивают, когда убирают. Как солят огурцы и капусту. В общем, теперь и в тайге не пропаду.

— А куда же теперь?

— Туда же, в Хабаровск. Там новая директриса, знает меня и обещает взять на работу. Конечно, не товароведом — продавцом, но мне некуда больше податься. К тому же и прежняя хозяйка берет на постой. У нее не хоромы, но отдельная комнатка для меня имеется.

Валентина покорила искренность девушки, было жаль ее и хотелось как-то помочь. Но как, чем, когда он сам в подвешенном состоянии? Он взял ее за руку, привлек к себе скорее по-братски. Она не отстранилась, доверчиво прижалась, и губы их неожиданно встретились.

Утром она несмело предложила:

— Если хочешь, Новый год можем встретить вместе. Он согласился, и они сошли в Хабаровске.

16.

Щербаков снова вызвал Русанова в Комсомольск-на-Амуре. Он только что вернулся из Москвы и был в плохом настроении. Да и понятно — разговор там состоялся не из приятных: три месяца ведут они расследование, а достигли немногого. Точнее, слишком многого, как в той посылке: чем дальше в лес, тем больше дров. Вот и они в такие дебри забрались, что трудно из них выпутаться. Золотой песочек такое высветил, что глаза на лоб лезут. Фриднин оказался не только снабженцем изыскательских партий — все коммерческие, малые и совместные предприятия были в его руках. Он заправлял рыболовецким и торговым флотом. Поставками леса в Японию и Корею. Даже целлюлозно-бумажный комбинат на Сахалине сплавлял через него свою продукцию в зарубежье. Страна испытывала голод на бумагу, расплачивалась за нее с Финляндией золотом, а господин Фриднин спускал ее за гроши; зато снабжал новоявленных бизнесменов и руководителей края “Тойотами”. То же происходило и с другими товарами — все шло за полцены; на этом крепко наживались японские и корейские дельцы; наши тоже старались не отставать — драли со своих соотечественников за импортные погремушки по три шкуры. Дальневосточный и Приморский края оказались повязаны мафией и коррупцией, да такой спаянной и сплоченной, что сицилийской мафии и не снилось. Когда убили председателя золотопромышленного акционерного общества, на прииске из шестидесяти человек оставалось двадцать. Установить, кто и где был в момент убийства, казалось, не составляло большого труда, но следователей поразило единение золотодобытчиков, их молчаливое укрывательство того, что творилось у них на глазах, и добиться правдивых показаний, как Щербаков и его помощники ни старались, не удалось. Все твердили одно: “Не знаю, не видел, не слышал”.

— Но это все мелочи, — с грустью откровенничал Щербаков, — без их показаний ясно, где собака зарыта. Главное в другом: в Москве то ли не поняли меня, то ли не захотели понять. Говорят, не лезьте в международные сферы, там есть кому отвечать, да и бизнесмены, мол, учатся еще торговать. “Учатся жульничать, обманывать государство, — возражаю. — Они же на одних налогах объегают всех на миллиарды”. — “Твое дело — искать преступников, — твердят мне. — А вы там каких-то зачуханных воришек поймать не можете”. Короче — занимайтесь мелкой шпаной. А ведь это — что обрезать с дерева надломленные ветки, чтоб крона гуще разрасталась.

Щербаков долго молчал, затягиваясь сигаретой. Потом продолжал размышлять вслух:

— Фриднин, конечно, крупная фигура, но далеко не крестный отец. Один он так здесь не развернулся бы. Кто-то крепко управляет им из Первопрестольной, к такому выводу я прихожу. И очень уж хочется выяснить кто.

Он со злостью раздавил окуроч в пепельнице.

— Вот что, Анатолий Иванович, бери-ка помощника из угрозыска и завтра вылетай к месту вынужденной посадки вертолета Иванкина. Нашли его на опушке тайги. Там уже побывали подручные Кувалдина, некто Сидоркин и Хадживат с собакой. Мы, разумеется, задержали их охранников и допросили. И вот что выяснилось. На вертолете золота, как и следовало ожидать, не оказалось. В семи километрах от места посадки вертолета Сидоркин с Хадживатом наткнулись на землянку. В ней кто-то недавно жил, один человек или два, они установить не смогли. Предполагают, что двое — летчик Иванкин и прокурор Перекосов. Швендик, по кличке Чукча, со слов Кукушкина, якобы убит Иванкиным. Значит, в живых из этой компании остались трое. Поскольку Кукушкин уже под наблюдением, надо искать Иванкина и Перекосова. Кстати, о Перекосове. Отзывы о нем не очень-то лестные: самолюбив, тщеславен, мелочен и жаден. Поэтому я не удивлюсь, если на его руках окажется золотая пыльца. О летчике ты знаешь лучше меня... Осмотрите повнимательнее вертолет и убедитесь, действительно ли убит Швендик. Кукушкин или Сидоркин могли просто дезинформировать нас, чтобы направить по ложному следу. И землянку осмотрите повнимательнее.

Рано утром вертолет с двумя сыскарями, Сидоркиным с собакой и тремя авиаспециалистами вылетел к месту вынужденной посадки. Вел вертолет сам командир отряда капитан Звягинцев. Авиаспециалистов он взял, чтобы на месте определить возможные неисправности машины Иванкина. Он очень обрадовался, когда узнал, что она цела и летчик жив. А на вопрос, мог ли Иванкин скрыться, прихватив золото, только замахал руками:

— Да вы что? Чокнутый мог бы покуситься, а Валентин умный мужик. Да и зачем ему на свою голову искать приключений? Он настоящий летчик и ни на что не променял бы свою профессию. Он даже не спросил, когда я брал его на работу, сколько будут платить...

Анатолий тоже так думал, но факты, улики говорили о другом: зачем Иванкин заранее готовил охотничье снаряжение и держал его в вертолете? Почему согласился лететь в непогоду? Зачем произвел посадку вдалеке от назначенного места? Почему застрелил Чукчу, но отпустил Кукушкина? Вопросы набиралось слишком много.

Сидоркин хорошо разбирался в топографии, и указанная им точка на карте соответствовала действительному месту вынужденной посадки вертолета Иванкина.

Анатолий, осмотрев кроны елей, под которыми укрылся Ми-2, мысленно записал еще один вопрос: кто приказал затащить сюда вертолет? Если Чукча, все становится ясным. А если Валентин все это сделал сам? Ответ можно получить лишь от Кукушкина. Тогда, возможно, прояснится, почему Иванкин пошел на крайнюю меру...

Собака Сидоркина быстро нашла свежий холмик под осиной: хозяин с Хадживатом искали здесь золото...

Труп был заколоченный и еще не начал разлагаться, так что установить личность Чукчи не составляло никакого труда. В теле было три раны: пули попали в живот и в грудь. Убийца и убитый стояли лицом друг к другу...

Кто же из них первый поднял пистолет? И почему?..

То, что в вертолете не оказалось аккумулятора и радиоприемника, подтверждало версию, что в землянке жил Валентин. Один ли?..

Погожие морозные и ветреные дни довольно плотно спрессовали снежный покров, но кое-где Русанову удалось отыскать следы унтов и лыж. У землянки следы унтов были только одного размера. И аккумулятор с радиоприемником являлись прямым доказательством того, что в землянке жил Валентин. И жил не один день, даже не одну неделю.

Куда же девалось золото? Ни около вертолета, ни в землянке найти его не удалось. И куда ушел Валентин? Следы его (от лыж и санок) пропадали на льду речки. И куда подевался Перекосов?

В Комсомольске-на-Амуре Анатолия ждало радостное сообщение: золото с прииска "Рыжевое" обнаружено в Хабаровске, точнее, изделие из него: медальон с изображением Нефертити.

— Изделие тончайшей работы, трудно отличить от фабричной, — рассказывал Щербаков. — Мастер — хабаровчанин, известный старый ювелир, Семен Яковлевич Глузберг. Установлено, что он с ноября из Хабаровска никуда не выезжал. Есть предположение, что золото ему продал либо Иванкин, либо Перекосов. Так что давай, Анатолий Иванович, мчись туда. Боюсь, как бы тебя Кувалдин с Кукушкиным не опередили: разведка у них поставлена на государственном уровне.

И как в воду глядел полковник! Когда Анатолий сдвинулся в поезд, его нашел один из помощников, с которым летал на место вынужденной посадки вертолета, и сообщил, что Кувалдин и Кукушкин ускользнули из-под наблюдения.

17.

Валентин не ожидал, что ему так здорово повезет.

Лена, как и обещала, поселилась у одинокой старушки, культурной и опрятной, бывшей учительницы, заботливо, можно даже сказать, с любовью относившейся к квартирантке. Понятливо встретила она и появление у девушки спутника: не докучала вопросами. И Новый год они втроем встретили весело, по-домашнему, с шампанским и хорошей закуской, на которую Валентин не поскупился. В его карманах вместе с прокурорскими оказалась кругленькая сумма, которой, как он рассчитывал, должно было хватить месяца на три. По крайней мере, до той поры, пока он не найдет покупателя на золото.

Но деньги потекли как песок сквозь пальцы: надо было приобрести костюм, пальто, туфли, платье Лене (его подарок к Новому году). В общем, через месяц он оказался на мели и вынужден был поторопиться со сбытом драгметалла.

Помогла Лена. Тот самый ювелир, из-за которого она угодила в зону, оказался на свободе и теперь открыто занимался изготовлением всяческих ювелирных украшений. Дело, по словам Лены, было поставлено у него на широкую ногу — работал с помощником, молодым талантливым художником, и магазин заказывал ему серьги, медальоны, кулоны целыми партиями.

Семен Яковлевич Глузберг, внимательно осмотрев самородки, испытующе глянул в глаза Валентину.

— Давненько не попадалось мне такое рыжевое. — Он пересыпал песок с ладони на ладонь, взял лупу. — Не скажу, что очень ходовое, но у него есть другое досто-

инство — более легкое в обработке. И сколько вы хотите мне предложить, молодой человек?

Он назвал золото рыжевоем. Таков воровской жаргон. Значит, принял Иванкина за вора. Впрочем, по не изъеденным холодной водой и острыми породами рукам нетрудно догадаться, что перед вами не золотодобытчик. А раз ювелир не спросил, откуда оно у него, а заинтересовался, сколько может предложить "молодой человек", значит, дает понять, что это его меньше всего волнует и он не станет распространяться, где купил и у кого.

— Все зависит от того, сколько вы заплатите. Я не хозяин золота, только посредник, — пояснил Валентин.

Глузберг пропустил объяснение мимо ушей.

— Такса у меня одна: шесть долларов.

Валентин с усмешкой покрутил головой:

— Грабеж среди белого дня, уважаемый Семен Яковлевич. Это в два раза меньше номинальной стоимости.

— А что поделаешь? — пожал плечами ювелир. — За риск тоже приходится платить. Я не спрашиваю: кто вы? откуда золото? А у меня могут спросить. Потому приходится отстегивать немалые суммы моим ангелам-хранителям.

О том, какой опасности подвергаются нынешние миллионеры, Валентин хорошо знал: об этом чуть ли не ежедневно передавали по радио, телевидению, писали в газетах. Их убивали, брали в заложники, терроризировали ближайших родственников. Было непонятно, зачем этому старому, безбедно доживающему свой век еврею острые ощущения? Хотя... Жадность — одна из разновидностей азарта: у человека развивается волчий инстинкт — еще, еще, еще. Как бы волки ни были сыты, они будут резать стадо до тех пор, пока не останется ни одной живой овцы или им кто-то не помешает. Так и алчные люди. Один из них сидел перед Валентином — дряблый, седой, с выцветшими от времени и кропотливой, требующей именно ювелирной тонкости работы глазами, в которых лазерными точечками горели огоньки вождения. Старый азартный игрок.

В приемной, рядом с секретаршей развалился мужчина лет двадцати пяти, этакий амбал с центнер весом, с крутой боксерской шеей и пудовыми кулаками. А в соседней комнате наверняка дежурят еще два-три охранника.

Иванкин старался ничем не показать, что он профан в "золотом бизнесе". Потому не торопился пойти на приглашение, хотя другого выхода у него не было.

— Жаль, я думал мы сговоримся, — сказал он как можно равнодушнее и сделал вид, что собирается уходить.

— А сколько же вы хотите? — На лбу и морщинках под глазами ювелира заблестели капельки пота. Нет, он не собирался так запросто отпустить нового, скорее всего выгодного поставщика.

— Я посредник, — еще раз повторил Валентин, — и не люблю торговаться. Потому предложу вам минимум, на который меня уполномочили, — десять долларов; при одном условии: один процент мне лично за посредничество.

Валентин наблюдал за лицом ювелира, с тревогой ожидая увидеть на нем утрату заинтересованности, но Семен Яковлевич вдруг усмехнулся и спросил, переходя на "ты":

— И давно ты занимаешься посредничеством?

— Не очень. Но профессия тоже рискованная. А я люблю риск.

— Тогда мы найдем общий язык, — рассмеялся ювелир. — Хочешь чаю, кофе?

— С удовольствием выпью кофейку. На улице чертовски холодно.

Семен Яковлевич нажал на кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Света, организуй нам по чашечке бразильского. С коньячком.

За кофе Семен Яковлевич и вовсе заговорил с Валентином как со старым знакомым, показал изделия, пожаловался на свои годы: “Вот если бы вернуть назад лет двадцать, Глужберг не прокисал бы в этом Богом забытом Хабаровске”.

— А мне город нравится, — возразил Валентин — Чистый, по-своему красивый.

— А мороз, ветры?! — воскликнул ювелир. — Да и где ты еще успел побывать, молодой человек, чтобы восторгаться этой ординарностью? Ты видел Одессу в конце пятидесятых, весной, когда цветут каштаны, сирень, абрикосы? — И махнул отрицательно рукой. — Ты еще, наверное, под стол пешком ходил. Вот это был город, я тебе скажу! Вот это была красота! Бедный Семен, зачем ты родился ювелиром?! Нет, зачем ты родился евреем? Скажи, почему нас так не любят? Разве мы кому-то делаем худо? А то, что мы умеем жить... Вот ты, наверное, подумал, зачем старому еврею золото, не пора ли ему о душе подумать? Пора. Я не раз думал. И вот к какому выводу пришел: не будь мы, евреи, талантливы, так трудолюбивы, наша нация давно бы исчезла с лица земли. Мы нужны вам, русским, мы нужны американцам — благодаря нам Америка стала процветающей и самой великой державой, мы нужны были даже немецким фашистам.

Ему было за семьдесят, но коньяк и кофе он пил наравне с Валентином и не пьянел, голова его не туманилась, мысли он излагал четко и ясно. И расстались они по-приятельски. Семен Яковлевич похлопал Валентина по плечу, пожелал ему успехов и чтобы почаще навещал своего нового знакомого, ювелира

Валентин уходил довольный собой и результатом визита: в его кармане вместо ста граммов золота лежали вполне приличные деньги. Теперь можно было спокойно обдумать сложившуюся ситуацию и дальнейшее свое поведение. Хотя Лена ни на секунду не усомнилась в его профессии и что зима у геологов отпускная пора (а Лена, похоже, всерьез заинтересовала его), надо было искать выход из тупиковой ситуации, в которую он попал по собственной глупости и с помощью Фридриха и его сообщников. С главным документом — паспортом — он кое-что придумал, не гениально, конечно, но лучше, чем хотел поначалу — воспользоваться удостоверением Перековского. Исправил в своем паспорте фамилию Иванкин на Шванков. Сделать это оказалось не столь трудно: добавил к “И” еще одну палочку с крючком, а “и” и “н” на конце подправил на “о” и “в”. Получилось — Шванков. Оставалось переклеить фотографию: борода и усы здорово изменили его внешность — состарили лет на десять и сделали солиднее, представительнее и впрямь чем-то похожим на царя Николая II. Но идти в фотоателье, он сердцем чувствовал, опасно: ни один сыщик не обходит эти заведения при розыске того или иного человека. Теперь он купит фотоаппарат, сфотографирует Лену, а Лена его... Выдавить буквы на фотокарточке — дело техники. В дальнейшем о новом паспорте можно будет погово-

ворить с Семеном Яковлевичем — ювелир должен иметь связи.

Удостоверение Перековского он уничтожил — прокурора будут разыскивать так же, как Швендика и Кукушкина. О причастности летчика к похищению золота вряд ли у кого возникнет подозрение. Не наткнулся бы Кукушкин на каких-либо промысловиков. Хотя вряд ли. В это время года в тайге жизнь замирает. Хороший хозяин собаку не выпустит со двора. Выжить у Кукушки один шанс из ста...

И еще одна проблема: держать почти семь килограммов золота в “дипломате”, хоть и с кодовым замком, с уверенностью, что ни Лена, ни тем более хозяйка не станут рыться в его вещах, все равно неразумно. Надо оставить два килограмма при себе, а остальное надежно спрятать вне квартиры.

Чердак пятиэтажки, где проживали учительница с Леной, был закрыт на большущий замок. Валентин подобрал к нему ключ, но, побывав там, убедился, что место ненадежное: из другого подъезда на чердак частенько наведываются пацаны: покуривают, играют в карты, а школьники постарше распивают вино и щупают девчонки.

Дом стоял на берегу Амура, и в погожие дни, чтобы как-то скоротать время, пока Лена на работе, Валентин отправлялся на левый берег реки, на островки, заросшие ивняком. Бродил часами, вспоминая прошлое, думая о будущем. Как жить дальше, что делать? Лена все больше нравилась ему добрым, отзывчивым характером, заботливостью. Пусть не красавица, но миловидна и с изюминкой: красиво очерченные губы, чуть вздернутый носик, умные серые глаза. И фигура изящная, стройная, гибкая, еще не испорченная ни родами, ни тяжелым физическим трудом.

Ему не хотелось расставаться с ней, но кончался февраль, последний месяц зимы, врать дальше про геологию несерьезно, да и не сможет он. Раскрыть же себя и вовсе влепо.

Куда податься? На Черноморское побережье, где в пору военной юности любил отдыхать? Теперь там неспокойно, на Кавказе война, Крым стал украинским. И слежка там — усиленная...

В один из воскресных дней он пригласил Лену на левобережье. Просто покататься на лыжах. Миновав дачные поселки, они вошли в лес, и Валентин обратил внимание на вековой вяз с довольно широким дуплом, расположенным метрах в трех от земли. Лучшего тайника, прикинул он, не найти.

18.

Кувалдин заметил слежку из соседнего дома уже под вечер, когда закатное солнце, отражаясь от оконного стекла, осветило две линзы, нацеленные прямо к нему в комнату, как два автоматных ствола. Холодок пробежал у него по спине. Значит, выследили! Как давно? Почему из местного угрозыска не предупредили — там свой человек? Или ими занимается краевой или даже московский сыск?.. Какая разница, надо уносить ноги. Кукушка, как назло, где-то задерживается. Хотя днем все равно не уйти. Неужто все их труды, мытарства, лишения пойдут прахом?! А столько было надежд,

таким сладким казалось близкое будущее в довольстве и спокойствии... Конечно, можно плюнуть на это золотишко — кое-что он сумел припасти еще раньше, — но вертолет с золотом не его идея. А за реализацию плана он имел бы десять процентов... Если бы не эти десять процентов, он, пожалуй, рискнул бы выскользнуть из лап Фридриха. Но это будет уже не та жизнь, о которой он мечтал... Нет, золото упускать нельзя, и слезка — не новинка для него, бывали сети и попрочнее, а он ухаживал. Уж такую выбрал себе судьбу.

А началось все лет пятнадцать назад, когда Кувалдин после окончания института физической культуры приехал в Комсомольск-на-Амуре по распределению спортивным организатором Дома молодежи. За год он создал крепкие команды боксеров, самбистов, каратистов. Приблизил к себе самых способных, самых сильных, самых ловких — всего пять таких же дюжих, как и сам, отчаянных парней. Он еще не осознавал, для какой цели, — в нем, видимо, рождался другой человек, которому уже были тесны рамки учебных программ, надоели однообразные поединки, ничего не дающие, кроме минутного удовлетворения тщеславия; ему хотелось более острых ощущений, настоящих опасностей, риска, смертельных схваток.

Летом он подбил своих ребят отправиться на лодке вниз по Амуре до Николаевска — полюбоваться природой, порыбачить, позагорать. Он словно чувствовал, какое впереди их ждет искушение, проверка на выдержку, на смелость, на умение держать язык за зубами.

На третий день пути они свернули в одну из протоков, чтобы порыбачить, переночевать на берегу у костра. Выбрали красивое место на березовой опушке, тихое, первозданное, с морем огненно-ярких цветов — сиреневых астр, оранжевых саранок, бордовых крокодилов, белых и желтых ромашек, над которыми кружились стаи разноцветных бабочек, крупных, чуть ли не с воробья.

Подыскивая удобное место, увидели на противоположном берегу троих бородатых мужиков, а внизу, на заломе, разбитую лодку.

Бородачи замахали руками, призывая на помощь. Кувалдин повернул к ним.

Потерпевшими аварию оказались рыбаки, возвращаясь с уловом домой. На радостях они выпили как следует, и рулевой не справился с управлением, угодил на залом. Никто серьезно не пострадал, кроме Федьки, как называли мужчины самого молодого, которому было не менее сорока, вылетевшего из лодки и ударившегося ногой о корягу. Он сильно прихрамывал, но старался держаться бодро и шутить, хотя временами стискивал зубы от боли. Удалось им спасти и свою добычу — рыбу, которую они коптили и вялили на месте лова.

Доставить всех троих в Нижнетамбовское, откуда были рыбаки, Кувалдин не мог и не хотел: надо оставлять троих своих ребят на берегу не менее чем на сутки, потом искать бензин — тоже лишние хлопоты, — и он предложил рыбакам подождать на противоположном берегу оазиса — лодок и катеров в это время по рекам бороздило немало. На том и порешили.

Помогая потерпевшим погрузить рюкзаки в лодку, Кувалдин обратил внимание на их тяжесть — даже сырая рыба столько бы не весила. И у него мелькнула догадка — золото. Да и неопрятный вид мужчин, их пропахшая потом и болотом, а не рыбой, одежда говорили о том, что они не одну неделю провели в тайге.

Ночью, еще подпоив “рыбаков” и дождавшись, когда те уснут, Кувалдин тщательно прощупал один рюкзак и убедился — рыба в нем только для видимости, остальное — камешки, песочек. Для верности вспорол ножом рюкзак. У костра рассмотрел — золотые самородки, разбудил своих напарников, объяснил суть дела. Спросил:

— Что будем делать?

Ребятки спросонья и похмелья никак не могли взять в толк, чего хочет инструктор.

— Ну и хрен с ними, пусть остаются со своим золотом, мы им не помощники, — категорически заявил каратист. — Утром смываемся отсюда.

— Плохо соображаешь, Колюня, — пожурил воспитанника Кувалдин. — Это ж такое богатство. А они все равно пропьют.

— Правильно! — сообразил наконец другой ученик, Павел. — Давайте умыкнем это золото и смоемся.

— Не пойдет, — не одобрил такое решение Кувалдин. — Это старатели. Они нас запомнили, и милиция найдет в два счета.

Парни со страхом уставились на него, догадавшись к чему он клонит.

— Чтобы красиво жить, надо много иметь. А чтобы много иметь, надо много рисковать, — пояснил свою мысль Кувалдин. — Решайте.

Колюня затрепетал.

— Я не могу, духу не хватит.

— А зачем же тогда тебе самбо? Перед девочками красоваться? Тогда надо было идти в секцию культуристов. А ты, Павел? — повернулся Кувалдин ко второму ученику.

— Боязно первый раз, конечно, — признался тот. — Но игра, по-моему, стоит свеч.

Поколебавшись еще немного, согласился и Колюня.

Это было первое мокрое дело. Кувалдин видел, как переживают ученики, и у него на душе было мучительно, мерзко, потому останавливались чаще, чем намечали, и пили больше, чем раньше позволял инструктор.

Время, говорят, лечит любые раны. Месячное плавание притупило сознание, выветрило первые глупые эмоции, а через полгода молодые убийцы уже с улыбкой вспоминали “жмуриков”...

Потом были новые походы в тайгу, новые приключения со старателями, искателями женьшеня.

На четвертом году работы во Дворце молодежи Колюня, тот самый, который говорил, что у него духу не хватит убить человека, решил в одиночку заняться рэкетом. И попался. Вскрылись кое-какие более ранние дела, числящиеся за ним и за группой. Состоялся шумный процесс. Вся группа “спортсменов” загремела за решетку. Кувалдин получил “пятак” и, выйдя из заключения, вынужден был скитаться с охотниками за женьшенем и золотодобытчиками по тайге, пока Фридрих не пристроил его охранником на прииск. В свободное от службы время Кувалдин стал обучать своих коллег приемам самбо и каратэ, чем завоевывал симпатию президента ассоциации, и через год его назначили старшим охранником, а через два — начальником охраны.

Похищение крупной партии золота было задумано Фридрихом еще в прошлом году, но удобный момент настал только в этом, и на тщательную подготовку ушел не один месяц...

Не везет ему в последнее время. Видно, переоценил свои способности, прежние успехи притупили

бдительность. Так обмшуриться с летчиком! И Семен Семеныч тоже хорош: "Наш парень! Уволен из военной авиации — то ли жена, то ли любовница в лагере". Вот тебе и наш! Объегорил всех, один шестьдесят килограммов захапал... Нет, его надо достать! И Кувалдин это сделает.

Кукушкин явился, уже когда стемнело, веселый, улыбающийся, возбужденный — видно, крепко поддал. Достал из "дипломата" бутылку водки, колбасу, хлеб.

— Танцуй, начальник, хорошую новость принес: объявилось наше золотишко. И знаешь где? — Не дожидаясь ответа, продолжал балагурить: — Никогда не догадаешься. — Повернулся, увидел злые глаза Кувалдина и ответил погасшим тоном: — В Хабаровске.

— В Хабаровске? — удивился Кувалдин. — Вот не думал, что черт его дернет туда укатить. Семен Семеныч уверял — нет у него там никого.

— Может, и нет, — кивнул Кукушкин. — Может, и не донес летун золотишко: ныне по тайге и кроме нас много разного люда шастает. Нам какая разница. Главное — быжевьё вернуть.

— Разница большая. Мог тот завладеть, к кому и не подступишься.

— Подступимся, — уверенно хмыкнул Кукушкин. — Крупнее Семеныча в наших краях хищников не водится. Так что пить будем, гулять будем, а завтра рванем в Хабаровск.

— Теперь я порадую тебя новостью, — не принял и на этот раз шутку Кувалдин. — Нас выследили. И пить мы не будем. В Хабаровск рванем не завтра, а сегодня...

Выпить они все же рискнули, неплотно задержав занавески: пусть подглядывают и думают, что в эту ночь постояльцы никуда уходить не собираются, коль сели кутить. Разыгрывали сцену как в театре. Пили, спорили, обнимались. Потом разделись до трусов, выключили свет. Даже полежали с полчаса.

Оделась по-солдатски, быстро и бесшумно. Дом, в котором их приютил старый знакомый, давно отошедший от дел из-за возраста, располагался на краю города. Окна были двойные, утеплены поролоновыми прокладками и обклеены бумажными лентами. Одни выходили к соседу, откуда и велось наблюдение, вторые — во двор с сараюшкой, где хранились дрова и уголь.

Кувалдин тихонько, чтоб не разбудить хозяина, выставлял фрамугу, открыл вторую и бесшумно выбрался наружу. За ним вылез и Кукушкин. Закрыли окно и, минув сараюшку, по огороду пробрались в соседский двор, а оттуда на улицу.

Ночь выдалась тихая, звездная, с небольшим морозцем. Снега в этом году выпало мало, и он уже растаял, так что под ногами не хрустело — лишь слышались торопливые шаги двух запоздалых путников.

— Теперь надо ловить машину, — сказал Кувалдин.

— Поздновато, — осторожно высказал мнение Кукушкин, боясь рассердить начальника.

— Значит, придется угонять. На вокзал нам ходу нет, сразу засекут.

"Как пить дать", — мысленно согласился Кукушкин.

Они шли к центру города. На улице Пушкина, недалеко от штаба авиадивизии, их догнал газик. Кувалдин поднял руку, и водитель, молоденький солдат, резко затормозил.

— Подбрось, сынок, на Северную, мы хорошо заплатим, — попросил начальник охраны. Солдат в нерешительности раздумывал.

— А где это? Я осеннего призыва и еще плохо знаю город.

— Мы покажем, здесь недалеко, — и Кувалдин, открыв дверцу, полез на заднее сиденье.

— Держи прямо и на первом перекрестке сворачивай направо, — усаживаясь рядом с водителем, скомандовал Кукушкин, не веря еще в подвернувшееся счастье. Сразу же встал вопрос: а что делать дальше, когда выедут на северную окраину города? За город солдатик не рискнет ехать. Убить? В душе Кукушкина впервые шевельнулась жалость: совсем еще пацан и с добрым, доверчивым сердцем.

— Ты откуда родом? — поинтересовался он.

— Тутошний я, из Находки, — весело ответил солдат.

— Это хорошо: и родственники навещают, и сам, наверное, иногда заскакиваешь домой.

— Бывает. Командир мне классный попался. А ко мне только маманя один раз навевывалась. Работает. А отец в море...

Паренек забеспокоился раньше, чем предполагал Кукушкин.

— Командир велел позвонить мне, как поставлю машину в гараж. Вы же говорили "недалеко".

— Сейчас, сейчас, еще немного, — ответил Кувалдин, но в голосе его уже звучали грозные нотки. Немного помолчал и продолжил требовательно: — И командир твой перебьется, небось невелика шишка.

— Полковник. Начальник штаба. Завтра надо рано утром за ним ехать.

Впереди показалась окраина. Дома здесь были одноэтажные, частные и ни одного огонька. Солдат затормозил, остановил машину.

— Вы что, заблудились? — Он еще не понял трагичности своего положения.

— Не заблудились. Ты отвезешь нас в Сибирцево.

— Да вы что! — возмутился солдат. — Не могу я. Да и бензина туда не хватит.

— Хватит. Вон у тебя еще полбака, — указал на бензиномер Кувалдин. — А туда не больше сотни. И не ерпенься, парень, а то хуже будет. — Он приставил к его горлу нож. — Поехали.

— Дяденьки, отпустите! — затрепетал паренек. — Мне ж нельзя.

— Цыц! — прикрикнул Кувалдин, нажимая острием на горло. — Включай скорость, а то быстро в царствие небесное отправлю.

Солдатик трясущимися руками дернул рычаг переключения передач, и газик, словно подхлестнутая кнутом лошадь, рывками стал набирать скорость.

К узловой станции Сибирцево они подъехали в третьем часу. Вечерний поезд из Владивостока уже прошел, а утренний придет только в одиннадцать сорок. Долгонько придется ждать на морозе — знакомых здесь ни у Кувалдина, ни у Кукушкина не было, а в вокзал лучше не соваться — могут засечь.

— Поворачивай назад, — приказал солдатику Кувалдин.

Тот безропотно повиновался.

— И теперь не гони, езжай потише...

Кукушкин понял замысел начальника — свернуть на проселочную дорогу, чтобы машину как можно дольше не могли обнаружить.

Так и получилось: примерно в километре от городка Кувалдин, увидев поворот направо, велел солдату повернуть туда. Грунтовка, разбитая грузовиками, по бо-

кам которой росли тополя и вязы, вела неизвестно куда. Выбрав место поровнее, Кувалдин дал команду остановиться. Достал из "дипломата" недопитую бутылку водки, протянул парню:

— Пей.

— Да вы что, — заблажил солдат, — я непьющий!

— Непьющих, как сказал великий актер, не бывает, — насмешливо оборвал его Кувалдин и снова приблизил к горлу нож. — Ну!

Кувалдин взял опорожненную бутылку и выбросил, приоткрыв дверцу. Закурил. Затянулся несколько раз с наслаждением и вдруг, обхватив шею парня руками, стал давить. Тот задергался, захрипел и вскоре затих.

— Заканчивай, — сказал Кукушкину, вылезая из машины. — Вон в то дерево левым бортом. Да не бойся, посильнее. Даже если загорится, не беда...

В Хабаровск добрались поздно вечером. Здесь у них имелась явочная квартира.

Разыскать похитителя золота, зная ювелира, для Кувалдина и Кукушкина было делом несложным. Прежде всего надо поговорить "по душам" с Глузбергом. А вот подобраться к старому еврею оказалось непросто: и офис, и квартира охранялись лихими парнями, хорошо вооруженными и защищенными современной сигнализацией. Оставался один путь — перехватить, когда будет ехать домой или по делам.

Утром за завтраком они услышали сообщение по местному радио, что ночью при возвращении домой из ресторана убит известный в городе бизнесмен Сидоров, что городская прокуратура и милиция ведут поиск убийц, скрывшихся на двух иномарках черного цвета.

— Вот так пироги! — поставил на стол недопитую чашку кофе Кукушкин. — Придется отложить операцию.

Кувалдин не ответил. Молча закончил завтрак и повеселел, что редко с ним бывало.

— Надо смотреть в корень, Кукушка, — сказал назидательно. — Одевайся.

Из телефона-автомата он позвонил в муниципальную милицию своему знакомцу. Тот как раз находился на утренней планерке. Договорились встретиться у центрального универмага.

— Хочешь заработать? — с ходу спросил милицкого лейтенанта Кувалдин.

— Смотря какая работа, — усмехнулся тот.

— Не пыльная и, главное, без всяких правонарушений: надо задержать одного жида-ювелира, кое-что выяснить у него. В свой офис на Серышева он ездит к одиннадцати. У него телохранитель. Наверняка и шофер вооружен. Так что придется взять помощников. Им тоже заплатим. Телохранители нам не нужны, а с ювелиром надо потолковать. Вы берете его у перекрестка на Калинина, передаете нам на Комсомольском.

— А помноголюдней улицу не нашел? Тоже мне стратег! Готовь "штуку" — и жиденка твой. Заберешь его на стадионе, у бассейна. Только чтоб без шума и пыли, как говорил великий Папанов...

Глузберг, когда его вывели из милицеской машины, еле держался на ногах; лицо было бледное, руки тряслись, а глаза бегали. Он что-то пытался сказать и не мог. А вид штатских громил и вовсе привел его в шоковое состояние.

— Он, кажется, в штаны наложил, — сказал с усмешкой лейтенант. — Желаю успехов. — Сел в машину и укатил.

Кувалдин открыл дверцу "Жигулей", взятых у знакомого, пригласил Глузберга:

— Садитесь. И перестаньте трястись. Вам ничто не угрожает, если ответите честно на наши вопросы. Мы из Федеральной службы безопасности.

Глузберг с большим трудом втиснул свое грузное, дряблое тело на заднее сиденье, безвольно подчиняясь приказу и вряд ли улавливая смысл сказанного. Губы все еще беззвучно шевелились, а из горла вместо слов вырывался лишь хрип.

Кувалдин сел с ним рядом, достал из кармана золотой медальон, протянул на ладони.

— Ваша работа, Семен Яковлевич?

Услышав свое имя, Глузберг будто очнулся, в глазах появилась осмысленность, и он, опережая прорезавшийся голос, закивал, потом хрипло промолвил:

— Да, моя.

— Вот и отлично. Хорошая работа, настоящего мастера. А теперь скажите, кто вам поставляет золото. В частности, вот это, из которого сделан медальон?

Глузберг нервно поерзал на сиденье, окончательно пришел в себя.

— Видите ли, я покупаю золото у разных людей. Зачастую они мне его приносят сами. Сейчас никому не прещается ни покупать, ни торговать. Это золото мне принес мужчина лет тридцати пяти — сорока, симпатичный, с окладистой бородкой и усами. По виду не промысловик, да он и сам признался — посредник. Я, разумеется, не стал допытываться, откуда золото, кто он, заплатил ему по шесть баксов за грамм, на том и расстались.

— И больше он к вам не заходил?

— Нет. Но придет, куда он денется. Если вы не спугнете.

— Когда он приходил?

— Около месяца назад, — пожевал по-старчески губами ювелир. — Ныне на полученное долго не проживешь. Так что скоро должен заявиться опять.

— А не врешь? Может, знаешь, кто он, где живет, а скрываешь? — вмешался в разговор Кукушкин.

— Какой резон мне врать? Я ничего противозаконного не сделал, а если он в чем-то замешан, пусть отвечает сам.

— Проверим, — строго предупредил Кувалдин. — Как он был одет?

— Не броско. Шапка из ондатры, серое полупальто с таким же воротником. Но выглядел вполне прилично: интеллигентный, по-военному подтянутый, немногословный.

— Он! — вырвалось радостное у Кукушкина. — И он точно обещал еще прийти?

— Точно не обещал. Но я ему хорошо заплатил, и вряд ли он станет искать другого покупателя. Да и не найдет.

— Хорошо. — Кувалдин подвел итог разговору. — Вас подбросить к офису или сами дойдете?

— Тут недалеко, — обрадовался Глузберг. — Лучше мне пройтись.

— Но запомните: о нашем разговоре никому ни слова, — строго предупредил Кувалдин.

— Разве я не понимаю, — закивал ювелир. — Хотите, я позвоню, когда он появится.

— Не надо... Скажите, вы поверили, что он посредник, а не хозяин золота?

— Конечно! Я ж забыл сказать вам существенную деталь: мы заключили с ним негласный договор — я накидываю ему еще один процент от сделки.

— Ну, это он мог запросить для пущей убедительности или просто от жадности.

— Возможно, — снова закивал Глузберг. — Но мне показалось...

— Посмотрим, — оборвал его Кувалдин. — Вы свободны. И скомандовал Кукушкину: — Поехали!

19.

Щербаков нашел Русанова в гостинице, где тот после встречи с оперативниками, сообщившими ему о странном похищении ювелира якобы работниками Федеральной службы безопасности, обдумывал, как сложилась ситуация и как поделкатнее выяснить в ФСБ подоплеку случившегося. Полковник выглядел более удрученным, чем после поездки в Москву, и хотя он слушал доклад подчиненного с вниманием, задал несколько вопросов, в глазах его не было прежнего интереса и азарта, каким он загорался при распутывании трудных дел.

— Судя по описанию ювелира и его телохранителей, на Кувалдина и Кукушкина работает кто-то из милиции, — горячо закончил доклад Русанов, желая расшевелить старшего следователя по особо важным делам. — Я пока решил воздержаться от ареста этих преступников, выявить все их связи. Да и на Иванкина они, возможно, выведут нас быстрее.

— На Фриднина работают не только в здешней милиции, — сказал Щербаков. — А вот Иванкина надо брать, пока тебя не опередили Кувалдин с Кукушкиным. У Фриднина служба расследования поставлена не хуже, чем у нас. Они тоже установили, где и когда летчик сел на поезд, с кем ехал. Проводница вагона сообщила и подробные приметы девушки, с которой он сошел в Хабаровске. Так что найти его особого труда не составит. А вот куда подевался прокурор Перекосов, ума не приложу. Создается впечатление, что они с Иванкиным заранее знали о плане похищения золота, возможно, попытались арестовать Швендика и Кукушкина, но те оказали сопротивление, вследствие чего один был убит, а второму удалось скрыться. Но почему в таком случае скрывается Иванкин и где Перекосов — загадка. Не мог ли бывший сослуживец позариться на золото и прихлопнуть прокурора?

Сколько раз Анатолий думал над этим и всегда приходил к одному и тому же ответу: не мог.

— Не мог! — вслух повторил он.

— А у меня складывается другое мнение. Если Иванкин понял, что разворовывают не только золото, растаскивают всю нашу страну — видели, что творится в крае? — почему и ему не воспользоваться случаем? — Щербаков достал сигарету, нервно закурил и с грустью продолжил: — Нет, не простые люди устроили в стране бардак. Их призыв брать суверенитета "столько, сколько можете" некоторые руководители восприняли как призыв к действию. Мол, можно теперь творить все что захочется. Законы не только обходят, их игнорируют, а нас, законников, ни в грош не ставят. Мы с тобой гоняемся за похитителями золота, а те, кто приказал им украсть, грозят нам сверху пальчиком: дальше запретной черты не лезьте! — Щербаков сокрушенно опустил голову, помотал ею, словно желая освобо-

диться от наваждения. — Нет, я больше не могу и не хочу бить по хвостам. Вчера, когда я доложил главному, что творится в крае, он стал орать на меня, дескать, я занимаюсь здесь черт-те чем, а заурядных воров поймать не могу. Я сказал, что отказываюсь от дела и возвращаюсь в Москву. Сегодня мне должны прислать замену.

Анатолий с недоумением смотрел на полковника и не верил своим ушам: как этот умный, волевой человек может отказаться от почти раскрытого дела? Да, край захлестнула преступность, и не Иванкин, не Швендик с Кукушкиным виноваты, но они — это тот самый кончик ниточки, потянув за который можно раскрутить весь клубок: вначале схватить мелкую шуштуру, потом взяться за крупную.

— Зря вы погорячились, Павел Федорович. Понимаю, наш главный — человек сложный, горячий, но на то он и начальник, чтобы подстегивать нас, требовать.

Щербаков грустно усмехнулся.

— Прости меня, Анатолий, — перешел он на совсем доверительный тон. — Взрослый ты мужчина, но еще совсем зеленый. Ответь мне на такой вопрос: почему наша страна — самая богатая, а народ — самый, можно сказать, бедный?

Анатолий смутился: ничего себе вопросик.

— Причин тут много...

— Назови главную.

— Наверное, войны.

— А какие страны миновали войны? Япония вон два атомных удара выдержала, а бедной ее не назывешь. — Щербаков глубоко затыкнулся несколько раз. — Мы, не считая войну в Афганистане, не воюем уже пятьдесят лет, собирались догнать и перегнать Америку, построить коммунизм... И могли бы, дело не в войне. А в том, дорогой Анатолий, что народ наш самый добрый и самый доверчивый. И самый терпеливый. — Снова пыхнул дымком, сосредоточенно о чем-то думая. — Вот скажи, ты стал бы баллотироваться хотя бы в депутаты, чтоб хоть как-то влиять на управление государством?

— Зачем мне? — пожал плечами Анатолий. — Политика — дело грязное и не интересует меня.

— Вот! — победно поднял палец Щербаков. — Политика — дело грязное. И я, несмотря на то, что всей душой болею за свой народ, хотел бы ему помочь, не стал бы бороться ни за депутатский мандат, ни даже за президентский, если бы представилась такая возможность. Потому что, чтобы победить, надо использовать все дозволенные и недозволенные приемы. Честный человек не идет на сделку с совестью, потому проигрывает. А те, кто пробирается наверх, забывают о народе, который вознес их на своих руках. И наплевать им на то, что он голодает, теряет веру во все и во всех, теряет свое достоинство и волю. Его обворовывают, обижают как липку. Построенные им рыболовецкие суда, рыбоконсервные заводы работают сейчас на Японию. Мы сплавляем туда рыбу, лес, бумагу, а сами покупаем у них залежалые вонючие консервы, заплесневелые "сникерсы", жевательные резинки. И ты хочешь, чтобы я гонялся за Иванкиным, которого выгнали из армии только за то, что он призвал прийти на помощь расстреливаемым, остался без средств к существованию и вынужден пойти на услужение к ворам? Нет...

— Мы — солдаты, Павел Федорович, — не внял его доводам Анатолий. — Мы приняли присягу.

— Ничего ты не понял, — безнадежно махнул рукой Щербаков. — А я хотел забрать тебя с собой, — и пошел

из номера, низко склонив голову и не оглядываясь. У двери остановился. — Кувалдина и Кукушкина надо брать немедленно — они ищут Иванкина и, если ты запоздаешь, разделяются с ним.

20.

Он чувствовал: опасность рядом, и хотя приучил себя еще в Афганистане относиться к смерти как к неизбежному и обыденному явлению, неприятный холодок пробежал по спине при малейшем подозрительном звонке в дверь квартиры, осторожных шагах на лестничной площадке. Когда Лена предложила ему сойти в Хабаровске, он воспринял это как дар судьбы: вряд ли у кого возникнет мысль искать его в краевом центре; теперь же, когда снова появилась необходимость в деньгах и надо было идти к Семену Яковлевичу, он вдруг понял, что вот тут-то и может случиться непредвиденное. Если изделия из "рыжевьевского" золота пошли в продажу, а ювелиру тоже деньги нужны, вычислить похитителя будет нетрудно. Проще простого будет найти и его.

А деньги нужны как воздух. Март месяц, всюду идет подготовка к изыскательским работам, и пора ему уезжать. Да и задерживаться подолгу в его положении на одном месте нельзя. Жаль расставаться с Леной — умная и добрая женщина, хорошая хозяйка и заботливая была бы жена. Но разговор на эту тему ни Валентин, ни Лена не заводили.

Надо и ей оставить хоть что-то: она за ним ухаживает, как за мужем — и обстирывает, и готовит, и все свободное время посвящает ему...

С полкилограмма золота он держал при себе в запертном на кодовый замок кейсе, остальное запрятал в дупле вяза. Когда будет уезжать, возьмет еще с килограмм. А пока надо бы продать это. Интуиция подсказывала — к Семену Яковлевичу не ходить. Но если уголовный розыск нашел золото с "рыжевьевского" прииска в Хабаровске, слежку установят не только за ювелиром Глузбергом.

Где же выход? Искать какого-нибудь частного стоматолога? Тоже риск, но другого выхода нет.

Он еще никогда не испытывал такого угнетающего, обезволивающего состояния: не хотелось никуда идти, что-то делать, предпринимать, думать о чем-либо. Пусть все свершится само собой. Но он знал — это бредовые мысли, так жить он никогда не согласится, не та натура, ему надо действовать, думать, искать. А чтобы избавиться от тревоги, следует перевернуть в памяти страницы лучших дней своей жизни. Их было не так много, но были.

Почему-то вспомнился Русанов. Сколько раз выручали они друг друга и в училище, и на Дальнем Востоке, и в Афганистане. Таких друзей, как Анатолий, у Валентина больше не было.

Может, махнуть к нему в Москву? Он теперь служит в Генеральной прокуратуре. Отдать все оставшееся золото, покаяться... — промелькнуло в сознании. — Нет, раскаянием тут не отделаться. Ведь столько за ним грехов — пособничество в краже золота, убийство Чукчи, смерть прокурора Перековского... Тюрьмы не избежать. Нет, лучше смерть... Но умереть никогда не поздно, надо думать, как выжить. Завтра же забрать из дупла зо-

лото, продать здесь граммов сто и уезжать... Куда? Конечно же, на запад, а потом на юг. Обстановка там боевая, может, снова его летная профессия пригодится.

21.

В Хабаровске Кувалдина и Кукушкина разыскал связник Сейлаш, по прозвищу Австрияк — отпрыск австрийского вояки, попавшего в России в плен и не желавшего возвращаться после войны на родину; ныне он работал на прииске "Рыжевье" охранником и попутно выполнял функции осведомителя. Он был хитер, ловок, умел втираться в доверие, и Кувалдин знал от него многое, что творилось на прииске. Информация, которую он принес на этот раз, давала исчерпывающий ответ о пропавшем золоте: летун в канун Нового года побывал на станции Семеновка, посетил парикмахерскую Соломона; представившись рыболовом, подарил парикмахеру двух сигов. Потом сел на поезд Березовь Комсомольск-на-Амуре, купив билет до Владивостока. В этом же вагоне ехала освобожденная из колонии Елена Рожкова, бывшая работница ювелирного магазина в Хабаровске, осужденная на два года. Проводница вагона подтвердила, что они ехали в одном купе и сошли в Хабаровске. Значит, летуна надо искать у Рожковой, заключил Австрияк.

В тот же день Кувалдин обзвонил ювелирные магазины и выяснил, что Рожкова работает на прежнем месте, в магазине на улице Карла Маркса.

Он послал Кукушкина проследить за ней, выяснить, где живет, и организовать за квартирой наблюдение. А вечером, когда они за телевизором попивали коньяк и строили планы, как вернуть золото и обойтись без потерь: летун — парень с головой, ухо с ним надо держать остро, — раздался телефонный звонок: "Летун со своей кралей взял билеты в кинотеатр "Гигант" на двадцатичасовой сеанс".

В одну минуту по-боевому собрались недавние охранники, а теперь охотники за золотом: зарядили пистолеты, сунули ножи в карманы и, выскочив на улицу, перехватили первую же машину, направлявшуюся в центр.

— Гони, браток, на сеанс опаздываем, а нас там ; вицы ждут, — сунул шоферу полсотни Кувалдин. — Не по-мужски получается.

На сеанс они не опоздали — как раз прозвучал только первый звонок, и летуна отыскать среди жидкой толпы зрителей оказалось делом нескольких секунд. Он стоял с девушкой у буфета, попивая сок из пластмассового стаканчика.

Кувалдин и Кукушкин, прячась за посетителями у буфетной стойки, подошли к Иванкину с двух сторон.

— Ба, какая встреча! — насмешливо-удивленно воскликнул Кукушкин. — Вот не ожидал. — Он держал руку в кармане, сжимая рукоятку пистолета, готовый при первой попытке оказать сопротивление пустить его в ход. И подивился: у летуна ни один мускул не дрогнул на лице, лишь в глазах блеснули недобрые искорки, тут же сменившиеся горькой усмешкой.

— И я не ожидал, — сказал он и, поставив недопитый стакан, протянул руку: — Ну, здорово, Кукушка.

Кукушкин помедлил: не обманный ли это жест? Но,

видя, что Кувалдин наготове и летун зыркнул в его сторону, выпустил пистолет и пожал протянутую руку.

— Значит, все в порядке? — первым задал вопрос Иванкин.

— Как видишь, — заулыбался Кукушкин. — Может, и не так, как у тебя, но выкарабкался. Давно с приятелем, — кивнул он на Кувалдина, — хотели тебя повидать, вот наконец встретились. Надо бы поговорить.

Иванкин понимающе кивнул.

— Иди, Лена, в зал, — сказал он девушке, — я скоро приду.

Фойе быстро опустело, лишь за стойкой буфета осталась продавщица да уборщица убирала посуду.

— Пройдем в туалет, — властно приказал Кувалдин.

Иванкин молча согласился.

Едва вышли в безлюдный коридор, как охранники стиснули летчика с обеих сторон, и Кувалдин стал обыскивать его, приставив пистолет к затылку. Нащупал “макарава”, вытащил из кармана.

— А мой где? — спросил Кукушкин.

— Твой я отдал прокурору, — ответил Иванкин.

— А где он? — вмешался Кувалдин на правах начальника.

— Не знаю. Он ушел на следующий день после Кукушки.

— Где золото? — Голос Кувалдина зазвучал жестче, требовательнее.

— Мы поделили его с прокурором.

— Где твоя половина?

— У меня. Немного, правда, пришлось израсходовать.

— Остальное?

— В тайнике. В лесу за Амуром.

— Завтра вернешь нам. И не вздумай на этот раз обмануть.

— Думаю, я имею право на долю...

— Не имеешь, — обрезал Кувалдин. — Ты нарушил контракт. И скажешь спасибо, если шеф оставит тебя в живых.

— Если со мной что случится, все ваши явки, посредники и подручные будут известны милиции.

— Напугал, — усмехнулся Кувалдин. — Там у нас тоже есть свои люди.

— И у меня, — заверил Валентин. — Передай это Семену Семеновичу.

Кувалдин недоверчиво глянул на Иванкина.

— Передам. И сколько же ты хочешь?

— Всего десять процентов. Разумеется, из того, что у меня. С прокурором договаривайтесь сами.

— Я передам шефу. Когда вернешь, что у тебя?

— Хоть завтра.

— Отлично. Встречаемся в десять утра у Дома офицеров. И чтоб без всяких шуток! От нас никуда не уйдешь.

— Это я понял, — улыбнулся Иванкин. — А теперь, прошу прощения, дама заждалась меня. До завтра, — и, не оборачиваясь, зашагал обратно в фойе...

В двенадцать часов ночи Кувалдин докладывал по телефону о ситуации связнику Фридриху. Тот все внимательно выслушал, а через полчаса перезвонил и передал приказ шефа: летуна пока не трогать — он на крючке у ментов.

“Нет уж, — Кувалдин бросил трубку. — Не такой я дурак, чтобы столько гоняться и ничего не получить. — И вдруг его осенила догадка: — А ведь они сразу договорились, поэтому летун действовал так смело и уверенно...”

— Ты чего там бурчишь? — отрываясь от подушки, спросил задремавший было Кукушкин.

— Завтра объясню, когда возьмем золото, — сердито ответил начальник. — Всю обойму не пожалею на твоего летуна.

22.

— Кто это? — спросила Елена, когда Валентин сел рядом с ней.

— Дома расскажу, — ответил он как можно спокойнее, хотя нервная дрожь никак не унималась, так ошарашило его появление Кувалдина и Кукушки. Значит, выжил охранник, выбрался из тайги. Но как им удалось разыскать его? И надо же, где подстерегли... Как это у него хватило выдержки не вступить с ними в схватку?... Конечно, стрелять бы они не стали: не он дорог — золотишко, да и место людное, милиция могла повязать... Но теперь от них не оторваться...

Из кинотеатра возвращались молча. Валентин погрузился в свои думы: как вести себя дальше? стоит ли рассказать правду Лене? Она — единственный человек, которому хотелось открыться, но надо ли впутывать ее в свои дела, заставлять волноваться?

Лена ни о чем не спрашивала: то ли все еще находилась под впечатлением кино, то ли устала за день.

Дома, подавая на стол, она пылливо глянула ему в глаза:

— Тебя эта встреча очень огорчила? Тебе надо уезжать?

— Уезжать надо, ты права, но не из-за встречи, — возразил Валентин. — Весна на дворе, пора за работу. А с тобой жаль расставаться: ты подарила мне много счастливых дней. — Он обнял ее и крепко поцеловал. Она прильнула к нему, и он почувствовал на своих щеках ее слезы. — А вот это зря, — с улыбкой пожурил Валентин. — Ты умная, сильная женщина и должна понимать, что счастливой жизни не бывает, бывают лишь счастливые мгновения. И они еще у нас впереди. Надо только уметь надеяться и ждать.

— Я буду ждать! — горячо заверила Лена.

Они попили чаю, Валентин, взяв свой “дипломат”, достал оттуда мешочек с золотом (приготовленные очередные сто граммов для продажи Семену Яковлевичу):

— У меня тут залежался небольшой запасец, подарок друга-золотоискателя. Возьми, спрячь подальше. В трудную минуту пригодится.

— Нет, нет! — запротестовала она. — Мне ничего не нужно, я хорошо получаю. Ты просто обижаешь меня.

— Ну зачем ты так? В тайге оно мне все равно без надобности, а тебе... Тебе надо квартиру купить. Хотя бы однокомнатную. Теперь за деньги все можно. Только будь поосторожнее, не доверяйся случайным людям... Не упрямясь. — Он с силой вложил ей в руку мешочек.

Она прижалась к Валентину, всхлипнула:

— Я так боюсь за тебя... Эти двое с бандитскими рожами...

— Ну не такие уж они страшные. Ложись и спи спокойно, а я займусь кое-какими бумажными делами: надо план работы составить, письмо другу в Москву написать...

Еще в фойе кинотеатра, когда Кувалдин пригрозил

ему, он подумал об Анатолии — ему можно довериться.

Бегло и коротко Валентин описал свою жизнь после отъезда из Москвы, причины, побудившие его принять предложение преступников, назвал фамилии всех, частных в той или иной мере к похищению золота и контрабанде. Заклеил конверт, вложил его в другой, просил вскрыть, если Анатолий в течение месяца не получит еще письма.

Лена, лежа в постели, ждала его.

— Может, останешься? — несмело предложила она. — Разве здесь не найдется для тебя подходящей работы?

— Нет, конечно, — то ли шутя, то ли серьезно сказал он, глядя ее волосы. — Я — таежник, шатун и без тайги зачахну.

— Я боюсь за тебя, — призналась она. — Хотя понимаю, здесь тоже стало небезопасно.

— Все будет хорошо. Осенью я вернусь или напишу, и ты приедешь ко мне. А теперь — спать...

Лена поверила, успокоилась и уснула. А он лежал, думал, переворачивая в памяти страницы своей короткой и не очень-то радостной тридцатипятилетней жизни. Заснул только под утро коротким, тревожным сном, и ему приснилось училище, Анатолий, совсем еще юный, в курсантской форме, озабоченный и расстроенный.

— Ты знаешь, — говорил он с обидой Валентину, — Тамара отказала мне. Сказала, вот если бы я был техником, она с радостью пошла бы за меня замуж. А за летчика не хочет. Кто, говорит, будет кормить, воспитывать детей, если с тобой что случится?

— Дура твоя Тамара и сволочь, — категорично заявил Валентин, — если кругом ищешь расчет и выгоду. Ты и сам должен отказаться от нее.

— А зачем ты похитил золото? — вдруг спросил Анатолий.

— А ты откуда знаешь? — удивился Валентин.

— Знаю, — усмехнулся Анатолий. — Зря ты это сделал. Верни. За тобой охотятся Кувалдин и Кукушкин...

Фраза прозвучала так явственно, что Валентин проснулся. В комнате было темно, но на кухне горел свет.

Лена собиралась на работу.

“Приснится же такое, — подумал Валентин. — Интересно, где теперь Анатолий и чем занят? Знает ли о слухе с вертолетом в тайге и что летчиком на нем был я? О вертолете, наверное, знает — об этом по радио передавали, а вот что пилотировал я — вряд ли. Тем более не может знать, что пропажа золота — моих рук дело. Он не поверил бы, если б и узнал...”

Лена ушла. Он стал собираться. Положил в “дипломат” бритву, мыло, нательное белье и спортивный костюм. Повертел в руках перочинный нож и отложил: все равно Кувалдин с Кукушкиным отберут. Нож был с вилкой и ложкой — походный, в тайге необходимая вещь, да и в дороге. Передумал, сунул в карман — может показаться подозрительным, что у него никакого оружия.

К десяти часам, как было и условлено, подошел к Дому офицеров, опустив по пути письмо в почтовый ящик. Остановился у входа. Кувалдин и Кукушкин появились тут же, как из-под земли, и пристроились по бокам, держа руки в карманах. Видать, с пистолетами на взводе. Валентин молча повел их по торосистому льду на левый берег Амура.

Утро было морозное, ветренное, но мартовское солнце уже кое-где начало плавить остроконечные глыбы, превращая их в ноздреватые, причудливых форм на-

долбы. У берега местами выглядывала из-под снега бурая трава. Серые пичужки, похожие на воробьев, грелись и искали в ней пропитание, временами набрасываясь друг на друга. “Тоже борьба за существование, — грустно подумал Валентин. — Только не такая жестокая и коварная, как у людей”.

Обычно в это время еще сидели рыбаки, но на этот раз лишь вдаль виднелась троица отважных, упорных подледников, на которых не влияли ни ветер, ни плохой клев.

На середине Амура Кувалдин придержал Валентина за плечо.

— Ну-ка покажи, что там у тебя в твоём кейсе, а ты проверь карманы, — приказал он Кукушкину.

Убедившись, что в “дипломате” ничего опасного нет, Кувалдин вернул его. Кукушкин протянул начальнику перочинный нож.

— Больше ничего.

— Оставь ему, — насмешливо бросил Кувалдин. — Может, еще доведется этой ложкой похлебать таежного варева.

Дальше до самого леса шли молча, все тем же рядом — Кувалдин слева, Кукушкин справа.

Лес здесь был редкий, смешанный — рядом с сосной росли березы, пихты. Местами в низинах прошлыми весенними паводками деревья подмыло, и они лежали, обнажив могучие корни, преграждая дорогу путникам. Кукушкин чертыхался, неуклюже перелезая через стволы.

— Далеко ж ты запрятал наше золотишко, — первым не выдержал Кувалдин. — И с вертолетом хитро придумал. А вот с ювелиром явную ошибку допустил: тебя по тем цацкам, какие еврей мастерит, не только мы, а и менты не сегодня-завтра вычислили бы. И с эзкой зря спутался. Как же это ты, летчик, не побоялся? Кстати, ты у нее не оставил рыжевь? Учти, в случае чего мы и ее на ремешки изрежем.

Перешли неширокую протоку, берег которой и вовсе был завален буреломом, и пришлось продираться как сквозь джунгли.

— Ты, случаем, не заблудился, как на вертолете? — зло спросил Кукушкин, доставая из кармана пистолет. — На этот раз твой фокус не пройдет, первым всажу тебе пулю, если снова вздумаешь дурить.

— Мы его на костре будем поджаривать, пока он не отдаст все до последней крупинки, — поддакнул и Кувалдин.

Валентин молчал, берег силы и нервы. Их двое, они сильнее и оба вооружены, надо ни в чем не просчитаться, действовать быстро и точно. Малейшая оплошность — гибель, а ему, еще вчера безразличному к своей судьбе, вдруг очень захотелось жить, может, потому, что повесенному светило солнце, может, из-за ненависти к этим двум подонкам, а может, просто потому, что человек и рождается для того, чтобы жить, бороться за свое счастье...

Вот наконец и вяз с дуплом. Его широкая горловина припорошена снегом, значит, и внутри снег. Дотянуться до него рукой даже очень высокому человеку не удастся. Валентин забирался туда, накинув на сук веревку. На этот раз он веревку не взял специально.

— Здесь, — сказал Валентин, останавливаясь около дерева и взглядом показывая на дупло. — Вот черт, за был веревку прихватить.

— Ничего, подсадим, — повеселел Кувалдин. Но, до-

гадавшись, что в дупле может лежать и оружие, приказал Кукушкину: — Полезай ты. А ты, — кивнул он Валентину, — подставляй свой горб.

— Отлично, — отметил про себя Валентин, — этого как раз мне и надо". Он услужливо согнулся, упиравшись руками в ствол дерева. Кукушкин, крихтя, забрался ему на спину. Стал выгребать из дупла снег.

— Есть! — воскликнул радостно через минуту, доставая мешочек с золотом. В нем было килограммов шесть, все оставшееся у Валентина в наличии, не считая тайника в месте приземления вертолета.

— Это и все? — спросил Кувалдин.

— Там есть еще мешочек, — ответил Валентин. — Конечно, не все же тридцать килограммов можно было туда засунуть.

— Больше тут ничего нет, — возразил Кукушкин.

— Поищи получше, может, трухой забило.

Кукушкин еще возился несколько минут:

— Нету. У меня рука уже заоченела.

— Значит, в другом дупле, — словно бы вспомнил Валентин, давая возможность Кукушкину спуститься на землю. А когда он слез, усомнился: — Все-таки, кажется, здесь. Ты, наверное, плохо искал.

— Полезай сам! — хмыкнул Кукушкин, наслаждаясь своим превосходством: наконец-то и ему выдалась возможность покомандовать.

Валентин подтолкнул его к дереву и, не давая опомниться, заставил упереться руками в ствол, подставить ему спину. Одним движением взмахнул на нее и, ухватившись за сук, второй рукой полез в дупло. Но не вниз, а вверх, где, прикрытый ветошью, лежал пистолет. Быстро переместил его в рукав. Потом стал ковыряться вниз.

— Да, остальное во втором дупле, — сказал неуверенно, слезая со спины бандита.

— И далеко оно? — Кувалдин начал накаляться.

— Да вон, рядом, — указал Валентин почти на такой же старый, разлапистый вяз, росший метрах в ста пятидесяти.

Пока шли к дереву, Кувалдин развязал мешочек и, зачерпнув золотую россыпь, любовался сверкающими, как само солнце, крупинками, перекатывая их на ладони.

Как и у первого дерева, Валентин покорно подставил спину. Кукушкин полез. Кувалдин стал рядом, задрал голову, с нетерпением ожидая, сколько золота достанет парник на этот раз. Когда Кукушкин запустил руку в дупло, Валентин снял с предохранителя пистолет и, рванувшись в сторону, сбил с ног Кувалдина. Не успел начальник охраны понять, что произошло, как две пули прошили его насквозь.

Кукушкин висел, уцепившись одной рукой за сук, второй за край дупла, надеясь, видимо, что смерть и на этот раз обойдет его стороной. Валентин же думал по-другому: не дай он спастись Кукушкину, избежал бы сегодняшних приключений. Пока бандит приземлялся, он успел выстрелить дважды.

Иванкин нагнулся, вынул из руки Кувалдина пистолет, разрядил. Вытащил обойму, разрядил. Пистолет бросил в дупло. То же проделал и с оружием Кукушкина. Обыскал карманы бандитов. Достал документы, деньги. В карман Кукушкина сунул свой паспорт, а его забрал себе.

Окинул презрительным взглядом недавних охранников, с которыми не раз встречался и распивал чай. Вид крови, все еще сочившейся из-под пробитых курток и

расплывающейся под убитыми багряными сгустками, их побледневшие лица, ставшие другими, незнакомыми, производили гнетущее впечатление.

Валентин с трудом вытащил из коченеющей руки Кувалдина мешочек. Почему-то вспомнились слова знакомого старателя: "Золото — это капли пота солнца, упавшие на землю. Потому, чтобы их найти, надо пролить море пота".

За эти шестьдесят килограммов пролит не только пот, но и кровь.

Он еще раз окинул взглядом трупы и помотал головой, словно желая отогнать наваждение. Надо скорее вернуться к Лене, оставить золото и предупредить, чтобы тоже уезжала: поделники Кувалдина и Кукушкина не оставят ее в покое.

23.

Вечером Анатолий проводил Щербакова в Комсомольск-на-Амуре, а сам с оперативниками занялся поисками Кувалдина с Кукушкиным и Иванкина с его новой знакомой Рожковой. На ноги была поднята вся милиция, но лишь в десятом часу Русанову поступил первый доклад: Елена Рожкова работает в ювелирном магазине на улице Карла Маркса и в настоящее время находится там.

Анатолий помчался в ювелирный магазин. На вопрос, где и когда девушка в последний раз виделась с Валентином Иванкиным, Рожкова удивленно распахнула ресницы.

— Никакого Валентина Иванкина я не знаю.

У нее не дрогнула ни одна черточка простодушного и открытого лица, и голос был так спокоен, что Анатолий почти поверил в ее искренность.

— Но как же? — возразил все-таки он. — Вы ехали с ним в одном купе, сошли вместе...

— Нет, — помотала головой девушка. — Я ехала с Эдиком, с Эдуардом Перекосовым, — поправились она. "С Перекосовым? — На этот раз у Анатолия брови полезли на лоб от удивления. — Вот, значит, где застрял прокурор. А где же тогда Валентин?"

— Вы не ошибаетесь? — переспросил Русанов и достал из кармана фотокарточку Перекосова. — Он?

Девушка снова помотала головой:

— Нет. Этого человека я никогда не видела. У Эдика темная борода, усы и лицо попроще, помужественнее.

Анатолий достал фотокарточку Иванкина. Девушка внимательно всмотрелась и кивнула.

— Да, это он. Только без бороды и усов.

У Русанова вспыхнуло лицо, и все тело будто обдало жаром: Иванкин убил Перекосова, живет по его документам!

— Где он сейчас? — Новый вопрос, прозвучавший требовательно и жестко, еще больше смутил девушку, вдруг начавшую понимать, по какому поводу явился к ней этот незнакомый мужчина, не иначе работник следственных органов.

— Видите ли, — она нервно стала мять край блузки, — он вчера встретился с товарищами по работе, и те передали ему, что начальство ждет его в управлении, сегодня он должен был пойти туда и узнать о сроке отъезда.

— Где он живет?

Лицо девушки залило краской.

— У меня... вернее, мы вместе снимаем квартиру...

— Адрес?! — властно перебил ее Анатолий. И едва она произнесла название улицы, номер дома и квартиры, вскочил со стула и кинулся к выходу.

24.

Валентин, прежде чем войти в подъезд, неторопливо обошел дом, внимательно всматриваясь во все уголки, где могла поджидать засада. Ничего подозрительного не обнаружив, стал подниматься по лестнице на третий этаж. Открыл дверь запасным ключом, оставленным ему Леной.

Старушки дома не было, видно, ушла в магазин или к товаркам, посудачить о жите-бытье (она не любит одиночества), и Валентин обрадовался: никто не будет ему мешать обдумывать план дальнейших действий и собираться в дорогу. Хотя, собственно, он собрался еще утром — все его состояние уместилось в обычный дорожный кейс, с которым ездят в непродолжительные командировки.

Поставил на плиту чайник и, пока вода кипятилась, достал из кейса мешочек с золотом и сунул его в валежник Лены. Написал на листке коротко: "Лена, если хочешь, чтобы ноги у тебя всегда были здоровыми и стройными, носи валенки. Даже в комнате их полезно обувать время от времени". Под подушку положил часть "конфискованных" у Кувалдина и Кукушкина денег.

"Вот и все, — повторил он ставшую символичной в последнее время фразу, подводившую черту под безвозвратно ушедшим прошлым. — Теперь, пока не нашли тела Кувалдина и Кукушкина, надо быстрее выбираться из города. Но куда?.. Куда отправится первый поезд! Каждая прожитая здесь минута грозит опасностью. Правда, и в дороге придется держать ушки на макушке, но отсюда надо бежать немедленно".

Он дождался-таки, когда закипит чайник, собрался заваривать кофе, как в дверь позвонили.

Кто бы это мог быть? У старушки свой ключ, у Лены тоже, да она никогда и не уходила преждевременно с работы. Он замер.

Звонок требовательно повторился.

Валентин достал пистолет, снял с предохранителя и дослал патрон в патронник. Прислушался. За дверью было тихо. "Либо кто-то к старушке, либо почтальон", — мелькнула успокоительная мысль. Ее тут же прервал знакомый голос:

— Валентин, открой, это я, Анатолий.

"Анатолий? — Валентин глянул на свои руки, на пистолет. — Не сон ли это? Откуда он? Зачем?"

— Валя, прошу тебя, — повторил Анатолий взволнованно.

И он понял все.

— Ты один?

Анатолий помолчал.

— Один. Открой.

Валентин, держа пистолет на изготовку, открыл дверь.

Да, это был Анатолий Русанов, с которым они столько лет делили радости и печали, успехи и неудачи. Ва-

лентин хотел было обнять друга, но тот жестом остановил его.

— Извини, Валентин. Ты догадываешься, зачем я здесь. Хотя у меня и не было вернее и роднее друга, но я вынужден тебя арестовать.

Иванкина будто окатило ледяной волной. Он отступил назад, глянул с грустной усмешкой в глаза Анатолию:

— Ты все служишь... А моя присяга кончилась три года назад, ты это знаешь.

— Знаю. Скажи, зачем тебе понадобилось золото? — перешел Анатолий к прямому вопросу.

— Золото мне не понадобилось, — ответил Валентин, озлобляясь на друга, в глазах которого уже был преступником. — Так сложились обстоятельства, что я вынужден был защищаться.

— Прокурора Перекосова ты убил?

— Его никто не убивал. Он замерз, когда пытался добраться до ближайшего населенного пункта.

— Ты можешь это доказать?

— Да. Я похоронил его.

— А Швендик?

— Его я застрелил, когда он пытался убить меня.

— Где Кувалдин и Кукушкин? Ты знаешь, что они тебя ищут?

— Знаю. Нашли. И я вынужден был отправить их вслед за Швендиком.

— Понятно. Сдай оружие.

— А вот об оружии не надо. В тюрьму я не пойду.

— Не глупи, у тебя нет другого выхода. — Анатолий протянул руку за пистолетом.

— Выход есть, — возразил Иванкин. — Я мог убить и тебя, когда ты входил в комнату. Но я оставил этот вариант тебе.

— Ты знаешь, я его не приму.

Валентин грустно усмехнулся:

— Ты прилетел сюда искать вертолет с золотом...

— И тебя.

— Отлично. План, где находится вертолет и захоронено золото, я тебе уже послал. В Москву. Отдаю копию. Что же касается меня... На левом берегу Амура, недалеко отсюда лежат два трупа. В кармане одного из них документы на имя Иванкина. Постарайся убедить начальство, что это он и есть.

Валентин достал из "дипломата" листок со схемой и передал Анатолию. Повторил с улыбкой давно забы-

— Не трудно умереть за друга, трудно найти такого друга, за которого можно было бы умереть.

Они крепко, по-мужски обнялись.

— И куда ты теперь? — невольно вырвался вопрос у Анатолия.

— Ищи меня в горячих точках. Может быть, там моя жизнь будет чего-нибудь стоить.

Евгений

ГУСЕВ

СЕНС

Рассказ

Майору Ручкину третью ночь подряд

снился один и тот же сон: будто заходит к нему Борька Синицын, начштаба соседнего батальона, с которым когда-то вместе заканчивали училище и дружковали, и говорит:

— Живешь ты, Миша, знаю, нормально. А вот "тачки" своей у тебя нет. Желание есть, но этого, как известно, мало. Так вот, слушай сюда... — И третью ночь подряд он повторял одно и то же: — Поскольку мы с тобой старые приятели, я готов одолжить тебе недостающее...

С этими словами Боря Синицын исчезал, видимо, уходил за деньгами, а Михаил просыпался. Причем просыпался резко, около двух часов ночи и уже никак не мог заснуть.

Настойчивые предложения Синицына выводили Ручкина из душевного равновесия. Он стал рассеянным и раздражительным. И первой, кто на это обратил внимание, была, разумеется, жена. В выходной утром она спросила,

глядя в блуждающие глаза мужа: — Ты можешь

мне объяснить, что с тобой происходит? Впрочем, не надо ничего объяснять и так вижу. Вижу, как по ночам ты не спишь, со службы приходишь словно в воду опущенный... Только имей в виду — детей я тебе не отдам!

Шлепок по небритой щеке вывел майора из гипнотического состояния. Поняв, что речь идет о его поведении, он толкнул дверь в кухню, куда ушла плачущая жена.

— Кать, погоди... Кать, ты... это... чего? — заговорил извиняющимся тоном Ручкин, кладя руку на подрагивающее плечо жены. — Ты что же это могла подумать, а? Да неужели ты меня, Кать... Ведь это смешно, честное слово. Я тебе все сейчас объясню, ты только не волнуйся...

— Во-первых, я и не волнуюсь. — Движением плеча Катя освободилась от руки мужа. — Во-вторых, ничего объяснять не надо. Ты из меня дурочку-то не делай! Люди мне все рассказали.

Александр РАТНЕР

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

История повторяется: мы опять ее переписываем.

Это ли не исторический пережиток — жить с царем в голове.

Не потому ли хромает история, что в ней наступил перелом. Жаль, что на крутых поворотах истории нет указательных знаков.

Сколько уроков истории в школе жизни, и ни одной переменки.

Мало знать правду о нашей истории, надо еще стать долгожителем, чтобы узнать, как было на самом деле.

Эпитафия: "Раздавлен колесом Истории".

— Да кто и что тебе мог рассказать?! — начал заводиться Михаил. — Какие люди?! Я сам толком не врублюсь... Просто Боря Синицын предложение сделал...

— Вот иди и живи с ним, коль он тебе предложение делает! — Жена решительно вышла из кухни. Последнее ее слова донеслись уже из комнаты: — А Синицыну своему так и передай: чтоб ноги его больше тут не было!

Михаил тяжело опустился на табуретку, облокотился на подоконник и стал размышлять: "Ну с чего это, действительно, Борька донимает меня по ночам своим предложением? Откуда он вообще узнал, что я хочу купить машину? Я ему об этом не говорил. И никому не говорил, даже Кате..."

И тут его словно током ударило. Он вздрогнул от поразившей мысли и вскочил с табурета: "Не может быть!.. А вдруг?.. Что значит "вдруг"?! Все точно! Самая настоящая передача мыслей... Значит, я могу внушить Борису... Значит, я обладаю способностью!.."

В волнении Михаил снова приземлился на табуретку. "Так! — хлопнул он себя по коленкам. — Только не расслабляться. Ну, Мишка, давай!" Что значит "давай", он пока не знал, но уже в следующую минуту подскокил к телефону.

— Ты чего, майор, в такую рань звонишь? — спросил Борис, зевая. Но Ручкин от волнения ничего не ответил и только протяжно дышал в трубку. — Хотя я сам думал позвонить тебе, — продолжил Синицын. — Дельце у меня к тебе деликатное есть, понимаешь?

— Понимаю, понимаю! — радостно выпалил Михаил. — Как не понять. Ты даже не представляешь, как я все понимаю! Деньги, да?

— М-м-м... — неопределенно замычал в трубку Борис.

— Тогда до понедельника! — весело закруглил разговор Ручкин и повесил трубку.

Ожидание встречи с Синицыным тянулось мучительно долго. Когда Борис появился в кабинете, Михаил бросился к двери и повернул ключ.

— Говори! — приставил он указательный палец к груди капитана. Тот помялся, но в конце концов выдавил:

САПОГИ

ВСМЯТКУ

“ПОКОРНО СЛЕДУЮ ПРИРОДЕ...”

***

Глубокий заморозок ночью,
Туман холодный над травой.
Здесь время движется впопыхам
Вслед за природою живой.
И сам я в том круговороте
Путей окольных не ищущу:
Покорно следую природе,
Подобно елке иль хвощу.

***

С прилипчивым чувством вины
Люблю аккуратные грядки,
Как будто я житель страны
Иной, где иные порядки.
Где каждый ничтожный клочок
Лелеемой местной природы
В судьбою назначенный срок
Дарует обильные всходы.
Казалось бы, вроде пустяк —
Земли обиходить квадраты,
Но если б мы делали так,
О как бы мы были богаты!

ГУМАНИЗМ

Вчера в шестом часу утра
Я ошалел, признаюсь честно:
Вошла в палату медсестра,
Гостеприимная телесно...
Она закапала мне в глаз,
Но было этого мне мало:
Я ясно помню, как сейчас, —
Она меня поцеловала!..
След от помады я храню,
Боюсь, не выветрился чтобы,
И поцелуй ее ценю,
Как гуманизм высокой пробы.

КАК СОБЛАЗНИТЬ МУЖЧИНУ

Мужчина упирается всегда —
Такая он упрямая собака.
Бойтся, словно Страшного суда,
Законного он с женщиною брака.
Но стоит лишь волосья распустить —
Он беззащитен, он уже в отрубце.
И можно даже водкой не поить,
И не кормить его “селедкой в шубе”.
Ведь волосы распущенные — ночь
Ему напомнят, полную соблазна...
И можно сразу в загс его волочь,
И после издеваться всяко-разно.

***

Я сам себе, бесспорно, враг,
Хоть это слишком поздно понял.
И признаюсь, что я — дурак:
Ведь столько в жизни проворонил.
Но утешаюсь между тем,
Что мой закат, похоже, светел:
Да, я дурак, но не совсем,
Раз вашу красоту заметил!

***

С начала всех начал,
Не вглядываясь в миги,
Я жизнь обозначал,
Предпочитая книги.
Отметился во всем —
От быта до искусства;
Обрел последний дом —
Приют остатков чувства.
И горестно ворча,
Что жил не так, как надо,
Угасну, как свеча,
Жаль, что не как лампада...

— Слушай, Миша, живешь ты нормально. Все у тебя есть, а...
— Собственной “тачки” нет! Так? — закончил за него Ручкин.
— Н-ну... в общем... — растерянно выговорил Борис.
— Деньги?! — выпалил Михаил, не отрывая палец от груди товарища.
— Н-ну... в общем... — повторил Борис, с тревогой вглядываясь в него.
— Так я и знал! — Ручкин закрыл рукою глаза. Потом, как бы очнувшись, схватил Синицына за лацканы кителя:
— Боря, я — сенс! Ты должен подтверждать!.. Об этом должны знать все! Это не может принадлежать одному человеку! Это национальное достояние!

Лицо капитана приобрело форму груши, и он произнес срывающимся голосом:

— М-может, не надо, М-миша?
— Ты не прав, Борис! — с незнакомой усмешкой ответил Ручкин и толкнул его в учебный класс. — Говори, Боря! — простер он руку в сторону батальонных офицеров.

— А что я должен говорить? — наконец пришел в себя Синицын, поправляя галстук и одергивая китель. — Вы и сами видели, как он схватил меня за грудь и начал предлагать какие-то деньги. Честно говоря, я хотел занять у него... Знаю, что выдали “боевые”... Но даже заикнуться не успел, а он... Я еще в субботу почувствовал, что он чего-то того... не в себе — Борис постучал пальцем по собственному лбу. — А тут “сенсом” себя называл, национальным достоянием...

Майор Ручкин, словно во сне, наблюдал, как его товарищ капитан Боря Синицын ходит между столами и, касаясь то руки, то плеча удивленных ребят, говорит:

— Эй-богу, мужики, не брал у него ни копейки...

САПОГИ

ВСМЯТКУ

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование внутренних войск
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия: АРИБЖАНОВ Р.М., АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А., БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответственный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ВИННИК В.В., ЕРМАКОВ П.И., КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П., КОЛЕСНИКОВ С.С., ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В., СЕНОКОСЕНКО Л.Ф., СКРЯБИН В.Н., СТЕПАНОВ А.Р. (зам. главного редактора), СЫЧЕВ В.А., ТОНКОНОГОВ В.П., ШИШОВ А.Г. (зам. главного редактора), ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОРОДИН В.В.

Верстка ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки коллаж Ольги ВИНОГРАДОВОЙ

Журнал имеет приложения: газету “Ситуация” и сборник учебно-методических материалов “Войсковой вестник”.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 16.09.2004. Подписано к печати 28.10.2004. Формат бумаги 84x108 1/16. Общий тираж изданий 15 000. Печать офсетная. Усл.печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 11. Зак. № 983. Индекс для индивидуальных подписчиков — 70610, для предприятий и организаций — 73175.

Отпечатано в ООО “Печатный дом” Ундервудъ
101000, г. Москва, Б. Златоустинский переулок, д. 8/7, стр. 1

Если бы в русской литературе существовало почетное звание народного писателя, то Виктор Федорович Боков был бы сегодня достоин его больше других. И дело даже не во всероссийской известности. Сам поэтический дар Бокова идет от корней народных — от песни, частушки, сказа. Он родился в деревне Язвицы Сергиево-Посадского уезда Московской губернии в 1914 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Перед самой Великой Отечественной был арестован и сослан. После реабилитации вернулся в Москву, где в 1958 году вышли сразу две его книги стихов "Заструги" и "Яр-хмель". Автор многих поэтических сборников, а также прозаических миниатюр, известный собиратель частушек. На его слова написано немало песен, многие из которых стали поистине народными: "Вот кто-то с горочки спустился", "Ой, снег-снежок", "На побывку едет молодой моряк", "Оренбургский пуховый платок"... Мы от души поздравляем Виктора Федоровича с девяностолетним юбилеем!

* * *

Произношу сквозь бедствия
и плачи
На перепутьях века мировых:
Жива любовь в России, а иначе
Жить незачем, коль нет ее
в живых!

Такое было в прадеде и в деде,
Мы все любовью к Родине горим.
Не сомневались мы в своей победе,
На этой вере только и стоим!

1999

Мы издаем для вас:
журнал "На боевом посту",
газету "Ситуация",
сборник учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник"

Индекс на подписку:
"На боевом посту" — 73 175
"Ситуация" — 50 157
"Войсковой вестник" — 73 515

Адрес редакции:
111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-8171, 916-2878, 916-2789
Факс: 917-7266
E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Ваша газета о внутренних войсках